

АЛЬМАНАХ

№1 (23) 2002

Издается с 1995 года

УЧРЕДИТЕЛИ:
Новгородский
Государственный
Университет
им. Ярослава Мудрого,
Администрация
Новгородской области

«...В самый торжественный момент, когда наконец-то завеса с монумента была сдёрнута, многотысячная толпа пала на колени, и «сама природа заплакала» усилившимися дождевыми струями».

Читайте статью на стр. 16

СОДЕРЖАНИЕ:

НОВГОРОД

- Владимир ЯДРЫШНИКОВ* — 3
Две обители в Радоковицах
Геннадий КОВАЛЕНКО — 12
Новгородский воевода князь Иван Никитич Одоевский

ЭХО

- Юрий МАРКИТАНОВ* — 16
Открытие в Новгороде памятника императору Александру II
Роберт БАЙРОН — 20
Великий Новгород
Ирина БАБУШКИНА — 24
Памятники истории и культуры уездного города Кириллова
Наталья ПЕТРОВА — 27
Церковь Ризоположения
Людмила СЕКРЕТАРЬ — 30
Новые материалы о новгородском периоде жизни
В.А. Тропинина
Сергей ВИТУШКИН, Тамара АЛЕКСАНДРОВА — 32
Три зимних месяца

КАФЕДРА

- Юлий ЦИРКИН* — 37
Кумранская община
Валерий ВАСИЛЬЕВ — 41
Тайна названия села Марёво
Павел ФОКИН — 47
Самоубийство Кириллова: Поэтика мистического в романе
Ф.М. Достоевского «Бесы»
Галина ПОРОВСКАЯ — 51
Классическое образование плюс гармония чувств

АРХИВ

- Дмитрий МИХАЙЛОВ* — 53
Парк академика Железнова на Новгородчине
Ирина САВИНОВА — 60
Гроза 1812 года
Леонид ЕВДОКИМОВ — 68
XX век под знаком авиации
Алексей ПШАНСКИЙ — 74
Война, жаркая и холодная
Алексей СМЕРНОВ — 77
Матушка Маврикия
Наталья МОРЫЛЁВА — 81
О Слезкинском

EXLIBRIS

- Людмила ПЕТРОВА* — 86
Листая страницы прошлого: из истории Демянской
центральной районной библиотеки

<i>Тамара СИГАЛОВА</i> — Земство в произведениях русских писателей	91
ПЕРО	
<i>Игорь ТАЯНОВСКИЙ</i> — Венок сонетов	92
<i>Ирина ПАВЛОВА</i> — Здравствуй, Груша	94
<i>Ирина ЩУКИНА</i> — Шола	97
<i>Тамара СИГАЛОВА</i> — Стихи	101
МАСТЕРА	
<i>Владимир ЯРЫШ</i> — Красота создаётся зубами	102
ВЕРНИСАЖ	
<i>Юлия ИВАНОВА</i> — Скоморохи	108
ДОБРЫЕ СЛОВА	
	110

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Тамара СИГАЛОВА
(главный редактор)
Елена БАРКАНОВА
(ведущий редактор)
Марина БУРЬЯК
Сергей ВИТУШКИН
Анатолий ДОНЧЕНКО
Виктор ДУДКИН
Татьяна ЗОЗУЛЕНКО
Геннадий ИГНАТЬЕВ
Вячеслав ИЩЕНКО

Геннадий КОВАЛЕНКО
Наталья МОРЫЛЕВА
Людмила ПЕТРОВА
Владимир ПОВЕТКИН
Ирина САВИНОВА
Наталья САУКОВА
Людмила СЕКРЕТАРЬ
Владимир ТЮРИН
Павел ФОКИН
Владимир ЯДРЫШНИКОВ
Владимир ЯРЫШ

ДВЕ ОБИТЕЛИ В РАДОКОВИЦАХ

На северной окраине города, на правом берегу Волхова, сразу за земляным валом стоит небольшая, изящная, по-девичьи стройная церковь Иоанна Богослова на Витке (или иначе — «в Радоковицах»). Ныне она является единственным напоминанием о двух существовавших здесь женских монастырях. Храм входит в число «классических» памятников, т.е. возведенных в период расцвета новгородского зодчества (вторая половина XIV–XV вв.). Он упоминается почти во всех путеводителях по городу, учебниках и

обобщающих трудах по архитектуре. Однако содержащаяся в этих изданиях информация крайне скупа и стереотипна и сводится по существу к замечаниям о его стройных пропорциях и выразительном декоре южного фасада. При ближайшем рассмотрении оказывается, что памятники архитектуры классического периода вообще обделены вниманием ученых и уже около 40 лет о них не написано ничего существенно нового. Для сравнения: если по некоторым храмам Новгорода XII–XIII вв. количество специальных статей дости-

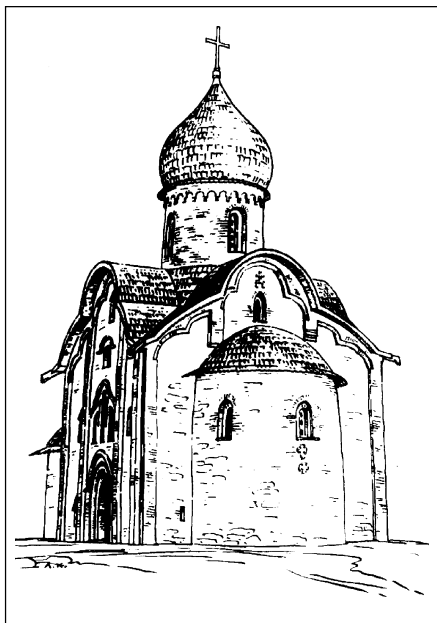
гает десятка и более, а общий список библиографии — сотен названий, то памятникам XIV–XV вв. посвящены в среднем одна–две специальных статьи. Например, из специальных работ, посвященных церкви Иоанна Богослова, можно назвать лишь популярную брошюру Л.М. Шуляк 1959 года. Имеется несколько причин этому странному явлению. Это и бедность источниковой базы, поскольку документы гибли во время пожаров и разорений, и отсутствие важных с точки зрения летописца событий в жизни небольших храмов или монастырей, и отсутствие или неполнота отчетных реставрационных материалов, которые всегда содержат наибольший объем информации. Учитывая все эти трудности, попытаемся все же прояснить историю данного уголка города на современном уровне наших знаний, естественно, уделяя главное внимание дошедшему до нас памятнику.

Относительно датировки церкви, времени ее строительства, в источниках нет разночтений или неясностей. Все новгородские летописи зафиксировали факт появления на северной окраине Торговой стороны небольшого каменного храма: «Того же лета (6891–1383 г.) заложиша 2 церкви камены: святого Филипа на Нутной улице и святого Иоанна в Радоковицах, а святого Дмитрия свершиша на Славкове улице»¹. На следующий год, осенью «свершиша церковь камену святого Филиппа на Нутной улице, и свящяю архиепископ владыка Алексеи; и другую церковь свершиша святыи Иоанн в Радоковицах»². Как видим, сведения первоисточников весьма скупы; они не сообщают, кто был

Церковь Иоанна Богослова. Общий вид с юго-востока. Фото 1955 г.

инициатором и заказчиком строительства, каково назначение церкви — приходская, монастырская, обетная. На некоторые вопросы, в частности, на последний мы можем ответить. Иоанно-Богословский (женский) монастырь впервые упоминается в летописи под 1386 годом³, то есть через два года после освящения храма. Нет сомнений, что одновременно с возведением каменной церкви был основан и монастырь (обычно именно так и происходило). Большинство дореволюционных авторов указывает, однако, иную дату

Вид храма с юго-востока. Реконструкция Л.М.Шуляк на XIV в. 1950-е гг.

основания Богословской обители — при архиепископе Моисее в 1354 году. Это заблуждение, в источниках нет таких сведений. Впрочем, рядом существует еще один женский монастырь (Успенский), который также локализовался «в Радоковицах». Именно он основан в 1350-х годах, о чем говорят летописи. В Новгородской Четвертой летописи под 1357 годом читаем: «владыка Моисей съверши Пречистия храм честного ее Оуспения в Радоговичах монастырь»⁴. Вторая и Третья летописи сообщают под 1353 годом: «в Радоговичех церковь постави святую Богородицу и монастырь постави»⁵. Соседство двух женских обителей, их одинаковое топонимическое обозначение, близкие даты основания способствовали тому, что их часто путали.

Относительно топонима «Радоковицы» имеются любопытные выводы в работе филолога В.П. Строговой (она, кстати, считает правильным произношение «Радоковичи» с ударением на втором слоге). На основании анализа летописей, берестяных грамот и граффити исследователь приходит к заключению, что топоним происходит от древнего новгородского личного имени Радько, которое нередко встречается в источниках. Один Радько расписывал Софийский собор в 1112 году и оставил на стене свой автограф, другой расписывал этот же храм примерно в XIII веке и также процарапал надпись на стене, третий Радько известен из летописи — в 1183 году он с братом поставил церковь Евпатия на Рогатице (не сохранилась). В.П. Строгова пишет: «Какому из этих указанных Радько «принадлежали» Радоковичи (Радоковицы)... решить трудно, но то, что Радоковичи является местом, принадлежавшим некоему новгородцу Радь-

ке, думается, не вызывает сомнения. Таким образом, новгородский топоним Радоковичи (Радоговицы) приоткрывает интересные факты истории древнего Новгорода»⁶.

Постройки Успенского монастыря в Радоковицах не сохранились. Однако мы должны определить его местоположение. Исследователь церковной истории Амвросий помещает обитель на 50 саженей к востоку от церкви Иоанна Богослова⁷. Другой авторитетный автор XIX века, И. Красов, локализует Успенский монастырь «вблизи церкви св. Иоанна Богослова по направлению к Антониеву монастырю», то есть севернее⁸. Современные исследователи доказали правоту И. Красова и определили местоположение утраченной обители севернее нашего храма⁹.

Не совсем понятны причины возникновения рядом и в близкое время двух женских монастырей, особенно если учесть, что недалеко, к востоку от церкви Бориса и Глеба, находился женский Евфимийн монастырь (не сохранился), а чуть дальше к юго-востоку — женский Михалицкий (Молотковский), храмы которого дошли до нас. Получается, что на северной окраине Новгорода (древнего Плотницкого конца) располагалось целое гнездо женских обителей. Кроме того, неподалеку стоял древнейший Антониев монастырь. Казалось бы, это — небывалая концентрация монастырей в одной местности. Однако похожая картина наблюдалась на противоположном берегу Волхова, где рядом размещались мужские монастыри: Лазарев (не сохранился), Николо-Бельский, Зверин, Борисоглебский на Гзени (не сохранился) и чуть дальше — Свято-Духов¹⁰. Таким образом, гостя, подплывающего к Новгороду с севера, встречали по обоим берегам компактные группы обителей, своеобразные «Прописи» (заметим, что нечто подобное открывалось гостям и при подъезде к городу с озера, но там монастыри стояли все-таки не так тесно).

Строительная ситуация в Новгороде в 1380-х годах, во время возведения церкви Иоанна Богослова, отличалась некоторым относительным спадом активности: за предыдущие и последующие десятилетия строилось значительно больше каменных храмов. Например, в 1350-х годах сооружено 12 каменных церквей, в 1360-х — десять, в 1370-х — семь, в 1380-х — шесть, в 1390-х — девять, в 1400-х — 16, в 1410-х — 22 (абсолютный рекорд в Новгороде)¹¹. В 80-х годах строители как бы набирались сил перед новым рывком. Однако в пределах данного десятилетия именно его первая половина отличалась более интенсивным строительством. Рассмотрим ситуацию в каменном строительстве по годам: в 1381 году заложены церкви Рождества Христова на Красном поле и Дмитрия Солунского на Славковке улице; в 1382 году закончена церковь Рождества, храм Дмитрия обрушился в момент строительства и начат заново; в 1383 году заложены церкви Филиппа Апостола на Нутной улице и Иоанна Богослова, закончен Дмитрий Солунский; в 1384 году закончены церкви Филиппа и Иоанна Богослова, сооружена каменная крепость Ям на реке Луге, заложена церковь Климента на Иворове улице; в 1385 году закончена церковь Климента и, по сообщению одной из летописей, возведена (отремонтирована?) церковь Успения в Радоковицах¹²; в 1386 году нет сведений о строительстве; в 1387 году

устроен земляной вал на Торговой стороне и сооружена крепость в Порхове. Это сравнительное сопоставление показывает, что в Новгороде во второй половине XIV–первой трети XV вв. имелось, как минимум, две артели строителей (одновременно возводились по два каменных храма), каждой из которых был присущ, по-видимому, свой почерк, свои архитектурные особенности. Подобная ситуация в Новгороде наблюдалась и раньше, например, в конце XII века.

Итак, каковы же характерные и отличительные черты нашего памятника, каково его место в новгородском зодчестве? Развитие древнерусского искусства в целом и его региональных школ, если не было сильных влияний извне, протекало постепенно, в рамках строгих правил, канона. В XIV веке в Новгороде такой канон был найден при строительстве церкви Федора Стратилата на Ручью (1360–1361 гг.) и принципиально не изменялся в течение века. В этот «классический» период все храмы ориентировались на ключевые, особо значимые памятники: церкви Федора Стратилата и Спаса на Ильине улице (1374 г.) — и поэтому были похожи друг на друга, отличаясь лишь размерами и деталями. Основные типологические черты классического новгородского храма следующие: средних размеров, почти квадратный в плане, с одной апсидой, одной главой, с трехлопастным (криволинейным) завершением фасадов¹³, четырьмя столбами-опорами внутри (столбы, как правило, квадратные в сечении), трехчастным членением фасадов лопатками, отвечающими внутренним столбам, двумя или тремя входами с разных сторон, с узкими окнами (чаще стрельчатого, готического очертания), с хорами на накатнике и открытой лестницей в северо-западном углу, умеренным использова-

Церковь Иоанна Богослова. Современный вид

нием декора. Стены из ракушечника и плитняка красноватого цвета первоначально не штукатурились, лишь швы между камнями затирались раствором; ответственные участки (своды, арки, лопатки, порталы, окна, декор) делались из кирпича¹⁴. Криволинейные кровли покрывались осиновым лемехом. Кладка барабана выполнялась в облегченном варианте: пространство между тонкими наружной и внутренней стенками из кирпича заполнялось поставленными вверх дном горшками. Наш памятник обладает почти всеми перечисленными особенностями с небольшими, но важными отличиями. Во-первых, это самый маленький храм классического периода и один из самых миниатюрных в Новгороде вообще (его размеры без апсиды 8 x 8,8 м). Во-вторых, его архитектура отличается высокими достоинствами, особым изяществом и мастерством, что проявляется во многих моментах. Малые размеры снаружи почти не ощущаются,

они «замаскированы» стройными пропорциями и умелым использованием декора. Плановое решение отличается строгой центричностью, столбы приближены к стенам на одинаковое расстояние, что и придает зданию подчеркнутую стройность и гармоничность (обычно в храмах столбы сдвинуты к востоку, чтобы расширить западную часть для молящихся). Особенно сильное впечатление производит декоративная обработка главных фасадов. Подход к монастырю был, видимо, только с южной стороны, поэтому зодчий акцентирует именно этот фасад. Почти весь декор сосредоточен в центральной трети фасада (которая слегка расширена за счет боковых членений) и распределен по ярусам: развитый перспективный портал готического рисунка, выше — эффектная «пятичастная композиция» из трех окон и двух ниш между ними, еще выше — ниша с полуциркульным завершением, первоначально, очевидно, расписанная фресками, и, наконец, узкое стрельчатое окно. Все эти ярусы, композиции перекрыты различной формы «бровками» с «зубчиками», которые гармонично сочетаются с многолопаст-

ными декоративными арками в завершении фасада и криволинейным очертанием первоначальной кровли. Все построено на тонком чувстве формы и линии и подчинено основной идее — устремленности ввысь, взлету. На эту идею работает каждая деталь (особенно заостренные завершения окон и верхней бровки) и вся композиция в целом. Древний зодчий уже издавна настраивает паломника на возвышенный лад, архитектурными средствами поднимает его над мирской суетой. Нам в Новгороде больше не известны памятники XIV–XV вв., где архитектурная идея была бы выражена так ярко, эмоционально и отчет-

ливо. Безусловно, мастер обладал большим талантом. Западный фасад, обозреваемый с реки, то есть со среднего расстояния, решен проще, рациональнее, но не выглядит бедным. Здесь также применен принцип гармонии декоративных деталей и линии кровли и распределения кирпичных элементов по вертикальной оси, но в верхней точке мы видим не стрелу бровки, а зигзагообразную строчку «бегунца»; зодчий сознательно смягчает эффект, западный фасад в целом выглядит более спокойным. Восточный и северный фасады несут минимум декора, главными акцентами здесь являются каменные или кирпичные кресты. На северной стене, обращенной «в поле», нет и портала. Этот принцип рационального размещения проемов и декора, когда украшались лишь главные, лицевые (обращенные к городу или центру) фасады, не нов для Новгорода, но здесь он выражен весьма последовательно¹⁵.

В интерьере на втором ярусе вплоть до 1940-х годов сохранялись хоры и угловые каморы на накатнике. На хоры первоначально вела открытая каменная лестница в северо-западном углу; позднее она была заменена деревянной, но следы ее примыкания обнаружены при реставрации. В юго-западной каморе нередко устраивали придел. Но поскольку размеры нашего памятника минимальны, в данном случае в каморе не было места для молящихся (в письменных ис-

Церковь Иоанна Богослова. Южный фасад

точниках сведений о приделе нет вплоть до XIX века). Не совсем понятно назначение восточных камор: здесь также имелся накатник, то есть на втором ярусе существовали помещения, но как туда попадали — не ясно. Реставраторы смогли придумать единственное объяснение: в восточных каморах находились кладовые или ризницы, куда попадали по приставной лестнице, частично отодвигая или разбирая иконостас¹⁶. Подобные труднодоступные каморы имелись у многих храмов. Примыкающий ныне с западной стороны притвор сравнительно позднего происхождения. Однако здесь и в древности существовал притвор несколько меньших размеров: его фундамент найден при реставрации под полом пристройки, а на западной стене храма видны следы свода первоначального притвора, то есть его габариты определяются точно. Притвор примыкал к центральной трети фасада, имел длину (по оси восток-запад) 5,3 м, ширину — 5,6 м. Притворы — не редкость для архитектуры Новгорода, начиная с домонгольских памятников, примерно половина церквей имела пристройки с запада (иногда с двух или трех сторон). Их назначение — входной тамбур, позволяющий сохранить тепло; нередко под полом притвора хоронили значимых для данного храма лиц (основателя или игуме-

нов монастыря, заказчика строительства и т.д.). В данном случае сведений о выявлении захоронений нет. Полы делали обычно из каменных плит разного размера. Возможно, и в данном случае имело место исключение. При реставрационных работах в грунте найдена одна квадратная керамическая поливная плитка красно-коричневого цвета размером 20 x 20 см, толщиной 4 см. Реставратор Л.М. Шуляк атрибутировала ее как плитку для пола XIV века¹⁷. Действительно, в Новгороде было несколько особо значимых храмов, где существовали нарядные полы из цветных керамических плиток (Благовещенский собор 1103 г., Софийский собор, полы XII–XIII вв., церкви Спаса на Нередице и Спаса в Старой Руссе 1198 г., Рождественский собор Антониева монастыря, полы XVI–XVII вв.)¹⁸. Вполне возможно, что и в нашем храме имелаась эта красивая престижная деталь, чрезвычайно обогащавшая интерьер. Не ясно, правда, был ли весь пол из плиток, или только его часть (алтарь, подкупольный квадрат).

Средневековые мастера работали обычно «по образцу», как правило, не выдумывали новых форм, а заимствовали их у каких-либо значимых памятников. «Классический период» новгородского зодчества — яркий пример постепенной эволюции архитектуры в узких границах. Поэтому при обследовании здания можно довольно точно указать его образец. Анализ архитектурных форм нашего памятника приводит к выводу, что примером для подражания, образцом, послужила знаменитая церковь Спаса на Ильине улице. Именно оттуда зодчим заимствованы такие нечасто встречающиеся элементы как «пятичастная композиция», криволинейные бровки над порталом или нишами, стреловидные (двускатные) бровки над окнами или нишами, «бегунец» (ряд кирпичей, поставленных на ребро под углом друг к другу), кирпичный крест восточного фасада и вкладные (каменные) кресты, аркатура барабана. В плановом решении наш памятник также ориентируется на Спасский храм; это проявляется в центричной композиции, а главное, в использовании одного модуля: план Иоанна Богослова точно совпадает с квадратом, образованным столбами церкви Спаса на Ильине. Такие совпадения не бывают случайными. Сравнение обоих памятников убеждает нас в том, что их строил один и тот же талантливый мастер. Оба храма отличает необычайная свобода, смелость и уверенность в построении формы, использовании декора, в конечном итоге — выражении главной идеи. Если это так, то безымянный Мастер продемонстрировал широчайший диапазон творческих приемов в тесных рамках канона, построив и самый монументальный храм XIV–XV вв., и самый миниатюрный и лиричный.

Церковь Иоанна Богослова оказала значительное влияние на дальнейшее развитие новгородской архитектуры. Это влияние особенно чувствуется в последующих постройках среднего и малого размера — храмах Покрова Звериной монастыря (1399), Петра и Павла в Кожевниках (1406), Иоанна Милостивого на Мячине (1421), Двенадцати апостолов (1455) и самом последнем памятнике Новгородской республики — церкви Симеона Богоприимца (1467). Оно проявляется прежде всего в пропорциональном строе фаса-

дов (подчеркивание центральной оси), выверенных соотношениях частей и целого, рациональном использовании декора, который сосредоточен на главных фасадах, и самом его ассортименте (бровки, кресты, ниши, бегунец).

После летописного известия об освящении церкви Иоанна Богослова (1384 год) она больше не фигурирует на страницах письменных источников вплоть до середины XVIII века (с одним исключением). Несколько раз в летописях упоминается топоним Радоковицы, и почти каждый раз это связано с несчастьями — пожарами, наводнениями. Такова уж специфика древних летописей, которые отмечали только что-то необычное, внезапное. Но такова и специфика жизни в Новгороде, где стихийные и рукотворные катастрофы сменяли друг друга. Такова и специфика существования скромной обители на окраине города, где не случалось ничего, достойного внимания летописца.

Уже на следующий год после освящения церкви, в 1385 году, страшный пожар опустошил всю Торговую сторону. Летописи отмечают, что сгорели все храмы кроме Рождества на Михалице (одна из летописей уточняет: сгорели 26 каменных и 6 деревянных церквей)¹⁹. Видимо, в это число попал и наш памятник. Однако, судя по тому, что при реставрации на нем не зафиксировано больших переколов и перестроек, пострадали лишь деревянные конструкции, которые могли быть быстро восстановлены.

На следующий год — новое несчастье. В 1386 году и без того напряженные отношения с Москвой переросли в военный конфликт. Накануне новгородские ушкуйники ограбили волжские города. Великий князь Дмитрий Донской, «держа гнев про волжан на Новъгород», двинулся с ратью в поход. В ожидании осады горожане совершили не совсем понятное действие: «А в то время новгородци пожгоша около города монастырев 24: ...на Торговой стороне Антонов, Богородицин, Иоаннов (т.е. Успенский и Богословский в Радоковицах — **В.Я.**), на Волотове, на Ковалева...»²⁰. Новгородцы, впрочем, откупилась, осады не было и дело кончилось миром. Обычно это сообщение понимают как уничтожение всех деревянных построек в монастырях, чтобы не дать постоя неприятельскому войску. Известно, что пострадали и многие храмы. В нашем случае, видимо, вновь сгорели покрытия, но сам храм не требовал капитального ремонта.

Всего через несколько лет вновь отмечен крупный пожар в данной местности. В 1391 году «погоре ... от Микитине улице и до Радогович; и сгоре церкви деревянные 8, а каменные 3 церкви огореша»²¹. И на этот раз об ущербе, причиненном монастырю, ничего конкретно не известно. Следующее летописное упоминание связано уже не с пожаром, а с наводнением: в 1421 году «бысть вода велика в Волхове... а в Щилове и на Соколнице и в Радоковицах и Вскресения в Людине конце, в тех церквах толко на полатех пеле»²². Затем вновь следует череда пожаров: в 1442 году сгорела Торговая сторона, и «перешед за город» и до Антониева монастыря; в 1476 году — пожар на Торговой стороне и «погоре до Иоанна святого Богослова»; в 1508 году сгорела вся Торговая сторона и «все церкви огореша»; в 1523 году сгорел весь Плотницкий конец; в 1541 году сгорел Антониев монастырь и огонь, распространившись к югу, уничтожил половину Ус-

пенской обители; на следующий год сгорела вся Торговая сторона и огонь пошел берегом реки к Антонову «и до ручья»²³.

В 1528 году архиепископ Макарий начал проводить монастырскую реформу. К этому времени многие обители обеднели и обезлюдели, «в лучших монастырях чернцов 6 или 7, а в прочих 2 или 3»²⁴. Один из аспектов реформы — восстановление начал праведной церковной жизни, восстановление монастырских общин по Иерусалимскому (общежительному) уставу, а также наведение порядка в обителях и создание стимулов для их пополнения. Одним из главных требований Макария являлось строительство трапезных с храмами для совместного принятия пищи. «Игумены же, слышавше, примше добрый совет, ...и оттоле начаша устроить общежители, коиждо во своем монастыре... и трапезы со церквами ставити по всем монастырям, ови каменные, инии же деревянные...»²⁵. Действительно, в 1530–1550-х гг. во многих монастырях появился этот новый тип зданий, некоторые каменные трапезные дошли до настоящего времени. Не совсем ясно, распространялось ли это правило на женские обители. Говоря о женских монастырях (и упоминая среди них и «Богословской на Вятки») летописец сообщает лишь, что все игумены-мужчины, управлявшие женскими обителями, заменены игуменьями²⁶. Впрочем, трапезные по-

Церковь Иоанна Богослова. Западный фасад.
Фото 1977 г.

явились и в женских монастырях, например, в соседнем Успенском (в описи 1573 году здесь упоминается деревянная трапезная с церковью Николая)²⁷. Вопрос — была ли построена трапезная в Богословской обители — остается открытым. В описях Новгорода 1615 и 1617 гг. здесь значится лишь одна каменная церковь. Однако имеется косвенное свидетельство о наличии еще одного престола. Информаци-

рованный и добросовестный автор архимандрит Макарий отмечает: «О существовании Троицкого престола в Богословской церкви известно по надписи на медном луженом блюде 1575 года: «Сие блюдо Троици Живоначальныи и Ивана Богослова лета 7083, Игнат Григорьев сын». Блюдо находится в Борисоглебской церкви»²⁸. Следовательно, или, как считает Макарий, при каменном храме существовал придел (хотя трудно представить, где он мог размещаться), или имелась деревянная трапезная с церковью Троицы, которая к началу

Церковь Иоанна Богослова. Общий вид с юга. Фото 1911 г. (?)

XVII в. сгорела либо разобрана по ветхости.

Архитектор-реставратор Л.М. Шуляк, лучше всех изучившая памятник, полагает, что в XVI в. было переделано его завершение: вместо трехлопастного криволинейного завершения устроено восьмискатное (которое существует и ныне)²⁹. Оно более надежное, простое и дешевое, вместо лемеха для покрытия используется тес. Никаких доказательств на этот счет нет, единственным аргументом служит широкое распространение подобных покрытий именно в XVI веке, видимо, после сооружения церкви Прокопия на Ярославовом дворище (1529 год). С этим выводом вполне можно согласиться.

В период шведской оккупации (1611–1617 гг.) все новгородские храмы и монастыри в той или иной степени пострадали. Многие здания, особенно на Софийской стороне и в окрестностях Новгорода, были разграблены и сожжены. На Торговой стороне положение было лучше, но и здесь лишь некоторые постройки остались нетронутыми. К счастью, обе женские обители пострадали незначительно. В описи Новгорода 1617 года значится: «В Богословском в девичи монастыре на Ветке храм каменной Иоанна Богослова не покрыт, в нем (перечисляются несколько икон из 38, довольно ценная церковная утварь и одежда, два паникадила и пр. — **В.Я.**)...В том же монастыре колоколница деревянная покрыта тесом. В монастыре три кельи да четыре старицы да 6 белиц...». Далее описывается соседняя обитель: «Радоковицкого монастыря в церкви у Бориса и Глеба на Запольской

улицы (33 иконы, много ценной утвари — **В.Я.**)... В монастыре церковь каменная Успенье пречистые богородицы, глава побита железом, плечи крыты тесом. Другой храм деревянной Никола чудотворец крыт тесом... В монастыре три кельи да колоколенка маленка, на одном столбе, покрыта тесом. Да игуменья Варсунофья, а с нею 8 стариц»³⁰. Судя по всему, серьезного ремонта и перестроек не потребовалось и оба монастыря в Радоковицах продолжали свою размеренную жизнь. Есть факты, что Успенская обитель переживала даже

период подъема: из документов 1620-х гг. следует, что здесь насчитывались уже 21 келья и 39 стариц³¹.

Ныне существующий у церкви Иоанна Богослова притвор сравнительно позднего происхождения, но точного времени его появления никто не знает. Даже у наиболее информированных дореволюционных авторов можно узнать лишь, что он построен после 1384 года. До начала реставрационных работ специалисты датировали притвор XVI веком. Позднее Л.М. Шуляк пришла к выводу, что он появился в XVII веке³². Наконец, Г.М. Штендер относил притвор со звонницей к XVIII веку³³. Ни один из авторов не приводит никаких аргументов, совершенно ясно, что все датировки условны, сделаны «на глазок», основаны на некоторых особенностях его архитектуры (характерный карниз, звонница). В этом споре, скорее всего, права Л.М. Шуляк. Исходя из общей ситуации в Новгороде, строительство притвора следует датировать второй половиной XVII в.: ранее середины века Новгород еще не оправился от «шведского разорения» и крупные строительные

работы не велись, в начале XVIII столетия они также резко сократились из-за мобилизации всех сил страны на строительство Петербурга. Можно попытаться определить и точную дату. В указанном промежутке наиболее предпочтителен 1687 год. В этом году Богословский монастырь приписан к Тихвинскому Введенскому монастырю, но на следующий год вновь сделан самостоятельным³⁴. Обычно обедневшие обители приписывали к более благополучным именно с целью поддержать первые, провести какие-то ремонты. Думается, для этого и была задумана странная кратковременная приписка. При строительных работах древний притвор разобран, новый сооружен значительно больших размеров, над его западной стеной поставлена невысокая каменная двухпролетная звонница (наподобие звонницы церкви Жен Мироносиц). Исследования Л.М. Шуляк показали, что притвор позднее перестроен и поэтому не сохранил многие первоначальные формы (портал, окна, декор), наиболее характерный уцелевший элемент XVII века — это карниз.

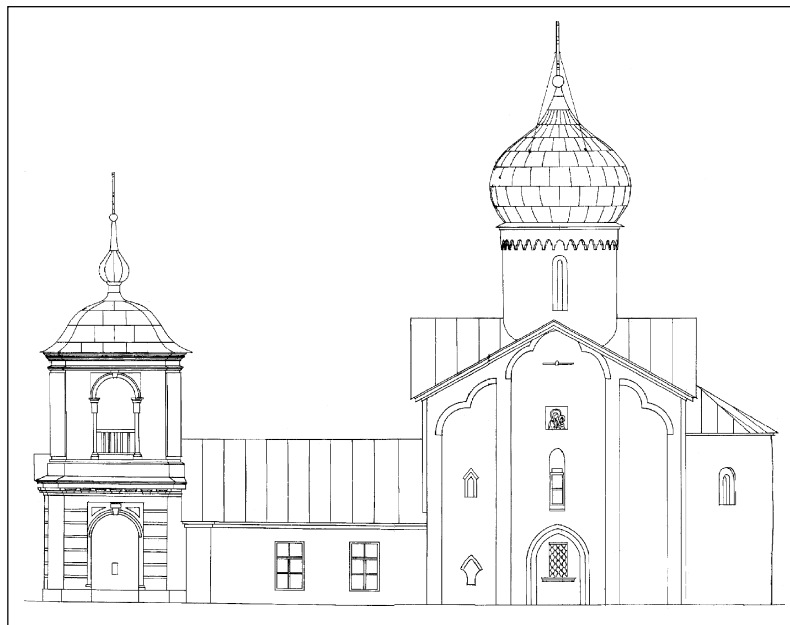
Вскоре после 1688 года (источники не знают точной даты) Богословская обитель приписана к соседней Успенской. При учреждении духовных штатов в 1764 году оба Радоковицких монастыря были упразднены (как и большинство малых монастырей в России), их церкви обращены в приходские³⁵. В упраздненных монастырях ненужные теперь строения разбирались на дрова и ремонт уцелевших обителей. Приходские (бывшие монастырские) церкви так-

же находились в тяжелом положении, в течение короткого времени не менее половины их пришли в упадок и были разобраны. Такая участь постигла и Успенскую церковь в Радоковицах: «в 1801 году церковь сия (Успенская с приделом Введения) ...разобрана для построения в Новгородской семинарии трапезы. Ныне (в начале XIX в. — **В.Я.**) одни только развалины видны монастыря сего»³⁶.

Нашему памятнику повезло больше, он дошел до настоящего времени, причем в неплохой сохранности. По сведениям письменных источников, в 1799 году к западной стене притвора пристроена каменная двухъярусная колокольня, выдержанная в стиле классицизма³⁷. Она не сохранилась, разобрана в довоенные годы, но о ней можно получить представление по дореволюционным чертежам и фотографиям. На колокольне висели четыре колокола, на одном из них была дата — 1751 год. При сооружении колокольни разобрана верхняя часть старой звонницы. Возможно, тогда же перестроен притвор: его фасады перелицованы, декор (наличники окон, детали) уничтожен, окна расширены, карниз частично срублен и заштукатурен, стены стали несколько ниже.

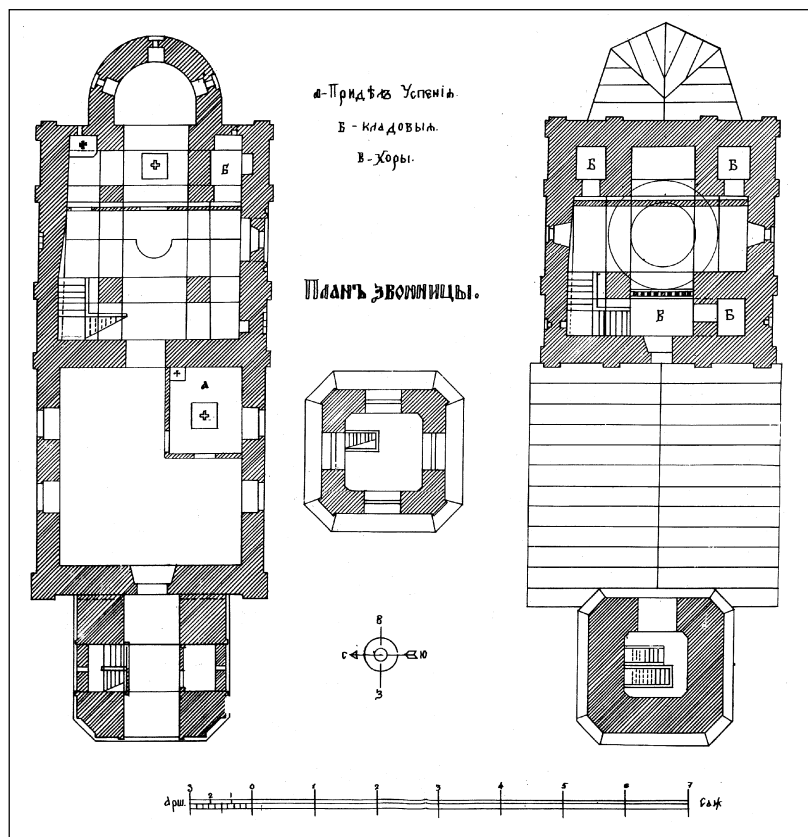
Вероятно, в 1801 году в притворе храма устроен придел во имя Успения Божьей Матери. Источники не называют дату этого события, однако, по церковной традиции, при уничтожении какого-либо храма старались сохранить преемственность и освящали одноименный престол в близлежащем культовом здании, переноса туда и его почитаемые святыни (антиминс, иконы, утварь). По описаниям XIX века, все пространство притвора Богословского храма занимал Успенский придел (чаще его даже называли теплой, то есть зимней, церковью)³⁸. Нет никаких сомнений, что придел устроен в память разобранной Успенской церкви Радоковицкого монастыря, следовательно, произошло это в 1801 году. При устройстве придела был заложен западный портал Богословского храма, поскольку в восточной части притвора теперь размещался иконостас.

В 1814 году церковь Иоанна Богослова приписана к соседней более благополучной Борисоглебской³⁹. В течение XIX века несколько раз проводились капитальные ремонты храма, которые, впрочем, не повлекли за собой

Церковь Иоанна Богослова. Южный фасад. Чертеж Н. Григорьева. 1911 г. Музей Академии художеств, С.-Петербург

коренных перестроек. Описания памятника середины XIX века свидетельствуют, что к этому времени заложены многие древние окна; всего оставалось пять оконных проемов, в результате интерьер церкви оказался весьма затемненным.

Церковь Иоанна Богослова. Планы по ярусам. Чертеж Н. Григорьева 1911 г. Музей Академии художеств, С.-Петербург

Южный портал более чем в два раза уменьшен по ширине. Срублена или заштукатурена значительная часть древнего декора: пятичастная композиция, все бровки над порталом, окнами и нишами, бегунец на западном фасаде, кирпичный крест на восточном, изменены очертания некоторых декоративных ниш. Кровля на главе и апсиде храма и колокольне была железная, а на основном объеме и притворе — тесовая (только к началу XX века тесовые покрытия заменены на железные). В 1852 году средние части фронтонов трех фасадов (кроме северного) были расписаны живописью⁴⁰. В последней трети XIX в. (точная дата неизвестна) сделана перепланировка притвора: Успенский придел перенесен в юго-восточный угол и отгорожен от остального пространства стенами с двумя входами; его размеры теперь составляли примерно 3,2 x 2,5 м. Притвор вновь стал выполнять функцию входного тамбура; западный портал храма опять раскрыт, а южный портал переделан в окно. На чертежах начала XX века показано, что проход из алтаря в диаконник (юго-восточный угол храма) заложен, диаконник, а также каморы второго яруса над ним, над жертвенником (северо-восточный угол) и на хорах обозначены как «кладовые». На хоры вела деревянная двухмаршевая лестница в северо-западном углу.

В целом, наш памятник в XIX — начале XX вв. представлял собой рядовую приходскую церковь на окраине города, которая не пользовалась особой популярностью ни у паломников, ни у местных и приезжих любителей старины. Вот типичные характеристики храма в дореволюционных путеводителях: «Церковь... никаких особых замечательностей в себе не заключает, кроме, впрочем, иконы Иоанна Богослова хорошего письма, на которой св. Иоанн изображен с орлом, пишущим хартию»; «Церковь... не сохранила в себе замечательных предметов древности, кроме нескольких, вделанных в стены, каменных крестов без надписей»⁴¹.

Вскоре после Октябрьской революции все памятники Новгорода ранее XVIII века были взяты на учет «Главнауки» и переданы на баланс музея («музеефицированы»). За ними следили, их ремонтировали. Документ 1932 года отмечает, что у церкви Иоанна Богослова «сохранность прекрасная»⁴² (правда, трудно понять, что под этим понимается — сохранность первоначальной архитектуры или техническое состояние). Этот же документ сообщает, что в 1929 году разобрана колокольня. В 30-х годах развернулись крупные ремонтные работы на памятниках, состоящих на балансе музея. Однако, поскольку Иоанно-Богословский храм нахо-

дился, видимо, в удовлетворительном состоянии, здесь крупных работ не предусматривалось. Правда, есть сведения, что какой-то ремонт в 1937 году проводился, но, скорее всего он носил текущий характер⁴³.

В годы Великой Отечественной войны храм серьезно пострадал. В аварийном состоянии находился юго-восточный угол здания, который грозил обрушением. В 1946 году разработан и осуществлен проект его временного инженерного укрепления с помощью специальной конструкции бревенчатых подпор⁴⁴. Около 1948 года в главу ударила молния, частично разрушила железную кровлю и северо-западную часть кладки барабана. Несмотря на разрушения, притвор исполь-

зовался под жилье. К началу реставрационных работ (1952 год) состояние памятника оценивалось как остроаварийное: имелись опасные сквозные трещины, утраты кладки, кровли частично отсутствовали, частично — повреждены; связевая система была нарушена и не обеспечивала жесткости конструкций; утрачены многие деревянные конструкции — настилы хор и угловых камор, лестница на хоры, воздушные связи, некоторые заполнения проемов⁴⁵.

Церковь Иоанна Богослова. Вид с юго-запада. Фото 1948 г.

В 1952 году проведены исследовательские, проектные и реставрационные работы под руководством архитектора Л.М. Шуляк. Восстановлена связевая система, в стены заведены два яруса железобетонных связей, между стенами и столбами заведены металлические связи. Утраченная кладка дополнена, ветхая кладка переложена. По хорошо сохранившимся следам реставрированы порталы, декор на всех фасадах (ниши, бровки, бегунец, кирпичный крест), раскрыты почти все древние окна⁴⁶. На притворе восстановлены по следам карниз и звонница XVII века. Форма главы и завершения фасадов оставлены без изменений (вероятно, XVI век), хотя следы первоначального трехлопастного покрытия обнаружены на восточном фасаде. Найдены фундаменты древнего притвора. В интерьере работы практически не велись, поскольку не известно было дальнейшее использование здания. Проведенная реставрация считается выполненной на высоком уровне⁴⁷, хотя серьезным недостатком следует считать полное отсутствие отчетной текстовой документации, что крайне затрудняет анализ качества и обоснованности работ 1952 года. Л.М. Шуляк, подводя итог своей работы, писала: «Полная реставрация памятника пока не проведена, но и то немногое, что удалось изучить и восстановить в первоначальных формах, изменило существовавшее до этого представление о памятнике. Взамен скромного упрощенного последующими переделками, почти лишен-

ного декора, возродился нарядный богато насыщенный деталями памятник»⁴⁸.

После реставрации храм практически не использовался, что не способствовало поддержанию его хорошего состояния, которое в настоящее время оценивается как неудовлетворительное. В октябре 2001 года церковь Иоанна Богослова передана общине Русской Православной Старообрядческой (приемлющей священство) Церкви Новгорода. Вскоре

состоялась первая служба в еще не отремонтированном храме. На повестку дня встают сложные вопросы инженерного укрепления, замены кровель, завершения реставрации интерьера (восстановление полов, хор, оконных и дверных заполнений и т. д.), ремонта фасадов. Впереди непочатый край работы. Остается порадоваться духовному возрождению памятника и пожелать общине удачи в ее труднейшем, но благородном начинании.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов (сокращенно — НПЛ). М., 2000. С.379.

² Там же.

³ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), Т. IV. Ч.1. С. 346.

⁴ Там же. С. 602.

⁵ Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 136; ПСРЛ. Т. 30. М., 1965. С. 199.

⁶ Строгова В.П. Древние топонимы Новгорода и его окрестностей. Новгород, 1993. С. 33–34.

⁷ Амвросий, архим. История Российской иерархии. Ч.V. М., 1813. С. 661–662.

⁸ Красов И. О местоположении древнего Новгорода. Новгород, 1851. С. 135–136.

⁹ Петрова Л.И., Анкудинов И.Ю., Попов В.А., Силаева Т.В. Топография пригородных монастырей Новгорода Великого // Новгородский исторический сборник. Вып. 8(18). СПб., 2000. С. 152.

¹⁰ Там же. С. 130–137, 151–152.

¹¹ Андреев В.Ф. К истории церковного строительства в Новгороде в XII–XV вв. // Новгород и Новгородская земля. Вып.2. Новгород, 1989. С. 88.

¹² ПСРЛ, Т. XVI. С. 131.

¹³ Сейчас многие храмы этого времени имеют прямолинейные восьмикатные покрытия, в том числе и ц. Иоанна Богослова. Это результат поздних перестроек, начиная с XVI в. При реставрации чаще восстанавливались поздние покрытия, поскольку они имеют историческую ценность, более просты в изготовлении и более надежны и в то же время не менее выразительны.

¹⁴ Любопытно, что в кладке миниатюрной церкви Иоанна Богослова и кирпич несколько меньше по размерам, чем на других памятниках (см.: Гладенко Т.В. и др. Архитектура Новгорода в свете последних исследований // Новгород. К 1100-летию города. М., 1964. С. 228).

¹⁵ Два входа вместо трех имели обычно храмы, стоящие на окраине: церкви Троицы на Редятине улице (1365), Петра и Павла на Славне (1367), Рождества на Поле (1382), Петра и Павла в Кожевниках (1406), Симеона Богоприимца (1467).
¹⁶ Гладенко Т.В. и др. Архитектура Новгорода... С. 228.

¹⁷ Плитка хранится в отделе вещественных памятников Новгородского музея.

¹⁸ Ядрышников В.А. Церковь Спаса в Старой Руссе... // Новгородский исторический сборник. Вып. 8(18). СПб., 2000. С. 162–163.

¹⁹ НПЛ. С.380; ПСРЛ. Т. IV. Ч.1. С. 342.

²⁰ ПСРЛ, Т.IV. Ч.1. С. 346.

²¹ НПЛ. С. 384.

²² Там же. С. 413.

²³ ПСРЛ, Т. IV. Ч.1. С. 438, 460–461, 617–618; Прозоровский Д.И. Новгород и Псков по летописям с дополнением по другим источникам. СПб., 1887. С. 62, 157–177.

²⁴ ПСРЛ. Т. IV. Ч.1. С. 545.

²⁵ Там же. С. 544–545.

²⁶ Там же. С. 545.

²⁷ Амвросий, архим. История Российской иерархии. Ч.V. М., 1813. С. 661.

²⁸ Макарий, архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. С. 352.

²⁹ Шуляк Л.М. Церковь Иоанна Богослова на Витке. Новгород, 1959. С. 10; Гладенко Т.В. и др. Архитектура Новгорода... С. 238.
³⁰ Опись Новгорода 1617 года. М., 1984. С. 123–125.

³¹ Там же. С.266, 274; Амвросий, архим. История Российской иерархии. Ч.V. С. 661–662.

³² Шуляк Л.М. Церковь Иоанна Богослова... С. 3.

³³ Штендер Г.М. Реставрация памятников новгородского зодчества // Восстановление памятников культуры. М., 1981. С. 58.

³⁴ Амвросий, архим. История Российской иерархии. Ч.III. С.394; Макарий, архим. Археологическое описание... С. 351.

³⁵ Амвросий, архим. История Российской иерархии. Ч.III. С.395; Макарий, архим. Археологическое описание... С. 351.

³⁶ Амвросий, архим. История Российской иерархии. Ч.V. С. 662.

³⁷ Там же. Ч.III. С. 395; Историко-статистическое описание... Иоанно-Богословской церкви. Сер. XIX в. // Отдел письменных источников Новгородского музея. №10401. Л. 6.

³⁸ Историко-статистическое описание... Л. 6 об.–7; Макарий, архим. Археологическое описание... С. 354.

³⁹ Историко-статистическое описание... Л. 6.

⁴⁰ Макарий, архим. Археологическое описание... С. 353.

⁴¹ Ласковский В.П. Путеводитель по Новгороду. Новгород, 1913. С. 260; Толстой М. Святыни и древности Великого Новгорода. М., 1862. С. 133.

⁴² Архив Института Истории материальной культуры. Ф.2, оп. 1, 1932, №153. Л. 69–72.

⁴³ Материалы по ремонту и реставрации новгородских архитектурных памятников // Новгородский исторический сборник. Вып. 8. Новгород, 1940. С. 121–122.

⁴⁴ Архив Управления гос. контроля охраны и использования памятников истории и культуры. Шифр объекта 0040, чертеж №129.

⁴⁵ Там же. Р–134. Акт технического состояния. 1952 г.

⁴⁶ Не реставрированы лишь те окна, где в XIX в. заведены железные связи.

⁴⁷ Штендер Г.М. Реставрация памятников новгородского зодчества. С. 58.

⁴⁸ Шуляк Л.М. Церковь Иоанна Богослова... С. 11.

Геннадий КОВАЛЕНКО

НОВГОРОДСКИЙ ВОЕВОДА КНЯЗЬ ИВАН НИКИТИЧ ОДОЕВСКИЙ

Составной частью любой социальной структуры выступает высший управленческий слой — элита. Начальный этап становления российской властной элиты синхронизирован процессу формирования российской государственности IX–XI вв. Удельный период в истории России (XII–XV вв.) был временем регионализации политической элиты. Многообразие региональных политических систем породило целую плеяду региональных лидеров, среди которых можно назвать Александра Невского, Андрея Боголюбского, Михаила Черниговского, Кирилла Туровского, Даниила Галицкого, Ивана Калиту, Дмитрия Донского.

В процессе становления Русского централизованного государства на смену региональным элитам пришла вла-

стная элита новой политической системы — сословно-представительной монархии. С.Ф. Платонов называл региональную элиту «опасными для Москвы руководящими слоями населения». Поэтому центральная власть тормозила процесс ее формирования. Не случайно в XVI–XVII вв. не было ярких региональных лидеров. Региональная элита, как правило, могла заявить о себе лишь во время кризисов, когда правительство не могло в полной мере контролировать ситуацию на местах. Тогда региональным лидерам приходилось брать в свои руки не только власть, но и ответственность за свой регион. В XVI–XVII вв. региональную элиту составляли местные церковные иерархи, дьяки и воеводы.

Новгороде воеводское управление утвердилось в конце XVI века. В руках новгородских воевод была сосредоточена военная, административная и судебная власть, податные функции и охрана вверенной им территории от внешних и внутренних врагов. Новгородские воеводы назначались, как правило, из числа крупных московских бояр и сменялись через один–два года. Долгие всех пост новгородского воеводы занимал Иван Никитич Большой Одоевский. Он был представителем русского княжеского рода, происшедшего от удельных князей Черниговских, которые в конце XV века признали над собой власть великих князей московских. В правление Федора Иоанновича Иван Никитич воевал со шведами и татарами, участвовал в избрании на престол Бориса Годунова, служил при дворе Лжедмитрия I, сражался с войсками «тушинского вора». В 1610 году Василий Шуйский назначил его воеводой в Новгород.

И.Н. Одоевский принял бразды правления Новгородской землей в нелегкое для страны время в условиях разложения государственного порядка и падения политической самостоятельности Москвы. Через несколько месяцев Василий Шуйский был свергнут с престола, и боярское правительство, признав польского королевича Владислава русским царем, впустило поляков в Москву. Центральная власть рухнула, и Русское государство, по образному выражению В.О. Ключевского, «потеряв свой центр, стало распадаться на составные части, преобразаясь в какую-то бесформенную мятущуюся федерацию».

После падения В. Шуйского для приведения новгородцев к присяге королевичу Владиславу в Новгород из Москвы был послан Иван Михайлович Салтыков. Новгородские власти во главе с воеводой Одоевским и митрополитом Исидором оказались перед выбором: Владислав или Лжедмитрий. В конце концов они согласились присягнуть королевичу, но отказались впустить польские отряды в Новгород. 12 ноября 1610

года новгородцы целовали крест Владиславу. При этом они присягали не столько ему, сколько боярскому правительству, единственной в то время власти, которую можно было считать законной.

Однако подданными польского королевича новгородцы были не долго. После подавления антипольского восстания в Москве они арестовали Ивана Салтыкова, и казнили его, обвинив его в том, что он хотел сдать Новгород полякам. Казнив Салтыкова, новгородцы порвали с боярским правительством и «целовали крест помогать Московскому государству на зорителей православной веры и стоять за нее единомышленно», т. е. примкнули к освободительному движению. Они уведомили П. Ляпунова о своем намерении оказать военную помощь ополчению. Но осуществлению этих планов помешало шведское вмешательство.

Уже в апреле 1611 года Одоевский вынужден был вступить в переговоры со шведским военачальником Якобом Делагарди о возобновлении союзнических действий против поляков. Он обещал соблюдать все заключенные со шведами договоры, но, стремясь не допустить шведского военного присутствия в Новгородских землях, требовал, чтобы Делагарди ушел из Новгородских земель: «в Новгородской земле не стоять и пустошить ратным людям не велети».

В это же время в переговоры с Делагарди вступает руководство ополчения, заинтересованное в шведской военной помощи. Как сообщает шведский историк Ю. Видекинд, «Ляпунов слал гонцов одного за другим к новгородцам и усердно просил, чтобы те, уплатив жалование, снова призвали Якоба Понтуса на помощь терпящему бедствие городу (Москве — Г.К.)». 4 июня в Новгород прибыл представитель ополчения стольник Василий Бутурлин. Цель его миссии состояла в том, «чтобы Якоб Понтус со своим войском поспешил освободить от польского гарнизона Москву». Он не только пообещал выплатить жалование наемникам и передать шведам в залог

одну из пограничных крепостей, но и заявил о возможности приглашения одного из сыновей шведского короля на вакантный в то время московский трон.

Одоевский и Бутурлин не смогли выработать общей линии в переговорах со шведами, поэтому вскоре из двусторонних они превратились в трехсторонние. При этом новгородские власти не получали от В. Бутурлина никакой информации. «Василий с ними съезды творяше и пияше с ними, а мысли их никто не ведаше».

После того, как Делагарди подошел к Новгороду и встал лагерем у Хутынского монастыря, Одоевский принимает меры к тому, чтобы сплотить новгородцев и организовать оборону города. Он приказал срочно отремонтировать находившиеся в плачевном состоянии городские укрепления, сжечь деревянные постройки и вырубить сады и деревья вокруг стен. Как сообщает Новгородская летопись, «Князь Иоанн Никитич Одоевский о граде пекийся, вооружи люди собра все вой, и нача думати с прочими князи новгородскими и бояры старейшими, и всячески помышляя, и обретесе разньство в воеводах и боярех, не похотеша друг другу помогати и не сташа за Великий Новгород, и сего ради несоветства, князь Иоанн Никитич бысть в недоумении и в размышлении великом, убоися стать в лице (открыто — Г.К.) против немецкого воеводы». Поэтому он «посла к нему (Делагарди — Г.К.) о мире глаголати». При этом он обвинил Делагарди в нарушении условий договора и потребовал уйти из Новгородских земель.

Однако судьба Новгорода решалась под Москвой. 23 июня совет ополчения принял решение о возможности избрания одного из сыновей Карла IX на московский престол и об уступке шведам пограничных крепостей Ладоги и Орешка. 2 июля приговор ополчения был доставлен в Новгород, но Одоевский не передал его Делагарди, а лишь изложил его содержание, умолчав о том, что руководство ополчения согласилось передать шведам в залог Орешек и Ладогу.

Переговоры зашли в тупик, и Делагарди решил захватить Новгород, чтобы заставить новгородские власти принять его условия. Первая попытка была предпринята 8 июля, но она не удалась. 16 июля шведам удалось прорвать укрепления Окольного города. Бутурлин, под командованием которого находились основные силы ратных людей, оказал шведам сильное, но непродолжительное сопротивление и ушел из города. Одоевский и Исидор, не имея в своем распоряжении достаточного количества материальных и людских ресурсов, вступили в переговоры с Делагарди и 25 июля заключили с ним договор.

Историк Г.А. Замятин писал: «Решающую роль при сдаче города и заключении договора сыграли Исидор и Одоевский. Новгородские власти при этом бесспорно, поспешили, особенно если вспомнить Смоленск». Кажется, что он прав, и можно было бы вспомнить еще героическую оборону Корелы в 1610–1611 гг. Но, с другой стороны, воздавая должное героизму защитников Смоленска и Корелы мы как бы забываем о том, что, в конечном итоге, эти города один на полвека, а другой на целое столетие оказались вне пределов Московского государства, а Новгород избежал этой участи.

После подписания июльского договора на северо-западе Русских земель образовался новый центр власти — Новгородское государство, которому достался в наследство весь комплекс отношений со Швецией, определявшихся, с одной стороны, Выборгским договором 1609 года¹, а с другой — приговором совета Первого ополчения об избрании одного из сыновей шведского короля русским государем. Но полномочных послов к Карлу IX для окончательного решения этого вопроса вожди ополчения не успели отправить, и дело об избрании шведского королевича, в силу договора с Делагарди, должны были вести одни новгородцы. Поэтому в конце 1611 года Исидор и Одоевский отправили в Стокгольм посольство архимандрита Никандра просить шведского короля, чтобы он «пожаловал, дал из двух сынов своих королевичей князя Густава Адольфа или князя Карла Филиппа, чтобы им государем Российское государство было по прежнему в тишине и в покое и кровь бы крестьянская перестала».

К этому времени развитие событий достаточно убедительно показало, что борьба боярских группировок не позволяла выдвинуть достойного кандидата на престол из боярской среды. В этих условиях в широких кругах русского общества становится популярной мысль о том, что Смута может прекратиться только «государским сыном»: «Возьмем чужеземца, который сам был бы королевского рода и в России не имел бы себе подобного, возведем его на престол; только тогда успокоится Россия. Иначе при всяком другом царе бедствиям не будет конца». А поскольку в России государственного сына не было, то его стали искать за границей, прежде всего у ближайших соседей — в Польше и Швеции. Московские бояре сделали ставку на польского королевича Владислава, а новгородские власти поддерживали кандидатуру шведского королевича Карла Филиппа. При этом речь шла не столько о кандидате, сколько о форме правления, то есть об альтернативах развития российской государственности.

Об отношении русских людей к «польскому варианту»

Подготовка Новгорода к обороне в 1611 году

Об отношении русских людей к «польскому варианту»

государственности свидетельствовал очевидец событий, польский военачальник С. Маскевич. В своем «Дневнике» он писал о том, что, когда в беседах с москвичами поляки хвалили свою вольность и советовали им соединиться с ними, чтобы обрести свободу, те отвечали: «Вам дорога ваша воля, нам неволя. У вас не воля, а своеволие: сильный грабит слабого, может отнять у него имение и самую жизнь. Искать же правосудия по вашим законам долго: дело завертится на несколько лет. У нас, напротив того, самый сильный боярин не властен обидеть последнего простолюдина: по первой жалобе царь творит суд и расправу. Если же сам государь поступит неправомерно, его власть: как Бог он карает и милует. Нам легче принять обиду от царя, чем от своего брата, ибо он владыка всего света».

Свидетельств о том, как русские люди относились к политическому строю Швеции, где сила феодалов была сломлена королевской властью в союзе с горожанами и крестьянами, не сохранилось. Тем не менее, в 1613 году развитие русской государственности пошло по пути, более близкому к шведской, чем к польской модели².

После избрания Михаила Романова Новгород оказался в очень трудной ситуации. Оккупированный шведами и связанный договором с ними, присоединиться к Москве он не мог, а разрыв с ней создавал угрозу инкорпорации Новгородских земель в состав Шведского государства. Эта угроза стала особенно ощутимой после провала переговоров в Выборге летом 1613 года. Король потребовал, чтобы воевода Одоевский приехал в Выборг, но он остался в Новгороде, так как, по словам Делагарди, «здесь нет никого, кто вместо него мог бы принимать жалобы от русских и помогать им советом». Но, по всей вероятности, главная причина заключалась в том, что он не верил в успех этих переговоров, и в этом плане его позиция совпадала с позицией Делагарди, который также, вопреки королевской инструкции, не поехал в Выборг.

В августе 1613 года Делагарди поехал в Нарву, а оттуда — в Швецию. На его место король послал Эверта Горна, который видел в Новгороде не союзника, а оккупированную территорию, жителей которой следует привести к присяге шведской короне. В январе 1614 года он объявил Одоевскому, что Густав Адольф намерен взять Новгород под свою руку и предложил новгородцам принести присягу королю. В ответ на это воевода предложил провести в Новгороде своего рода референдум: спросить новгородцев, хотят ли они целовать крест Густаву Адольфу или хотят сохранить верность Карлу Филиппу. Естественно, что на сформулированный таким образом вопрос, новгородцы ответили, что они хотят остаться верными прежней присяге, и Одоевский ответил королю, что новгородцы помнят прежнюю присягу Карлу Филиппу и «рады головы свои положить» за него. После этого Исидор и Одоевский просили короля не принуждать новгородцев к присяге, поскольку они «по своему крестному целованию» держатся Карла Филиппа и хотят ему верно служить.

В сентябре 1613 года московское правительство послало под Новгород рать Дмитрия Трубецкого. Фактически это означало вступление Московского государства в войну со Швецией. В этой ситуации Исидор и Одоевский стремятся предотвратить кровопролитие. Узнав о приближении отряда Трубец-

кого, они в марте 1614 года послали к нему посадского человека Ивана Филатова с предложением вступить в переговоры с Делагарди: «сослаться с Яковом Пунтусовым и во всем зделаться без крови».

Но Исидор и Одоевский понимали, что выход из двусмысленной ситуации, в которой они оказались, не в переговорах Делагарди с Трубецким, а в переговорах Густава II Адольфа с Михаилом Федоровичем.

К этому времени упорное сопротивление новгородцев всем попыткам подчинить их шведскому господству заставило короля отказаться от своих намерений, и он стал склоняться к мысли о необходимости закончить конфликт дипломатическим путем. В 1615 году по инициативе Исидора и Одоевского из Новгорода в Москву было отправлено посольство для того, чтобы добиться прекращения военных действий и освобождения Новгорода от власти шведов на основе мирного договора.

В целом, посольство было успешным, новгородские послы сумели склонить московское правительство к переговорам со шведами. Царь простил «вину новгородцев» и обещал начать переговоры со шведами. Он писал новгородцам, что еще до их челобитья он «скорбел душой и телом о Новгороде и помышлял о его освобождении». Прочувствовав опору под ногами, новгородцы смогли отказаться не только от присяги королю, но и от присяги Карлу Филиппу. Посольство 1615 года стало исходным пунктом мирных переговоров, закончившихся подписанием Столбовского мирного договора.

Таким образом, считать Одоевского сторонником Карла Филиппа и причислять к сторонникам шведской партии можно лишь условно. Он скорее принадлежал к партии порядка, и со шведами ему было по пути лишь до того времени, пока шведские власти в Новгороде не перешли к политике присоединения Новгородских земель к Шведской короне. С этого времени он начинает ориентироваться на Москву. Не случайно Яков Боборыкин говорил в Москве в 1615 году: «Никто так не служит государю в Новгороде как Исидор и Одоевский».

Если говорить об административной деятельности Одоевского, то следует отметить, что в условиях политического хаоса в государстве она была направлена на то, чтобы не допустить паралича местных властных структур, сохранить традиции управления и найти новые действенные рычаги власти. В целом, он справился с этой задачей. Несмотря на всю сложность ситуации, Новгород в Смутное время был островком относительной стабильности.

Основным фактором и в то же время признаком стабильности была четкая работа административного аппарата и его служб — Приказной избы, таможни, монетного двора, кабаков, общественной бани. Об этом свидетельствует сохранившийся архив Новгородской Приказной избы, насчитывающий около 30 тысяч листов. Столь обширного делопроизводства нет ни у одной приказной избы Русского государства.

Характерно, что в это время новгородские власти занимаются даже таким вопросом, как воссоединение семей, разведенных бушевавшей в стране гражданской войной. В переговорах с руководством Второго ополчения Одоевский настаивал на том, чтобы «которых дворян и детей боярских и всяких людей Новгородского государства жены и дети в Ярослав-

лавле и в иных городех, отпущати безо всякого задержанья и которые дворяне и дети боярские и всяких чинов люди в Новгороде жены их и дети в Ярославле или на Белом озере и в иных городех Московского государства а учнут просити к мужем своим в Великий Новгород или для которых мужи их учнут из Новгорода присылати и тех людей отпустить без задержанья чтоб на обе стороны разлученья женам от мужей не было».

В условиях распада государства и гражданской войны Новгород нашел в себе силы для самоорганизации, и начал восстанавливать казалось бы давно забытые республиканские порядки. В этой связи Б.Д. Греков еще в 1926 году отметил, что в начале XVII века в Новгороде быстро воскресли «еще не совсем забытые старые новгородские обычаи». Говоря о реставрации республиканских порядков, исследователи обращают внимание прежде всего на институт пятиконецких старост. Действительно, деятельность пятиконецких старост в это время заметно активизируется. Однако более важным моментом в политической истории Новгорода было возрождение вечевых традиций в форме вечевых собраний, которые в русских источниках называются соборами, а в шведских источниках — народными собраниями — тингами.

Уже договор 1611 года был заключен от имени князей, бояр, окольничих, дворян, купцов и земледельцев Новгородского княжества, подписавших его. Декабрьский приговор о посольстве в Швецию также был составлен при участии дворян, дьяков, детей боярских, голов казачьих и стрелецких, пятиконецких старост и посадских людей, приложивших к нему свои руки (74 рукоприкладства). Можно предположить, что все они принимали участие в составлении приговора. В дальнейшем все важнейшие вопросы решались с участием дьяков, дворян, гостей, пятиконецких старост и всяких людей, которых шведские источники называли сословиями.

Большая заслуга в этом принадлежит Одоевскому, бывшему одним из членов правительства Новгородского государства — триумvirата, в руках которого было сосредоточено управление Новгородскими землями. Нередко в вину ему вменяют его хорошие отношения с Делагарди, от которого в сентябре 1611 года он получил земли в Старорусском уезде³. Вполне естественно, что как администратор он хотел избежать конфронтации в новгородском правительстве и сумел найти общий язык как с митрополитом Исидором, так и с Делагарди, тем более, что планы последнего до определенного времени не противоречили интересам Новгородского го-

сударства. Делагарди понимал, что завоевать Новгород легче, чем удержать в своей власти. Пытаясь расположить к себе население, он осуществлял управление оккупированной территории на основании русских законов, фискальная практика шведской администрации опиралась на русские традиции; налоги, взимаемые на содержание шведских войск, поначалу были сравнительно невелики⁴.

Ситуация начала меняться в 1614 году, когда в ответ на упорное сопротивление новгородцев всем попыткам привести их к присяге шведскому королю шведы ужесточили свою политику в Новгородских землях. Налоги и сборы росли с каждым месяцем. Кроме того, в результате развития военных операций Новгород оказался отрезанным от южных районов страны, почти сократился подвоз продовольствия, сократилась торговля. Это вызвало продовольственный кризис, следствием которого стали голод и эпидемия. Побывавшие в Новгороде весной 1616 года голландские дипломаты стали свидетелями ужасающих бедствий новгородцев: «В Новгороде мы были свидетелями большой нужды и бедствий. Здесь и там на улицах видели мы бедных людей, умиравших от голода и холода». Не избежал печальной участи и новгородский воевода. Ко времени прибытия голландских дипломатов он был тяжело болен, поэтому их встречал его сын Иван Иванович. Через несколько дней Иван Никитич скончался.

Смута означает не только нестроение государства и общества, но и размытость контуров событий и поступков людей. У неё свои герои, и оценивать их деятельность надо с позиций морально-политического состояния общества того времени. Н.И. Кареев считал, что «прагматическая история отличается от последовательной проникновением во внутренний мир людей с целью не только рассказать событие, но и представить его непосредственное действие на мысли и чувства современников, а также показать, как само оно сделалось необходимым ввиду существования у людей его совершивших, тех или других мотивов и намерений».

Если оценивать деятельность И.Н. Одоевского с этих позиций, то следует признать, что он не был ни героем, ни злодеем, но поставленный в самые неблагоприятные обстоятельства, направлял свои усилия на то, чтобы не допустить паралича власти и хозяйственного кризиса в Новгородских землях. Он участвовал в разработке и принятии важнейших политических решений, реализация которых позволила управляемому им региону не только выжить, но и сохранить свой национально-религиозный статус.

ПРИМЕЧАНИЯ

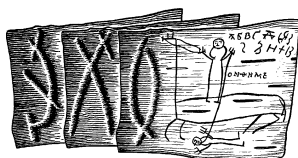
¹ Его основное содержание состояло в получении шведской военной помощи в обмен на территориальные уступки и материальное обеспечение шведских войск.

² Не случайно Петр I при проведении административных реформ использовал шведский, а не польский опыт.

³ К этому времени он лишился всех источников дохода: его вотчины и поместья были разграблены «польскими и литовскими людьми», имущество в Москве было конфисковано, положенное ему денежное жалование он перестал получать.

⁴ В 1611 году в Новгороде перед Делагарди открылась вполне реальная и заманчивая

перспектива стать создателем новой правящей династии в России. В этом плане его интересы совпадали с интересами тех новгородцев, которые надеялись в лице Карла Филиппа обрести не только твердую власть, но и гарантию от территориальных притязаний со стороны Густава II Адольфа.

ОТКРЫТИЕ В НОВГОРОДЕ ПАМЯТНИКА ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II

Госпоже М-ной

В 1913 году, юбилейном для царской династии Романовых, в Новгороде на пересечении улиц Большой Московской, Большой Михайловской и Знаменской был торжественно открыт памятник Императору Александру II, работы замечательного русского скульптора Александра Михайловича Опекушина (1838–1923).

Интересно, что инициаторами открытия памятника Царю-Освободителю были крестьяне Троицкой волости Новгородского уезда. На одном из волостных сходов они приняли такое решение, составили документ, который и отправили новгородскому губернатору Михаилу Владимировичу Иславину.

Вот резолюция Троицкого волостного схода, полученная губернатором:

«1911 года марта 9 дня, мы, нижеподписавшиеся, составляющие волостной сход, крестьяне Новгородской губернии, Новгородского уезда, Троицкой волости, в которой полный волостной сход должен состоять из волостного старшины, 19 старост, 4 волостных судей и 109 выборных крестьян-домохозяев от 12218 дворов, а всего из 133 душ, с разрешения земского начальника 5 участка от марта месяца 5 числа 1911 года за №442, быв собрани на волостной сход, на котором участвовали волостной старшина Тимофей Петров, 19 сельских старост, 4 волостных судей, и 77 выборных крестьян-домохозяев, а всего 102 душ, в присутствии господина земского начальника, имели суждение о следующем: желая увековечить память Царя-Освободителя Императора Александра II по поводу исполнившегося 50-летия освобождения крестьян от крепостной зависимости постановкою памятника в губернском городе Новгороде, на средства крестьян, отпущенных волостными сходами всей губернии, для каковой постановки дела ассигнуем 100 рублей из мирских сумм волости, прося при этом нашего господина земского начальника 5 участка Новгородского уезда войти с ходатайством пред Его превосходительством, господином Новгородским Губернатором для извещения об этом волостных сходов губернии о настоящем нашем предложении. О чем составили настоящий приговор, к оному и расписуемся».

Вот эта ячейка и осуществила добровольную подписку около восьми тысяч рублей на сооружение великолепного монумента.

Как и следовало ожидать, предложение Троицких крестьян было поддержано губернатором и было принято ре-

шение открыть памятник в сентябре 1913 года — в год 300-летия династии Романовых. Готовились к этому важному мероприятию основательно — ведь на открытии памятника, при большом скоплении народа, должны были присутствовать члены императорской фамилии (к сожалению, по-видимому, из-за занятости так и не приехавшие).

Накануне открытия памятника в местной газете «Волховский листок» был опубликован тщательно проработанный во главе с губернатором порядок проведения мероприятия. Приведем его дословно (орфография сохраняется):

Новгород.

Порядок торжественного освящения и открытия в городе Новгороде памятника ЦАРЮ ОСВОБОДИТЕЛЮ, ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II, сооруженного, по предложению Троицкого Волостного схода, на средства крестьян Новгородской губернии.

I.

Крестьяне и депутации, в день торжества, 22 сентября 1913 года, собираются не к месту сооружения памятника, а по особому распределению в Софийском и Знаменском соборах к обедне, которая начнется в 9 часов утра.

II.

В 12 часов дня из Знаменского собора прибывает икона Знамения Божьей Матери и ставится перед памятником.

III.

Его Высокопреосвященство, Архиепископ Новгородский и старорусский Арсений, и Его Преосвященство — Епископ Тихвинский Алексей, с городским духовенством, будут около 1 часа дня, по окончании обедни, к месту сооружения памятника, с крестными ходами из Софийского и Знаменского соборов. В крестных ходах примут участие — крестьяне, депутации и должностные лица, пожаловшие к обедне в соборы.

Примечание. Лиц, приглашенных на торжество особыми пригласительными билетами покорнейше просят прибыть и занять отведенные места — заблаговременно, так как, по необходимости охранения свободного и благочинного движения крестных ходов, во время их следования, всякий пропуск публики к месту сооружения памятника будет приостановлен.

IV.

После провозглашения Царского многолетия, следует команда войскам — накрыться и взять на караул.

V.

Провозглашается Вечная память ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II.

VI.

Во время пения Вечной Памяти, в котором участвуют, вместе с хором архиерейских певчих, крестьяне, все учебные заведения и народ — падает завеса, закрывающая памятник, и производится салют артиллерии.

VII.

По окончании пения Вечной Памяти произносится многолетие державе Российской, после чего Его Высокопреосвященство, Архиепископ Арсений окропляет памятник святою водою.

Военная музыка играет «Коль Славен».

VIII.

Владыка разоблачается. Убирается сооруженный перед памятником для Богослужения помост.

IX.

Председателем Особого Строительного Комитета читается и вручается г. Губернатору Акт о передаче памятника в дальнейшее заведение Новгородскому Губернскому Присутствию.

X.

Перед памятником проходят депутации, возлагают к подножию его венки.

XI.

Войска, ратники ополчения, потешные и Вольно-пожарная Дружина проходят перед памятником церемониальным маршем.

Примечание. Дабы избежать общего беспорядка, покорнейшая просьба ко всем участвующим в торжестве — до полного окончания парада войск, не покидать назначенных по расписанию мест.

Новгородский Губернатор М. Иславин.

Итак, наступило воскресенье 22 сентября 1913 года. Слегка накрапывавший дождь точно олицетворял народные слезы по незабвенному Царю-Мученику.

В самый торжественный момент, когда наконец-то завеса с монумента была сдернута, многотысячная толпа пала на колени, и «сама природа заплакала» усилившимися дождевыми струями.

На постаменте памятника красовалась надпись: «ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР II», и ниже — «ЦАРЮ ОСВОБОДИТЕЛЮ КРЕСТЬЯНЕ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ».

Начался крестный ход, величественная картина которого, при образцовом порядке, прямо-таки радовала всех очевидцев давно небывалого в Новгороде зрелища.

Затем перед собравшимися выступил архиепископ Арсений и с присущим ему талантом он громко произнес блестящую речь, которая приводится с небольшим сокращением:

«Много веков тяготело над нашей дорогой православной родиной позорное клеймо рабства. Все подданные Государства Российского резкою гранью делились на два класса: рабовладельцев и рабов. Миллионы крестьянства были рабами. Нередко их продавали и покупали на базарах, как

Памятник императору Александру II

всякий другой предмет купли-продажи. О равенстве и братстве всех, возвещенном Христом и его апостолами, не могло быть и речи.

Большого позора для святой Руси православной нельзя и вообразить. Это был не только величайший позор, но и несчастье для Государства, грозившее самыми ужасными последствиями.

И, что всего хуже, вековая давность этого позора, казалось закрепляла и как бы узаконивала его и впредь на многие годы. Не виделось ему конца. Не было такой силы, которая могла бы устранить этот позор и предотвратить грозящие из-за него бедствия.

Но вот на прародительский престол России выступил блаженной памяти Император Александр II, которому история усвоила имя Царя-Освободителя.

Вступив на престол в день памяти святого апостола Филимона, который по обращении своем из язычества в христианство первый дал свободу своему рабу, — Император Александр, по великодушию своему, из любви к своим подданным и в заботах о благе России, произнес то отрадное слово, которого так давно все ждали и которого так пламенно желали:

«Осени себя крестным знамением православный народ, и призови с нами Божие благословение на твой сво-

бодный труд — залог твоего домашнего благополучия и блага общественного».

Вот то Царское слово, которым 50 лет назад дана свобода 22-м миллионам русского крестьянства, томившегося в крепостной зависимости. Эти прежние рабы, по Царскому слову, стали свободными гражданами. Снят позор с России и дан верный залог ее всестороннему процветанию. Искренняя радость охватила всю Россию...Радовались и ликовали искренно все и рабы, получившие свободу, и бывшие рабовладельцы. Все одинаково проникнуты были чувством благодарности к Царю Освободителю.

К сожалению, немного прошло времени и эта всероссийская радость омрачилась новым беспрецедентным в нашей истории позором.

Чувство благодарности к царю-Освободителю забыли и 1-го марта 1881 года этот великодушный из Монархов русских пал жертвою убийцы на улицах своей столицы.

Это неслыханный позор! Это самая черная неблагодарность со стороны подданных к своему Повелителю! Изверги-цареубийцы, опозорившие своим злодеянием Россию, понесли, конечно, законную кару.

Но этого недостаточно, чтобы смыть след такого ужасного позора. Нужно было всенародно доказать, и доказать не словом, а делом, не только свою непричастность к этому злодейству, но вместе и свою истинно сыновнюю любовь, беззаветную преданность и искреннейшую благодарность к Царю-Освободителю.

И мы видим это. По всем городам и весям обширной России созидались и созидаются разные просветительные и благотворительные учреждения имени Царя-Освободителя и строятся ему памятники.

С истинною отрадою можем сегодня сказать, что и наш Новгород, этот вековой памятник родной старины, не отстал от других городов. И здесь, по примеру прочих городов, воздвигнут величественный памятник незабвенному Царю-Освободителю на трудовые средства благодарного крестьянства. О чем же этот памятник говорит нам, и о чем будет говорить нашим потомкам?

Памятник этот Царю Освободителю не нужен. Царь-Мученик, запечатлевший любовь к подданным своею кровью, теперь находится в обителях небесных. Ни гранит, ни мрамор, ни металл, ничего ни прибавляет к его величию. Этот памятник нужен для нас. Он каждому ежедневно будет напоминать о том благодеянии, какого удостоилась Россия от этого великодушного из наших Государей, внушая всем быть вечно благодарными ему и беззаветно преданными Его Приемникам на Престоле. Отныне каждый, проходя мимо этого памятника, с благоговением вспомнит Царскую милость императора Александра II-го к русскому народу и проникнется чувством преданности Его Царственному внуку, Обожаемому Государю императору Николаю Александровичу.

Пусть же этот памятник будет, хотя немой, но постоянным напоминанием дорогой для всех памяти Царя-Освободителя и вместе Царя-Мученика и вместе пусть внушает каждому чувство любви и преданности своему Монарху».

Горячая речь Владыки буквально потрясла некоторых слушателей до слез.

По окончании молебствия, с провозглашением многолетия и вечной памяти перед фронтом полков, расквартированных в Новгороде и уезде, выступил корпусный командир Л.К. Артамонов. Он сказал речь «о значении великого торжества и постановки памятника на этом месте, где в недалеком нашем прошлом продавались ваши прадеды и прабабушки и что было прекращено только по мановению Великого Императора, святая память которого будет жить из рода в род до скончания века». Затем были возложены венки к подножию памятника.

На венках значились такие надписи: «22 сентября 1913 года. Царю Освободителю Императору Александру II, Великому благодетелю Русского народа, Царственному Освободителю, Благодарю твой подвиг величайший Освободитель царь и человек».

Венки были от благодарных крестьян, Новгородского городского управления, новгородского губернского земства, новгородского окружного суда, канцелярии губернского присутствия, всех учебных заведений, крестьянских учреждений, Иоаннопредтеченского общества трезвости, новгородской казенной палаты казначейства и податной инспекции, военных, новгородской уездной земской Управы, новгородской Еврейской общины и многих других.

Далее член Новгородского Губернского Присутствия, камер-юнкер С.С. Давыдов, торжественно зачитал следующий акт:

«1913 года Сентября 22 дня составлен настоящий акт в том, что сооруженный по инициативе Троицкого волостного схода исключительно на средства крестьян Новгородской губернии в память 50-летия освобождения крестьян от крепостной зависимости и торжественно освященный сего числа, медный, бронзированный памятник Царю-Освободителю Императору Александру II, воздвигнутый в городе Новгороде, на перекрестке Большой Московской, Знаменской и Большой Михайловской улиц, вместе с 4-мя окружающими его художественными фонарями, в виду согласия, выраженного в постановлении Новгородского Губернского Присутствия от 20 сентября 1913 года, — передается в заведование означенному Губернскому присутствию с тем, чтобы в случае упразднения в законодательном порядке сего учреждения, — заведование перешло к высшему в губернии установлению, на которое будет возложено ведение крестьянских дел.

После заключения всех счетов и расчетов по постройке и открытию памятника, а равно после выяснения в Государственном Банке возможных условий вклада, оставшиеся неизрасходованными суммы подлежат внесению в Банк вкладом на 100 лет и с начислением процентов на проценты с тем, чтобы каждые 10 лет из капитала отчислялось в распоряжение учреждения заведывающего памятником 100 рублей на его ремонт и чтобы через сто лет, т.е. в 2013 году весь образовавшийся капитал был обращен для основательного возобновления и улучшения ныне открытого памятника, или, по усмотрению учреждения, в заведовании коего он будет находиться, на постановку на месте его нового памятника, или, вообще, на продление

соответствующим сооружением ныне осуществленного увековечения памяти царя освободителя императора Александра II на последующие годы, подробные же условия вклада, согласно выраженного выше общего пожелания, подлежат выработке Новгородским Губернским присутствием».

Затем, при восторженных криках ура и оркестровых звуках народного гимна, губернатор М.В. Иславин огласил телеграмму, отправленную Государю Императору, следующего содержания:

«Ливадия. Его Императорскому Величеству. Ваше Императорское Величество. Сегодня, после литургии в Софийском соборе, Его Высокопреосвященством, Архиепископом Новгородским и Старорусским Арсением, в сослужении епископа Тихвинского Алексия, в присутствии командира Первого Армейского корпуса, генерала от инфантерии Артамонова, крестьян, учащихся учебных заведений города Новгорода, войск, представителей всех сословий и собравшегося народа, торжественно освящен, с парадом войск местного гарнизона, в центре города, памятник Державному Деду Вашего Императорского Величества, Царю-Освободителю, Императору Александру II, сооруженный в городе Новгороде, по предложению Троицкого Волостного схода, исключительно на средства крестьян Новгородской губернии. Вследствие единодушной просьбы прибывших крестьян и всех присутствовавших на торжестве открытия, — дерзаю повергнуть к священным стопам Вашего Императорского Величества чувства их горячей любви, беспредельной преданности и верности.

Верноподданнейший, Новгородский Губернатор Иславин».

Далее начался церемониальный марш воинских час-

тей и учащейся молодежи.

Марш возглавлял корпусный командир Артамонов, с обнаженной шашкой, за ним шагали начальник штаба 1-го гвардейского корпуса генерал Ловцов, начальник дивизии Душкевич, генерал Станкевич, генерал Рындин, полковник фон-Фрейман и другие командиры батальонов и рот с господами офицерами.

Вслед за военными торжественно прошагали воспитанники мужской гимназии, реального училища, со своими директорами, педагогами и воспитателями. Завершали марш члены местной вольной пожарной дружины.

Нужно добавить, что вся торжественная церемония открытия памятника была заснята на киноленту, которая впоследствии демонстрировалась в новгородском кинотеатре «Модерн» В.А. Алексеева, приобретшего исключительное право в Новгороде на постановку, «с отчислением пять копеек с каждого входного билета, для образования фонда к поддержанию памятника на вечные времена».

В четыре часа дня, в «бревенчатом» зале летней беседки благородного собрания, состоялся братский обед крестьянам от городского общественного управления, где гостеприимным хозяином явился замещающий городского голову Иван Степанович Романцев, из-за болезни Александра Александровича Соловьева.

На следующий день, 23 сентября, новгородский губернатор Иславин получил Высочайшую телеграмму:

«Передайте мою благодарность за Выраженные Мне чувства верности всем присутствовавшим на освящении памятника, а также и всем внесшим на него свою лепту и труд.

НИКОЛАЙ».

ЛИТЕРАТУРА

1. Газета «Правительственный Вестник», №207, 24 сентября 1913 года.
2. Газета «Новгородские губернские ведомости» №73, 25 сентября 1913 года.
3. Газета «Волховский листок» №2765, 21 сентября 1913 года.
4. Газета «Волховский листок» №2767, 24 сентября 1913 года.
5. Газета «Волховский листок» №2768, 25 сентября 1913 года.

От редакции:

В журнале "Чело" (1, 98 г.) в перечне открыток из коллекции Н.А. Козырева было коротко рассказано о судьбе памятника императору-освободителю Александру II. В частности, автор публикации А. Пианский указывал на то, что памятник простоял всего семь лет, пережил две войны и две революции. 2 мая 1920 года, во время коммунистического субботника, был снесён и предан забвению.

Публикуемая открытка — из коллекции автора статьи Ю. Маркитанова.

Роберт Байрон (1905–1941) — английский писатель-путешественник, журналист. Учился в Итоне и Оксфорде. В целях расширения кругозора и продолжения образования он много путешествовал по Греции, Индии, Афганистану, Тибету, Персии, России, Китаю, Египту. Результатом путеше-

ствий были книги, в том числе «Сначала Россия, потом Тибет» (1933). В ней он противопоставляет культуру Тибета русской культуре, которая была тесно связана с европейской. Его жизнь трагически оборвалась в 1941 г., когда корабль, на котором он плыл был торпедирован немцами.

Роберт БАЙРОН

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

На фоне безумия, организованного и действующего полным ходом в большевистской России, ту гостеприимную и спокойную страну, которую описывали довоенные путешественники, теперь уже не узнать. И все же то тут, то там, в местах, избежавших промышленных и политических потрясений последних пятнадцати лет, сохраняется романтический дух «Святой России». Одним из таких мест, как мне показалось, является Новгород. Даже для человека, увлеченного традициями Константинополя, романтика этого города не представляется чем-то полностью архаичным, не связанным с настоящим. Ведь цивилизация России происходит из Византийских традиций, и, с учетом условий современного мира, большевизм — законное продолжение этого рода.

В семь утра, когда я остался на платформе Новгорода, глядя вслед выпускающему клубы пара поезду, который уходил на Псков, было еще темно, и стоял пронизывающий до костей холод. Нам нашли сани, и мы неслись галопом по спящим улицам, подпрыгивая на ямах и ухабах, пока на фоне слабо светлеющего неба не вырисовались выстроенные в темную линию зубцы, обозначившие стену Кремля. Впереди показался въезд в виде арки. Не снижая галоп, мы свернули вправо, с грохотом от конских копыт пронеслись через узкий туннель и остановились у бывшего Дворца Архиепископа, который теперь служил домом отдыха для ученых. Напротив дворца я узнал очертания собора Св. Софии. Внутри нас ожидала освещенная лампой комната с роскошным гарнитуром из карельской березы, выполненным в позднем имперском стиле, — на золоченых ножках, обитым шелковой парчой с узорами в виде белых цветов на малиновом фоне. Туалет оказался чистым, в нем была приготовлена горячая вода, чтобы побриться. Одна из моих коллег уже чистила зубы над раковиной. На завтрак нам подали кофе с молоком и сахаром, черный хлеб типа нашего «Ховис», свежее масло и холодный пирог с капустой. По мере того как за окнами медленно наступал рассвет, мы стали различать свинцовые купола в форме луковиц и центральный позолоченный купол-шлем Софийского собора, — неподвижные и молчаливые под завесой мягко падающих снежинок. На фоне кремовых стен собора линия низкорослых лишенных листьев дере-

вьев выступала среди девственно чистого снега с какой-то тонкой четкостью, напоминая остовы прижатых к земле папоротников. И в одиннадцатом веке они, наверное, выглядели также как и сейчас, в двадцатом. Мне это напомнило мазки белой краски на строгом архитектурном фоне, которые присущи иконам Новгородской школы. Когда я делился этим впечатлением с нашим гидом, вошла хозяйка с регистрационными формами. Мой паспорт? Я его оставил дома. Она сделала вид, что неприятно удивлена. Предвидя возможные споры по этому вопросу, я вручил ей мое английское водительское удостоверение и ушел на прогулку, оставив вопрос решаться самим собой, как и получилось.

Город назван Великим Новгородом, чтобы отличать его от Нижнего Новгорода. В далекие времена эту столицу одного из первых городов-государств почитали настолько, что школьников учили говорить «Господин Великий Новгород». В России осталось сравнительно мало городов, которые восходят к домонгольскому нашествию тринадцатого века и сохраняют что-то из своего первоначального облика. Среди них главным является Новгород. По своему размеру и очарованию он напоминает такой кафедральный английский город, как Солсбери. Являясь центром большого сельскохозяйственного района, город построен вокруг Кремля, а не вокруг территории главного собора.

Эту передышку от нервного напряжения, которое мы испытали в Москве и Ленинграде, от этого пугающего политического путешествия, в которое отправился весь народ, и куда этот путь приведет, не может предвидеть ни один из пассажиров, воспоминания об этих двух днях, проведенных в осмотре древнейших русских церквей, воспринимаются как месячный отпуск после года полного забот. Когда я спросил нашего извозчика, к какой молодежной организации он относится, к комсомольцам (скаутам) или пионерам, и он презрительно ответил: «Ни к какой!», я испытал чувство удовлетворения. Я встретил человека, равнодушно относящегося к своему собственному духовному возрождению, и мир снова стал казаться реальным. Официальные лица, ответственные за сохранение памятников архитектуры и искусства, были, очевидно, рады возможностью показать иностранцу, какой научной заботой окруже-

ны эти памятники. Иностранцев приезжает так мало — два-три человека в год. Мне было достаточно только сказать, что я хочу увидеть, и все объекты сразу же предоставлялись моему вниманию. Это оказалось приятной перемной после бесконечных ограничений и формальностей, которые так раздражают путешественника во всех других местах.

Сначала я посетил собор Св. Софии, построенный в период между 1045 и 1052 гг. в стиле, заимствованном из Константинополя. Однако, этот собор больше устремлен вверх и значительно усилен массивными пилястрами вместо тонких колонн, обычно применяемых греками. Фрески внутри храма были выполнены в следующем столетии, но затем дважды реставрировались, в 1838 и 1893 годах, поэтому от первоначальных росписей остался лишь неяркий фрагмент композиции Константина и Елены. Наиболее известным украшением церкви являются бронзовые врата, которые предположительно датируются двенадцатым веком. Первая пара створок с узорчатой и очень хорошо отполированной поверхностью напоминает византийские ворота этого периода времени, хотя двойные кресты, поднимающиеся из цветочного базового орнамента, могут указывать на армянское влияние. На других вратах, которые, говорят, были привезены из Херсона, изображена серия рельефов, по своей иконографии и стилю выполненных в немецком духе. На этих створках имеются надписи на латыни. Мое внимание также привлекли стены алтаря, украшенные узорами из цветного камня и фаянса, и расположенные в манере *opus alexandrinum*¹. Было обнаружено несколько встроенных в стены больших глиняных кувшинов, которые предназначались для усиления резонанса церковного пения.

По темной витой лестнице, через анфиладу из семи дверей, запор каждой из которых потребовал значительных усилий, споров и много сожженных свечей, мы проследовали в сокровищницу храма. Там моему вниманию предоставили основные объекты показа, которые специально для этого вынули из стеклянных витрин. Первым экспонатом оказалась украшенная куполом дарохранительница из позолоченного серебра, восемнадцать дюймов высотой без учета креста, который был добавлен в семнадцатом веке. Купол поддерживают шесть черненых колонн. Каждая из образованных таким образом арок закрывается на двустворчатые двери, на которых имеются рельефы двенадцати апостолов. Тонкая работа этих рельефных изображений указывает на прямое влияние византийских художников, также как и шесть медальонов на куполе. Однако, надписи, хотя и сделаны на греческом языке, написаны неграмотно, а филигранные панели над вратами имеют

восточное происхождение, очевидно, армянское или кавказское. Затем последовала пара массивных ваз из позолоченного серебра высотой примерно десять дюймов, украшенных фигурами и мавританским виноградным орнаментом на более грубом рельефе. По словам хранителя музея, эти вазы являются наиболее ранними сохранившимися образцами чисто русской работы по металлу. Они были сделаны в Новгороде в двенадцатом веке под влиянием греческого искусства. По ободку каждой из ваз идет цитата из Библии, вокруг основы сосудов — легенды, согласно которым одна из ваз принадлежала «Петрову и его жене Варваре», а другая — «Петрову и его жене Марье». Надписи сделаны на славянском языке. Был показан также изящный византийский крест высотой примерно в два дюйма. Крест облицован серебряным золочением в виде шевронного узора. Медальоны на трех перекладинах и в местах их стыков были добавлены в семнадцатом веке, вероятно, вместо прежних, сделанных из эмали. И, наконец, была продемонстрирована янтарная шкатулка, выполненная в то же время, в том же стиле, с теми же фризами из розочек и панелями с танцующими купидонами, что и шкатулка из Вероли, которая хранится в музее Южного Кенсингтона. Я уже начал размышлять, не подверглись ли вышеописанные вазы такому же влиянию, когда мое внимание привлек огромный золотой замок с монограммой некоего великого герцога Холштейнского. Это великий герцог получил престол благодаря императрице Елизавете, и предполагается, что он вручил ей этот замок на встрече в Финляндии, а она на обратном пути в столицу России оставила его в Новгороде. Поэтому этого экспоната не было в соборе среди других византийских сокровищ до середины восемнадцатого века.

В деревнях вокруг Новгорода разбросано несколько небольших церквей двенадцатого-четырнадцатого веков. По своему стилю и убранству эти церкви более скромны по сравнению с современными им храмами в районах Киева и Владимира — ведь Новгород был всего лишь купеческой республикой. Однако, прямоугольная суровость, преобладание высоты над всеми другими размерами, поверхности массивных стен, пронзенные минимальным количеством окон наименьшего размера, объясняют предназначение этих церквей как аванпостов культуры и цивилизации во враждебном окружении севера, и придают им неповторимое очарование и значимость. Наиболее известной из них является церковь Спаса на Нередице, которая была построена в 1198 году и сохранила без реставрации фрески того же времени.

Поэтому я заявил, что обязательно должен съездить в Нередицу, которая находится в пяти верстах от Новгорода. Сани были поданы, но где находится Нередица, мой молодой извозчик не мог сообщить. Нам нашли карту, и с ее помощью мы проделали путь через город, съехали вниз по крутому берегу и оказались на льду большой реки Волхов среди колонии замерзших на отмели колесных пароходов. Холодный колючий, как сталь, воздух погнал лошадь в сильный галоп. Мы скользили по льду, как по треку в Брукленде,

¹ Александрийская мозаика. Получила широкое распространение в Византии IX в. В мозаике использовались крохотные геометрической формы кусочки цветного камня, которые с помощью жидкого стекла приклеивались к поверхности, образуя сложные геометрические узоры, усеянные крупными кругами из полудрагоценных камней. Прим. пер.

согнувшись под накидкой в разные стороны, спиной к пурге. Навстречу нам проходили другие более тяжелые сани, которые тащили с близлежащих деревень трапециевидные волокнистые с капустой и соломой. В одном месте через реку проходила линия каменных сорокафутовых опор, вызывающих на фоне снежного ландшафта мрачные и пугающие ассоциации. Оказалось, что это новый железнодорожный мост, — хотя ни железной дороги, ни моста еще не было. На дальнем берегу, на фоне леса на горизонте вырисовывалась группа куполов монастыря, где, как мне сказал возница, когда-то была резиденция графини Орловой. Показалась и сама возвышающаяся на холме церковь, завершенная огромным луковичным куполом. Возле церкви стояла небольшая колокольня с конусообразной кровлей. Мы стремительно преодолели подъем с реки, пересекли поля и оказались в деревне с избами, увешанными рыболовными сетями и сетками для ловли раков. В деревне мы нашли церковного смотрителя, старика с седой бородой, который сообщил, что он с другими жителями Нередицы живет, как и англичане, на острове. Внутри церкви леса вели прямо в купол. Если это и мешало получить полную картину архитектурного облика, все же посетитель при этом имел возможность, по крайней мере, осматривать с близкого расстояния этот наиболее знаменитый цикл древних русских фресок настолько полно и удобно, насколько позволял холод. Это оказалось приятной переменой по сравнению с посещением монастырей в Афоне, где я привык, задрев голову, часами исследовать объекты показа. По своему характеру живопись напоминала росписи «популярной» школы, которая применялась в Леванте (восточное Средиземноморье — прим. пер.) и южной Италии до тринадцатого столетия. Было необычно размышлять, что эти фрески и я, рассматривающий их, так сказать, через призму Леванта, находились на расстоянии всего лишь чуть больше сотни миль от Финского залива.

В тот вечер мы с моим гидом пошли на прием, где посмотрели танец крестьянской девушки со своим парнем, послушали выступление флейтиста и приняли участие в идеологической беседе, в ходе которой один профессор с забавной внешностью вызвал всеобщий смех, заявив, что наука не имеет ничего общего с политикой. На следующий день мы запланировали более длительную экскурсию. Когда наступило утро, в сани вместо прежней серой лошади была впряжена темно-коричневая кобыла. Оказалось, что это новое приобретение хозяйки, которая сильно суеверна и, причитая: «Принцесса! Принцесса!», — гладила животное по носу, а также давала наставления вознице, на этот раз взрослому мужчине, чтобы он берег лошадь. Хотя, действительно, кобыла оправдала весь этот ажиотаж вокруг нее. По улицам она шла рысью не хуже, чем прежняя лошадь — галопом, и наши сани постоянно обгоняли другие повозки, заставляя прохожих останавливаться и обращать на нас внимание. Нашей первой остановкой был Антониев монастырь, где шла служба, которую вел очень старый священник в золоченой ризе. Горели свечи, в церкви присутствовало примерно десять прихожан. Старый священник проковылял за иконостас и вернулся с ключами

от более старой церкви, где все еще сохранилось несколько фрагментов неинтересной живописи. Оттуда мы снова отправились в путь и неслись галопом по дороге, которую окружали сугробы, нанесенные порывами полярного ветра, пока не прибыли в деревню Волотово.

Я по-прежнему стремился найти новые церковные росписи, и поэтому первым делом мы решили найти церковного смотрителя. Нам сказали, что он живет в крайней избе деревни. Однако мы направились не в том направлении, и нам пришлось возвращаться назад по широкой улице между двумя рядами деревянных домов, по одну сторону каждого из которых стояла соломенная скирда для защиты от преобладающего ветра. Во всех приусадебных участках стояли высокие столбы со скворечниками наверху. В нужном нам доме были только две женщины. Хотя они и были заняты работой по дому, изумившись неожиданному появлению иностранца, женщины радушно пригласили нас зайти. Мы вошли в дом через деревянные сени и были усажены на кухне-гостиной. В одном углу комнаты у окна горела лампа, освещающая группу икон. У плиты, где одна из женщин продолжала печь пирожки с мясом, на крюках висело в ряд несколько тяжелых тулупов. Пока другая женщина искала ключи, я рассмотрел прядильный станок, украшенный розочками и приводимый в равномерное движение ногой. Когда все было готово, женщина села в сани мне на колени, и мы отправились в церковь, узкая дорожка к которой, кладбище и окружение деревьев напомнили мне об Англии. Внутри церкви снова оказались леса, что я воспринял с сожалением, поскольку, в отличие от Нередицы, здесь по-прежнему проходили службы. Воспользовавшись лесами, я испытал еще большее огорчение, потому что, находясь на самой верхотуре, внутри барабана купола, на высоте семидесяти футов от каменного пола, и дрожа от холода, я вдруг почувствовал, что вся конструкция церкви начала раскачиваться. Я начал быстро спускаться вниз, но не достиг еще и полпути вниз, как послышался вначале какой-то странный и непонятный гул. Вначале он был отдаленным, а затем постепенно начал приближаться и становиться громче, а когда я наконец спустился вниз, прямо над головой прогремел оглушающий рев. Я стремглав выбежал наружу и посмотрел вверх. Из свинцового неба устремились вниз четыре аэроплана, окрашенных в темно-зеленый военный цвет, с красной звездой на каждом крыле. Они пронеслись так низко, что я смог разглядеть пилотов. В один миг они уже были далеко, паря над плоской равниной за деревней и снова уходя в небеса. Я повернулся к этой деревенской церкви, построенной 580 лет назад, посмотрел на темные ели, раскачивающиеся на ветру, на ряды крестов, которые были достойны того, чтобы побудить какого-нибудь русского Дориана Грея написать новую элегию. Я снова проследил взглядом за вооруженной мощью Советского Союза, которая постепенно превратилась в четыре пятнышка и исчезла. Старая и новая Россия, меняющаяся и неизменная... Среди молчаливых деревьев снова начал падать снег, увеличивая сугробы среди могил.

В самом городе Новгороде есть несколько церквушек четырнадцатого века, из которых церкви Федора Страти-

лата и Спаса Преображения вызвали у меня особый интерес. Архитектура этих двух храмов представляет собой удивительное слияние греческих и немецких традиций. При этом, что обе церкви являются квадратными в плане и имеют обращенную к востоку византийскую апсиду, их фасады имеют трехлопастное завершение, на котором держатся своды двускатной крыши, как в западных храмах. С другой стороны, от середины крыши на пересечении ее четырех коньков поднимается византийский купол. В интерьере церквей сохранены в неизменном состоянии своды и арки греческого характера.

В церковь Федора Стратилата я получил доступ без проблем и смог изучать ее фрески без каких-либо неудобств. Однако, в церкви Спаса Преображения я неожиданно встретил отпор. Убедившись, что дверь не заперта, я открыл ее и уже собирался войти в неф, когда товарищ женского пола с ярко-красным беретом на голове подскочила, как тигрица из своей берлоги, и захлопнула дверь перед моим носом. Через минуту-две я сделал новую попытку. И опять ко мне бросилась эта менада. Однако на этот раз я уже стоял на пороге, и ей ничего не оставалось делать, как стоять передо мной, высыпая поток слов и брюзжа. Я же в это время рассматривал ее луковичеобразное непривлекательное лицо и думал, но не о том, что в России официально разрешен аборт, а том, что для него может и не появиться повода. Наконец, убедившись, что я сильнее и уже постепенно протискиваюсь вовнутрь, женщина вызвала помощь, и к ней присоединился бородатый Магог, чей дополнительный вес чуть не сломал мне бедро и вынудил меня отступить. К этому времени я уже тоже был в ярости, поскольку хотел увидеть настенную живопись этой церкви больше всех остальных. Вскочив в сани, я помчался в офис Комитета по музеям, чтобы выразить протест. С искренним сожалением там мне сообщили, что данная церковь является единственной в этом районе вне их юрисдикции. Ее реставрация ведется по прямым распоряжениям из Москвы, поэтому они не в силах мне помочь. Несмотря на их вежливость, прошло еще некоторое время, пока у меня полностью не улеглась тошнота от соприкосновения с таким ужасным видом человеческой породы.

Позднее я выяснил окольными путями, дав обещание не открывать имя информатора, что «реставрационная» работа, которую тогда проводила менада со своим товарищем, состояла в том, чтобы сдирать золото с иконостаса

или алтарной ширмы. Поэтому они и не хотели впускать иностранца. Насколько оправдано было это нежелание, выяснилось через полгода. Если планируется отреставрировать и сохранить церковь в основном из-за ее фресок, то, действительно, будет наиболее целесообразно разобрать ее иконостас. В том случае дело обстояло именно так, поскольку православный алтарь-ширма, будучи очень высоким, обязательно препятствует обзору многих наиболее важных композиций православной иконографии. Однако случилось так, что в порядке рассказа о моем путешествии, а не по каким-либо другим причинам, я поделился впечатлениями об этом приключении и его причинах со многими соотечественниками. Поэтому представьте мое удивление, когда следующей осенью я встретил на охоте приятеля, только что вернувшегося с дипломатической службы в Каире. Он мне сказал, что последнее, что он слышал обо мне, был мой «отчет о все продолжающемся осквернении церквей в Новгородском регионе». Тогда я и понял, какие инструкции получила та менада, и почему любого иностранца независимого толка, находящегося в России, рассматривают в качестве потенциального агента капиталистической пропаганды.

Счет за проживание нас двоих в Митрополичьих покоех составил за двое суток 225 рублей. Из этой суммы питание стоило 80 рублей, лошади — семьдесят и «организация обслуживания» — двадцать пять. Мы только что отказались от уплаты последнего пункта расходов, а хозяйка в знак примирения открыла нам консервированную осетрину, когда прибежал мужчина и сообщил, что наш поезд отходит через двадцать минут, на час раньше, чем он думал. Нас ожидало двое саней. С Принцессой в упряжи мы снова понеслись галопом по темным улицам. Следом неслась серая лошадь с нашим багажом в санях, а прохожие при виде этой кавалькады бросались врассыпную, как будто наступил Апокалипсис. Когда поезд, оставляя за собой клубы дыма, отходил от станции, мне подумалось, как и думается сейчас, что из всех мест в России, которые я всегда буду хотеть увидеть еще раз, главным является Великий Новгород.

Текст печатается по: Byron R. First Russia then Tibet. Edinburgh, 1933. P. 90–100.

Перевод Е.Н. Козлова.

Ирина БАБУШКИНА

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ УЕЗДНОГО ГОРОДА КИРИЛЛОВА

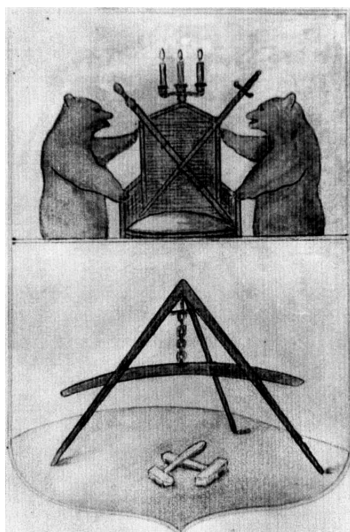
225 лет тому назад, 24 августа 1776 года, императрица Екатерина II подписала именной Указ Сенату об открытии Новгородского наместничества. В нем предписывалось: «Кирилова Белозерского большого монастыря подмонастырскую слободу переименовать городом, с названием город Кирилов». Для создания нового уездного центра слобода Кирилло-Белозерского монастыря была выбрана неслучайно. К моменту подписания Указа она была довольно крупным населенным пунктом, насчитывавшим 335 жилых домов. Город Кириллов стал центром самого отдаленного северо-восточного уезда Новгородской губернии, 580 верст отделяли его от губернского города.

В августе 1781 года был утвержден герб города в виде щита, разделенного на две части. В верхней части изображался герб Новгорода — два стоящих на задних лапах медведя, что означало принадлежность города к Новгородской губернии, а в нижней части — «подвешенное на деревянном треножнике железное клепало, употребляемое в древности вместо колоколов и два при оном железные молота на белом поле в знак что при оном городе есть старинный монастырь».

Облик уездного города сформировался в соответствии с планом, составленным Николаем Чечериным в 1777 году. По этому плану в городе намечалось построить 40 улиц, пересекающихся строго под прямыми углами, а между улицами разместить четыре площади. В центральной части города планировалось возвести «каменные казенные строения». Деревянные дома на центральных улицах предписывалось ставить на каменных фундаментах. Высота этих зданий не должна была превышать восьми аршин (около шести метров), чтобы не заслонять собой архитектурный ансамбль Кирилло-Белозерского монастыря.

В XIX веке облик уездного города украшали сияющие золотом кресты четырех приходских храмов, стоявших по направлению основных дорог. Самой ранней по времени постройкой была Казанская церковь, первоначально принадлежавшая монастырю и расположенная у его стен. После преобразования слободы в город она приобрела статус городского собора. В конце XVIII века горожане решили придать собору более представительный облик. На-

чался сбор пожертвований на строительство каменной церкви. Сооружение храма и колокольни продолжалось с 1811 по 1825 годы. Автором проекта холодной церкви был Александр Старов, старший сын знаменитого зодчего второй половины XVIII века Ивана Старова. В новом храме сохранились три престола; в теплом отделении слева — апостола Андрея Первозванного, справа — в честь иконы Богоматери Боголюбской. Престол холодного собора освятили в честь иконы Богоматери Казанской. В 1825 году в холодной церкви был устроен золоченый иконостас работы вологодских и белозерских мастеров. Иконы писали московские и петербургские иконописцы. В местном ряду оставили особо чтимую древнюю икону с изображением Кирилла Белозерского — основателя монастыря (ныне находится в Государственном Русском музее). Церковную утварь для собора приобретали в Москве. Колокола в разное время привозили из Нижнего Новгорода, Москвы и Ярославля. В XX столетии облик Казанского собора претерпел значительные изменения: была разрушена в 1930-е годы колокольня, а колокола еще раньше увезли в переплавку. Долгое время в соборе размещался производственный цех Кирилловского РАЙПО. В начале 1990-х годов он был переведен в другое помещение, и собор оказался «бесхозным». Для спасения собора необходимо было изыскать средства и приступить к реставрации памятника.

Герб г. Кириллова, утвержденный в 1781 г.

ции памятника.

На улице Ивановской (ныне ул. Преображенского) в 1798 году взамен сгоревшей деревянной была построена каменная церковь Вознесения Господня с приделом Иоанна Воина. Средства на строительство собирали с помощью «сборной книги» в Кирилловском и Белозерском уездах. В Кирилло-Белозерском монастыре было приобретено 20 тысяч штук кирпичей, оставшихся от разобранных строений, и пять колоколов для новой колокольни. Внутреннее убранство приходской церкви было скромнее, чем в соборном храме. Можно предположить, что выполняли его местные мастера. Церковь Вознесения почти целиком сохранилась, в настоящее время в ней располагается пассажирское автопредприятие.

На Череповецком тракте (ныне ул. Гагарина) в 1836 году был освящен небольшой каменный кладбищенский

храм в честь Двенадцати апостолов, также возведенный на пожертвования горожан. Спустя два года у западной стены была построена колокольня. После закрытия кладбища, с конца XIX столетия, основными прихожанами храма стали учащиеся духовного училища. В середине 1930 годов колокольня церкви была разобрана, в храме в 1932 году

Казанский собор (1881-1825 гг.)

оборудовали электростанцию. После Великой Отечественной войны к западному фасаду сделали пристройку, там некоторое время была «мукомольня».

В юго-западном районе города в 1894 году по желанию купеческой жены Марии Ивановны Сизьминой и на ее средства при другом городском кладбище построили церковь Николая Чудотворца. На деньги Сизьминой была выполнена внутренняя отделка храма, закуплена церковная утварь. В банк на счет церкви купчиха положила 9700 рублей, проценты с которых шли на содержание храма и причта. До настоящего времени церковь не сохранилась, в 1950-е годы ее «разобрали на кирпич».

Первым учебным заведением города стало духовное училище, открытое в Кириллове во второй половине XVIII века. Сначала оно располагалось в одном из зданий монастыря, а в начале XX века для него было выстроено трехэтажное здание на берегу залива Сиверского озера (в настоящее время — отделение районной больницы). В училище ежегодно обучалось около ста человек, в основном дети священников и церковнослужителей Кирилловского и Череповецкого уездов. Преподавали в нем выпускники духовных академий и семинарий К.Н. Ильинский, Н.П. Успенский, Л.Н. Церковников и другие.

В 1805 году в городе было открыто уездное училище, с 1878 года ставшее городским. Для него в конце XIX века на берегу Долгого озера построили двухэтажное деревянное здание (ныне — детский сад № 1). На рубеже XIX–XX веков в Кириллове существовало также два приходских училища. Мужское располагалось в здании напротив Казанского собора (сейчас — профессиональное училище №

59), женское — на Большой Набережной (ул. Гагарина).

В 1897 году в Кириллове открыли женскую прогимназию. Позднее она была преобразована в гимназию и стала первым средним учебным заведением города. Обучение в гимназии было платным. Желающие заниматься музыкой и иностранными языками могли брать дополнительные платные уроки.

В 1893 году по инициативе и на средства архимандрита Кирилло-Белозерского монастыря Иакова в караульном помещении Казанской башни была открыта церковно-приходская школа. В 1911 году ее посещало 13 учащихся.

В 1912 году в городе было создано реальное училище, размещалось оно в нескольких приспособленных помещениях.

Более 700 учащихся было во всех учебных заведениях города в начале XX столетия.

В центре города сохранилось двухэтажное кирпичное здание, сооруженное в 1914 году. Это бывший Гостиный двор. Оно было построено на деньги купца Петра Алексеевича Симонова, завещавшего на его строительство 80 тысяч рублей. На первом этаже размещались магазины, на втором — казначейство, городская управа и другие общественные учреждения города. В настоящее время здесь находятся районный культурный центр, библиотека, магазины.

Уникальным памятником инженерной мысли является и знаменитая Северо-Двинская водная система (ее первоначальное название — канал герцога Александра Виртембергского). Она проходит по территории современного города и Кирилловского района. Эта система соединяет бассейны рек Волги и Северной Двины. Идея устройства канала между рекой Шексой и Кубенским озером была высказана еще Петром I. Однако по историческим документам известно, что соединительный путь между бассейнами Волги и Двины существовал давно и назывался Славянским волоком. В конце XVIII века были проведены работы

Административное здание
(Дом купцов Андреевых. Первая половина XIX в.)

по определению кратчайшего безопасного пути. К работам на трассе приступили в 1825 году. Преодолевая водораздел между реками Шексной и Порозовицей строители прорыли более 15 километров каналов, устроили шесть

Герцог А. Виртембергский
(1771-1833 гг.)

шлюзов на волжском склоне Кирилло-Белозерской гряды, поднимающем суда на 11,5 метра, и семь шлюзов на двинском склоне, опускающем суда на 13,5 метра.

Работами по строительству руководила Дирекция Кирилловского канала. В качестве рабочей силы привлекались крестьяне окрестных деревень. В мае 1828 года канал был открыт для судоходства. В августе того же года Николай I подписал Указ, в котором выражал благодарность

герцогу Виртембергскому, Главноуправляющему Ведомства путей сообщения и публичных зданий, «за столь полезное сооружение» и повелевал впредь называть «онный канал: каналом герцога Александра Виртембергского». По новому каналу пошли транзитные грузы: дубовый лес переправлялся в Архангельск, а в обратном направлении (на Волгу) сплавлялись сосновая иловая древесина.

Для управления каналом были созданы Округа путей сообщения, которые делились на отделения и дистанции. Для производства работ и надзора за сохранностью канала и судоходством были учреждены военно-рабочие роты, комплектовавшиеся из нижних чинов военного ведомства. В Кириллове размещалась 14-я военно-рабочая рота. В городском Казанском соборе приводили к присяге офицеров, солдат и служащих из администрации канала.

В июне 1878 года были основаны Кузьминские ремонтные мастерские, которые занимались

ремонт и реконструкцией системы и изготовлением «судовой обстановки» (бакенов, бусев, путевых знаков и прочего). При мастерских базировался путевой флот. На территории современных мастерских сохранился производственный корпус, построенный еще в конце XIX века.

Несомненно, главной достопримечательностью города является Кирилло-Белозерский историко-архитектурный музей-заповедник. Он располагается на территории бывшего мужского монастыря, основанного в 1397 году московским монахом Кириллом. С каждым годом растет популярность музея-заповедника. С 1991 года начался прием туристов из многих зарубежных стран. В 2000 году музей принял около 80 тысяч отечественных и иностранных посетителей.

Небольшой уездный городок — родина ученого-математика Дмитрия Александровича Граве; дипломата, историка и публициста Ивана Михайловича Майского; доктора технических наук, профессора Вениамина Георгиевича Антипина; художника театра и кино Владимира Александровича Покровского; художника Бориса Ивановича Горбунова.

Около 150 лет (с 1776 по 1918 год) Кириллов входил в состав Новгородской губернии. В 1918 году город и уезд были переданы во вновь созданную Череповецкую губернию. В 1927 году в результате ликвидации уездов и губерний был образован Череповецкий округ Ленинградской области, куда вошел Кирилловский район. Через десять лет он был переведен в состав Вологодской области.

Кириллов. Кузьминка. Канал с открытия начала XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глызина Л.И. Уездный город Кириллов / Кириллов. Историко-краеведческий альманах. Вып.1. Вологда, 1994.
2. Иванова Г.О. Приходские церкви города Кириллова по архивным источникам / Кириллов. Историко-краеведческий аль-

- манах. Вып.1. Вологда, 1994.
3. Смирнов И. А. История Северо-Двинской водной системы / Кириллов. Историко-краеведческий альманах. Вып.1. Вологда, 1994.

ЦЕРКОВЬ РИЗОПОЛОЖЕНИЯ

Церковь Ризоположения привлекает внимание всякого, кто входит на территорию Кирилло-Белозерского монастыря. Дивный храм, словно явившись из сказки, предстает взору то на ярко-зелёном ковре лета, то на белоснежном покрывале зимы.

Церковь стояла прежде в селе Бородава, недалеко от Ферапонтова монастыря, построена в 1485 году на средства Ростовского Архиепископа Иоасафа. Об этом человеке нужно сказать особо. Князь Иван Никитич Оболенский (будущий Преосвященный Иоасаф) женился на княжне Дарье Луговской. По преданию, на свадьбе юродивый Исидор Твердислав предсказал молодым будущее. Поднося жениху венок, сплетённый из травы и цветов, он сказал: «Вот тебе, Иванушко, и архиерейская шапка». Затем юродивый обратился к невесте: «Рахиль-Дарья, породись ты сына Савву на великую славу»¹. Через год Дарья умерла после родов, а Иван постригся в Ферапонтов монастырь. Постриг совершал сам игумен Мартиниан — ученик Преподобного Кирилла Белозерского. Еще при жизни прп. Мартиниана Иоасаф стал Ростовским Архиепископом, а в 1488 году он покинул кафедру и вернулся в обитель святого Ферапонта, прожил в ней 25 лет и был похоронен у Собора Рождества Богородицы, рядом со своим учителем прп. Мартинианом Белозерским.

Церковь Ризоположения Архиепископ освятил сам, об этом свидетельствует антиминос, найденный священником Павлом Лесницким в 1886 году: «Освятися олтарь великого Господа Бога Спаса нашего Иисуса Христа в церкви пресвятыя Владычицы нашея Богородицы честнаго Положения ризы смиренным Архиепископом Иоасафом при благоверном Князе Иване Васильевиче в лето 6994 на память Покрова Пресвятыя Богородицы»². В 1489 году преемник Иоасафа на Ростовской кафедре, Архиепископ Тихон, освободил ц. Ризоположения от даней и пошлин.

Памятник представляет собой небольшой по размерам приходской храм, состоящий из двух сосновых срубов. Маленькие окна, закрывающиеся изнутри деревянными заслонками, располагаются на разной высоте. Венчает строение изящная главка, покрытая деревянным лемехом. В середине XIX века церковь отремонтировали: пристроили паперть-галерею, сменили кровлю на железную, обшили здание тёсом и покрасили. Учёные-дендрологи подтвердили данные о древности храма: сделав анализ древесины, они выяснили, что деревья, из которых построены четверик и трапезная, были срублены в 1460–1470-е годы. И вот уже более 500 лет церковь радуется глаз.

Легенда гласит, что Петр I, проплывая по реке Шексне, залюбовался храмом так, что повелел перевезти в Санкт-Петербург. А профессор С.П. Шевырев в XIX веке писал: «Подобные древние деревянные храмы встречаются толь-

ко в этом краю..., но изо всех мною виденных, этот наиболее привлекает моё внимание своею постройкою и смиренно наружностью. Мне казалось, что глядя на него, вижу образец тех первоначальных церквей, о которых упоминается в житиях Русских св. Угодников и с которых начиналось всегда учреждение обителей... старушки села говорили о своей церкви... «Церковь наша премилостивая — она нас и крестит, и питает, и благословляет»³. Исследователей и любителей старины издавна привлекало также и убранство храма. Вот что писал в своей книге историк Ферапонтова монастыря, И. Бриллиантов: «Иконостас, царские двери, деревянные подсвечники отличаются древностью и простотой устройства. При церкви хранятся древние облачения»⁴.

Историческое и художественное значение ц. Ризоположения оценили и после Октябрьской революции. Именно поэтому 30 ноября 1919 года имущество храма было переписано и составлено «Охранительное свидетельство». Работа по сохранению памятника возлагалась на заведующего, который докладывал властям о всех опасностях: будь то разрушения или самовольное занятие помещения. Кирилловский подотдел по делам музеев, охраны памятников искусства и старины запретил использовать храм для нерелигиозных нужд.

Логическим продолжением охранных мероприятий первых послереволюционных лет стал Акт от 20 августа 1936 года, составленный сотрудниками Кирилловского музея. В нём говорилось, что при закрытии храма все церковные предметы должны быть переданы в музей Кириллова.

В 1936–1937 годах специалисты из Ленинграда: эксперт инспекции по охране памятников Леноблисполкома Я.П. Гамза и художник-реставратор Н.В. Перцев, обследовали церковь. Я.П. Гамза, изучив иконы визуальным способом, сделал предположение, что деисусный чин (10 икон), три иконы из местного ряда и одна икона из алтаря (Распятие) принадлежат кисти великого русского иконописца Дионисия и его сыновей. Учёный полагал, что созданы они были для Ферапонтовского Собора, но после случившегося там пожара, на рубеже XVII–XVIII веков, были перенесены в приписную церковь. В 1937 году Н.П. Перцев сделал пробные расчистки некоторых памятников, что позволило сузить круг дионисиевских икон до пяти.

Я.П. Гамза в своем отчете по итогам обследования первым поставил вопрос о необходимости «переброски всего редкостного и первоклассного архитектурно-живописного комплекса ц. Ризоположения на территорию Кирилловского музейного заповедника»⁵. Руководствуясь этими выводами, 18 ноября 1937 года Президиум Кирилловского райисполкома постановил закрыть действующий храм и перевести на территорию Кирилло-Белозерского монастыря, а

вещи передать в музей для экспонирования и изучения. Планам этим суждено было сбыться только после войны.

В первое послевоенное десятилетие церковь жила как бы в трёх измерениях: с одной стороны, храм оставался действующим, с другой, продолжались охранные мероприятия, и в то же время разрабатывался проект переноса памятника, так как село Бородава попало в зону затопления при строительстве Волго-Балтийского канала.

6 августа 1948 года Вологодский областной отдел по делам архитектуры выдал Кирилловскому краеведческому музею «Охранное обязательство», согласно которому музей должен был следить за сохранностью храма. Одновременно Вологодский отдел по делам архитектуры производил обмерные работы, составлял смету на перенос церкви, а архитектор Б.В. Гнедовский разработал проект и осуществил реставрацию памятника. Вот что писала тогда областная газета «Красный Север»: «...В снежный декабрь 1957 года бригада прилуцких мастеров Вологодской специальной научно-реставрационной мастерской вывезла в Кириллов бывшую Бородавскую церковь. Там плотники собрали её на заранее подготовленный фундамент».

За два года до этого события, в январе 1956 года, Кирилловский музей вывез из церкви предметы убранства, иконы, облачения, утварь. Вещи предполагалось взять на учет.

В это же время директор музея Н.П. Янусов получил письмо от директора только что созданного Музея им. Андрея Рублёва, Д.И. Арсенишвили, в котором тот предлагал временно передать в московский музей наиболее древние иконы для их изучения. «Точная датировка написания икон, их авторство и расчистка должны интересовать и Кирилловский музей... Музей им. Андрея Рублёва проведёт все вышеназванные работы, после чего вернёт иконы Кирилловскому музею»⁶. 14 января 1956 года музеи заключили договор, по которому в Москву отправилось 19 икон. Путь их обратно был долгим и тяжёлым.

В течение 1956–1959 годов обеспокоенный Янусов писал в Москву: то в Рублёвский музей, то в министерство. Два года не решался вопрос о реставрации икон. В результате директор Кирилловского музея напрямую обратился в Государственные центральные художественные реставрационные мастерские: «Пошёл третий год, а Арсенишвили ничего не сделал по расчистке икон, наоборот, он стремится затормозить расчистку их, на наши запросы не отвечает. Чувствуется стремление присвоить иконы»⁷.

На очередной запрос Янусова в Министерство культу-

ры РСФСР 30 августа 1958 года ответили, что иконы будут возвращены музею после реставрации в 1959 году. Юбилей Андрея Рублёва в 1960 году стал очередным поводом к невозвращению памятников. В течение последующих лет директор музея А.Ф. Поздняков неоднократно напоминал рублёвцам о взятых ими обязательствах, но ни разу не получил ответа.

В 1970–1990-е годы новые руководители музея, Н.И. Терентьева и Г.О. Иванова, вновь предпринимают активные действия по возвращению памятников — пишут в Министрства культуры СССР и РСФСР, в Комитет народного контроля, посылают исковые заявления в арбитражный суд. С конца 1980-х годов подключилась к этой проблеме и общественность. В 1990 году 600 жителей города Кириллова поставили свои подписи под обращением к тогдашнему Министру культуры Н.Н. Губенко. Появились публикации в прессе: «Некрасивая история» («Правда» от 9.07.1988

г.), «Средь бела дня ограбил столичный музей своего периферийного собрата» («Правда» от 5.09.1989 г.), «Нельзя обирать провинцию» («Советская Россия» от 31.03.1990 г.). Известный искусствовед Г.И. Вздорнов в 1990-м году со своими единомышленниками даже пикетировал здание Министерства культуры СССР.

Только в 1998 году тяжба, продолжавшаяся более сорока лет, благодаря совместным усилиям музея, областной

Кирилло-Белозерский монастырь

власти и духовенства, подошла к своему завершению. 23 июня 1998 года министр культуры Российской Федерации И.Л. Дементьева подписала Приказ № 349 о возврате в Кирилло-Белозерский музей икон ц. Ризоположения, и 29 июля того же года машина с бесценным грузом въехала на территорию монастыря.

Правда, на этом рано ещё ставить точку, так как вернулись только 14 из 19 памятников, пять икон остались на временном хранении в Рублёвском музее до 2003 года: это храмовая икона Положение ризы и пояса Богоматери, дикусные иконы — Василий Великий, Георгий, Дмитрий Солунский, выносная, двухсторонняя икона Богоматерь и Никола. Первые четыре образа датируются концом XV века и относятся ко времени освящения храма. Принято считать, что они были созданы по заказу самого Архиепископа Иоасафа: Положение ризы и пояса Богоматери создано московским иконописцем, а дикусные иконы — ростовскими. Храмовая икона уникальна, во-первых, тем, что подобные образы довольно редко встречаются в русской иконописи, и тем, что сюжет её составляют два одновременных события — положение ризы и положение пояса Богоматери. Предание гласит, что Богородица перед смертью передала

свою ризу благочестивой еврейке, и до V века, передаваясь из поколения в поколение, она хранилась в Иудее. Однажды два греческих вельможи, Гальвин и Кандид, путешествуя по святым местам Палестины, остановились заночевать в одном доме, там они увидели ковчег с ризой. Греки выкрали святыню, привезли её в Константинополь и положили в храм св. Раки во Влахернах. Событие это произошло в 474 году в правление императора Льва Великого. Церковь отмечает праздник положения ризы Богоматери 2 июля (по старому стилю). А 31 августа отмечается положение пояса Марии в Халкопратийский храм Константинополя в 418 году. На бородавской иконе в центре изображён престол храма, по сторонам его две группы людей — слева Византийский патриарх Геннадий I со свитой, справа — император Лев с супругой и придворными. «Движения людей плавны, замедленны и спокойны... Выражения лиц с мягким овалом сосредоточенны и спокойны. Во всём заметно стремление к ясности, соразмерности, эстетической отчётливости трактуемого образа»⁸.

Иконы, поступившие в Кирилло-Белозерский музей, созданы местными — белозерскими и вологодскими мастерами. Это иконы местного ряда — Троица (кон. XV — нач. XVI в.), Никола (I-я пол. XVI в.), Богоматерь (II-я пол. XVI в.), Богоматерь Корсунская (кон. XVII в.), семь икон деисусного чина (II-я пол. XVI в.), две створки царских врат (II-я пол. XVI в.), икона-деисус (XVII в.). Наиболее известна икона Троица. Она привлекла внимание специалистов ещё в 1930-е годы. Некоторые исследователи считали, что она создана мастером круга Дионисия. Икона экспонировалась на многих выставках, в том числе на выставке «Дионисий и искусство Москвы XV–XVI столетий», проходившей в 1981 году.

Прибывшие иконы, несколько десятилетий до этого хранившиеся в запасниках, теперь заняли своё место в постоянной экспозиции Кирилло-Белозерского музея. Их видят любители русского искусства и специалисты. Эти памятники обогащают наши представления о развитии иконописания на русском Севере в XVI–XVII веках.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бриллиантов И. Ферапонтов Белозерский, ныне упраздненный монастырь, место заточения Патриарха Никона. М., 1994. С.49–50.

² Там же. С.51–52.

³ Шевырев В.С. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Ч. II. М., 1850. С.90.

⁴ Бриллиантов И. Там же. С. 52.

⁵ КБИАХМ. ОПИ. ДПА. Я.П. Гамза. Обследование ц. Положения Ризы Богоматери в дер. Бородава Кирилловского района. Отчёт от 1936 г.

⁶ КБИАХМ. ОПИ. Письмо Д.И. Арсенишви-

ли в Кирилловский музей. Январь 1956 г.

⁷ КБИАХМ. ОПИ. ДПА. Письмо Н.П. Янусова в ГЦХРМ от 3.03.1958 г.

⁸ Попов Г.В. Московская икона 1485 года из села Бородавы // Древнерусское искусство XV–XVII веков. Сб. ст. М., 1981. С.80.

Людмила СЕКРЕТАРЬ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О НОВГОРОДСКОМ ПЕРИОДЕ ЖИЗНИ В.А. ТРОПИНИНА

В жизненном пути известного русского художника Василия Андреевича Тропинина выделяются несколько периодов. Самый ранний — рождение, детские и юношеские годы — связан с Новгородской землей. Этот период остается малоизученным и требует серьезных архивных поисков. Основным источником наших знаний о дате и месте рождения Тропинина, социальном положении его семьи, годах учебы и первых самостоятельных шагах в жизни остаются сведения, изложенные в статье первого биографа художника Н.А. Рамазанова¹. В принципе верные, они недостаточно конкретизированы и вызывают много вопросов.

Рамазанов сообщал, что Тропинин родился в деревне Карпово Новгородской губернии. Его отец был крепостным крестьянином, управляющим в усадьбе, принадлежавшей графу Антону Сергеевичу Миниху. Граф освободил Тропинина от крепостной зависимости за хорошую службу, но при этом члены его семьи остались крепостными. Сына, Василия, Тропинин отдал учиться в народную школу в Новгороде. После окончания школы мальчик начал служить в доме Минихов.

Остается до конца не уточненной дата рождения художника. Вслед за Рамазановым дату 1776 год признает большинство исследователей, в том числе таких известных, как Н.Н. Ковалевская, А.М. Амшинская. Принята она в справочных изданиях и энциклопедических словарях. Даты 1780–1781 годы придерживаются Г. Кропивницкая, Е. Рождественская и некоторые другие ученые².

Не выясненным до настоящего времени оставалось и точное место рождения художника. Рамазанов указал только название деревни, не уточнив, в каком уезде и волости она находилась. Между тем, деревень с названием Карпово, или Корпово, в «Списках населенных мест Новгородской губернии» за 1913 год в 11 уездах числилось 18³.

Александра Михайловна Амшинская, готовя к изданию книгу о Тропинине, вышедшую в свет в 1970 году, попыталась установить место рождения художника. Правильно предположив, что деревня Карпово (Корпово) находится недалеко от Новгорода, так как Тропинина отдали учиться в Новгородскую школу, Амшинская совместно с сотрудником Новгородского музея А.С. Павлюченковым отправилась в Поозерье близ

Новгорода. Это западное побережье озера Ильмень. Действительно, в Ракомской волости до Великой Отечественной войны существовала деревня Корпово. Но предположение Амшинской оказалось ошибочным, что подтвердили результаты наших исследований. В Государственном архиве Новгородской области сохранился значительный по количеству документов фонд межевых планов населенных пунктов Новгородской губернии. Просмотрев описи этого фонда, мы за-

казали планы деревень с названием Карпово (Корпово). Надежд было мало, так как нужны были планы только XVIII века. И вот на копии плана 1782 года деревни Карпово Чудовской волости читаем: «Геометрический специальный план Новгородского уезда Вотской пятины Грузинского погоста деревни Карпово, которая состоит во владении Лейб Гвардии Конного полка ротмистра графа Антона Сергеевича Миниха, супруги его Веры Николаевны межевания, учиненного в 1782 мая 10 дня новгородским перво-классным землемером капитаном Андреем Балкашиным...»⁴. В деревне Карпово по последней ревизии числилось 60 душ мужского пола и 63 души женского пола. Таким образом, сошлись и название деревни, и имя владельца — А.С. Миниха, которому принадлежала семья крепостных Тропининых. По данным начала XX века, усадьба рядом

с деревней Карпово принадлежала г. Томановскому⁵. Деревня сохранилась до настоящего времени. Она расположена на берегу реки Сенная Кересь. Рядом с деревней уцелели остатки усадебного парка.

Другой вопрос, на который не было ответа: сохранилось ли здание народной школы, в которой учился Василий Андреевич? Так называемые народные школы начали основываться в России в 1770-е годы. Они находились в заведовании учрежденного в 1775 году Приказа Общественного призрения⁶. Из архивного документа известно, что в 1777 году Приказ Общественного Призрения направил «промемотию» в Новгородский магистрат, чтобы тот объявил купцам и мещанам, «не пожелает ли кто здесь в Новгороде построить каменную о двух этажах народную школу для обучения малолетних из своих собственных материалов...»⁷. В 1780 году школа была построена. Этот факт зафиксирован в рукописной книге «Новгородское наместничество» с планами Новгорода и

В.А. Тропинин (1776—1857).
Автопортрет

уездных городов, написанной Петром Козляниновым в 1784 году и подаренной митрополиту Гавриилу. Рядом со зданием школы в «прибыток оному употреблению» на берегу Волхова в 1782 году был возведен каменный дом для служащих⁸.

Позднее, в 1786 году, Екатерина II провела реформу начального народного образования. В губернских городах, а с 1787 года и в уездных, стали открываться народные училища. В губернских городах они были четырехклассными, в уездных — двухклассными⁹. Они заменили народные школы. В Новгороде народное училище было торжественно открыто 22 сентября 1786 года в подворье Юрьева монастыря¹⁰. Подворье располагалось на Ярославовом дворище. На открытии присутствовали: генерал-губернатор Новгородского и Тверского наместничеств Николай Петрович Архаров, новгородский губернатор Петр Федорович Квашнин-Самарин, первый директор училища Василий Андреевич Приклонский, член Приказа Общественного Призрения Евграф Никифорович Бачманов, секунд-майор Василий Андреевич Шамшев¹¹.

После благовеста в соборе ректор духовной семинарии, архимандрит Антониева монастыря Вениамин прочел получение о пользе открытия императрицей Екатериной II народных училищ. Всего собралось 116 учащихся мужского пола и восемь — женского. Учащихся разделили на два класса. Первые учителя (их было четверо) являлись выпускниками открытого ранее Петербургского народного училища¹².

Как следует из документов, народное училище размещалось в двухэтажном каменном доме на берегу Волхова, т. е. в том же, где до этого находилась народная школа¹³. На этом месте оно показано на плане Новгорода конца XVIII века, составленном губернским архитектором, затем землемером, Поливановым¹⁴. Этот же дом без указания его назначения отмечен и на более раннем плане 1784 года Петра Козлянинова¹⁵. Здание часто страдало от наводнений и неоднократно перестраивалось. В связи с очередными ремонтными работами в начале XIX века (до 1808 года) губернский архитектор И. Дмитриев выполнил обмерные чертежи дома. Они позволяют представить его первоначальный облик. На чертеже читается следующая надпись: «Фасады каменному казенному корпусу въ два апартамента, состоящему по берегу Волхова,

въ которомъ помещено народное малое училище и для жительства дворянскими детьми съ смотрителемъ»¹⁶. Архитектура здания решена в стиле раннего классицизма с характер-

ной для этого времени графической проработкой фасадной декорации. Декоративные элементы (наличники с «ушками», п-образные и прямоугольные панно, лопатки) выполнены из кирпича. Скругленная часть здания с парадным входом акцентирована колонным балконом, утраченным к 1820-м годам. На обмерном чертеже губернского архитектора М. П. баллон отсутствует, но фасадная декорация еще сохраняется¹⁷.

В 1808 году в соответствии с проводившейся при Александре I реформой народного образования народное училище было преобразовано в мужскую гимназию¹⁸. После строительства в 1830-е годы нового гимназического комплекса (главное здание, пансион, флигель) на Большой Московской улице, дом был продан частному владельцу. Он сохранился до настоящего времени по адресу Посольская, 2. Атрибутировать здание позволили обмерные чертежи — фасады и планы. Здесь располагается медицинское учреждение. Есть все основания, чтобы присвоить этому дому статус мемориального. Что же касается места рождения художника, то обнаруженные нами и опубликованные в газете сведения получили широкий резонанс в Чудове, где был открыт памятник, а художественной школе присвоено имя знаменитого художника.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рамазанов Н. Василий Андреевич Тропинин // Русский вестник. 1861. Т. 36. С. 50–51.

² Амшинская А.М. Жизнь и творчество Тропинина в документах и воспоминаниях современников // Василий Андреевич Тропинин. Исследования и материалы. Под редакцией М.М. Раковой. М., 1982. С. 233, 238–239.

³ Алфавитный указатель к «Спискам населенных мест» по 11 уездам Новгородской губернии. Новгород, 1913. С. 63, 70.

⁴ ГАО. Ф. 236. Оп. 7. Д. 111. Л. 1.

⁵ Список населенных мест Новгородской губернии. Вып. 1. Новгородский уезд. Новгород, 1907. С. 104–105.

⁶ Энциклопедический словарь. Издатель: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1897. Т. 40. С. 754.

⁷ ГАО. Ф. 87. Оп. 2. Д. 11. 1777. Л. 37.

⁸ НГМ КП 29736 / Кр.–22. Л. 19–19 об.

⁹ Энциклопедический словарь. Т. 40. С. 754.

¹⁰ Секретарь Л.А. К истории Новгородского Арсениева монастыря // Новгородские древности. М., 2000. С. 174–175. Подворье Юрьева монастыря было устроено в начале XVIII века в постройках упраздненного Арсениева монастыря. Кроме того, подворье заняло расположенную вблизи от монастыря церковь Жен Мироносиц с примыкавшим к ней каменным корпусом.

¹¹ ОПИ НГМ, №12059. Записка Главного Новгородского народного училища. Л. 2–2 об. Рукопись хранилась в фундаментальной библиотеке мужской гимназии.

¹² Там же. Л. 3.

¹³ Там же. Л. 92, 113–114 об.

¹⁴ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 22248.

¹⁵ НГМ КП 29736 / Кр.–22. Л. 18 об.

¹⁶ РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 41. Л. 1.

¹⁷ РГИА. Ф. 1488. Оп. 2. Д. 1094. Л. 1.

¹⁸ ГАО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1328. В деле хранится газетная вырезка из «Правительственного вестника» (№257, 26 ноября 1908 г.), в которой изложена история открытия народного училища и затем гимназии.

Сергей ВИТУШКИН,
Тамара АЛЕКСАНДРОВА

ТРИ ЗИМНИХ МЕСЯЦА

В Государственном архиве Новгородской области (ГАО) в фонде Р-1540 и в других имеются письма солдат-уроженцев Боровичского района, присланные ими на родину с переднего края советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Эта война сначала велась силами только Ленинградского военного округа, для чего в начале сентября 1939 года были призваны на сборы новгородские, псковские, ленинградские, вологодские, архангельские, мурманские запасники. В дальнейшем неудачи на фронте заставили политическое и военное руководство вести войну всерьез: были направлены дивизии из других округов, улучшилось снабжение личного состава всем необходимым и материально-техническое обеспечение частей. В целом война показала неготовность СССР к современному ведению боевых дей-

ствий, дала основание Гитлеру назвать нашу страну «колоссом на глиняных ногах», объективно ускорила начало агрессии Германии.

Конечно, рядовой из своего окопа видел не очень много. Но и то, что он мог наблюдать, многого стоит. Эти живые свидетельства дают ключ к пониманию стойкости, выносливости красноармейцев, их высокого морального духа, раскрывают их чаяния и надежды. Безусловно, эти черты характера российских советских воинов помогли стране впоследствии победить в Великой Отечественной войне. Мы приводим только малую часть имеющихся в фонде писем. Надеемся, что они помогут лучше понять этот период изучающим историю советско-финляндской войны и историю страны.

Орфография оригиналов сохранена.

Письмо Иванова Александра Павловича. Родился в д. Каменник Греблошского с/с, красноармеец 461-го стрелкового полка. Погиб от разрыва снаряда у озера Суван-тоярви¹ (со слов красноармейца Т.А. Андреева).

29. XII — 39 г.

Здравствуй, дорогая жена Мотя, дочь Зина и маленькая дочь Катя, мама и Дуня. Кланяюсь всем родным.

Мотя, я твое письмо получил 28-го вечером, а писал 29 числа ночью. Был я очень рад, что ты мне присылаешь письма почаще. Ты пишешь, что послано письмо и посылка. Мне только нужен носовой платок, [потому] что на ходу рукавом натерешь нос и конверты, а больше ничего не надо. Табаку у нас снабжены, а булок возят очень-очень мало на одного человека — 30 человек 5 батонов. Ну, батонны большие 2 р. 60, а еще нового у нас на границе убито (неразборчиво — Ред.) красноармейца и 11 ранено. Финны из орудия [сделали] 7 выстрелов, а остальное тихо и спокойно². А я жив и здоров. Посылку я еще не получил. Я очень рад, Мотя, я очень рад, что перевели в стрелковую роту, мне меньше работы, что нет лошади и не надо беспокоиться о ней и не надо отвечать, а здесь вычистил винтовку и отвечай [за себя].

Мотя, я очень рад, что ты запасла козе корма, а мне приходится идти в бой, не знаю, останусь жив и здоров. Наверное, мне больше не видывать тебя и своих детушек. А пока жив и здоров. Мотя, ведь только два месяца забрали всего, да нет всех не убили, так и здесь больше двух месяцев не провоюем. Мотя, не плачь и не расстраивайся. Что

же сделаешь, ведь надо защищать свою родину. Ведь наши отцы тоже были взяты на войну, вернулись. Не расстраивайся и не плачь. Береги и не обижай детушек Зину и Катю. Мотя, поцелуй Зину и Катю за меня. А я тебе шлю воздушный поцелуй. Пока жив и здоров.

Мотя, мне ничего не надо, мне выданы теплые брюки и фуфайка, есть теплая рубашка. Денег больше не надо, некуда девать. Когда будет надо, то я попрошу, а деньги я не получил 15 руб. и посылки. Не знаю, когда и напишу. Будем переходить в ночь границу³.

До свидания.

Твой муж Шура.

Государственный архив Новгородской области (далее ГАО), Ф. Р-1540. Оп.1. Д. 1. Л. 69–70.

Письмо Осипова Якова Васильевича. До призыва проживал в д. Соинское Сушиловского с/с. Мл. командир 208-го стрелкового полка. Погиб 13 марта 1940 года⁴.

Привет с фронта.

Добрый день.

Здравствуйте, дорогие родители Тятя и Мама и братья Ваня и Миша и сестра Маня. Во-первых посылаю я вам свой красноармейский привет и массу наилучших пожеланий в вашей жизни.

Мама, я в настоящее время нахожусь на фронте, то есть на передовой линии. Сейчас занимаю должность помощника старшины. Мама, пришло очень тяжелое время,

когда уже полный месяц не видал ничего особого, кроме своего окопа, который находится на одной из высоток и из которого даже нельзя показаться, того и гляди подстрелят, как утку.

Мама, мы сейчас находимся в обороне, народу осталось в роте очень мало и то всех вывели из строя. Не знаю, все говорят, что скоро нас сменят, а хорошо не знаю, верно это или нет. Хотя бы скорей, а то весь черный, грязный. Как приехали в Финляндию, так ни одного раза и не умылся. Белые стали грязные и даже вши стали бродить.

Мама, живу пока, так сказать, ничего, ну охота побывать дома, а не знаю, придется или нет. Мама, напиши все новости, которые произошли за это время в нашей деревне. Напиши, где сейчас брат Павла находится. Пока, писать больше нечего. Остаюсь жив и здоров.

С приветом.

Мама, пускай Ваня напишет мне письмо, а также пишите почаще.

Мой адрес.

Действующая Красная Армия, ППС-215, 208 сп, 9 рота. Осипову Якову Вас. Пишите ответ, жду.

1 февраля 1940 г.

ГАНО. Ф. Р-1540. Оп.1. Д. 1. Л. 99.

Письмо Никитина Ефима Никитича. Проживал в д. Быково Быковского с/с, служил в 588-м стрелковом полку, умер от ран 13 марта 1940 г.

31/XII-39 г. Добрый день Таня.

Кланяюсь Сане, Вале, бабушке и всем родным и знакомым. Таня, письмо я ваше получил. Ты пишешь насчет поросенка. Его нужно резать, а то ты скормишь всю картошку. Если есть деньги на хлеб, тогда ешьте сами или как хотите. Я ничего не вижу, как вы живете. Я пока жив и здоров. Нас осталось старых красноармейцев очень мало, которых убили, которых ранили, а мы еще живем пока. Я сейчас нахожусь за командира отделения. Вася Ивана Андреевича тоже командир отделения.

Таня, пиши письма чаще. Я пока здоров и все в порядке. До свидания, ваш муж и папа Ефим.

Поклон Кравченку и крестному.

До свидания.

Таня, шинель и все на мне прострелено пулями, даже бумага, на которой пишу, а я пока здоров. (Действительно, на бумаге 6 отверстий от пуль. — Ред.)

ГАНО. Ф. Р-1540. Оп.1. Д. 1. Л. 116–117.

Письмо Лебедева Сергея Александровича. Проживал в д. Хоромы Хоромского с/с, служил в 588-м стрелковом полку санинструктором. Погиб 14 февраля 1940 года.

Здравствуй, милая Катюшка.

Пишу письмо в разгаре боя. Финны-бандиты бегут от нас в панике. Не сердитесь, что долго не писал, вернее, ты не получала долго писем. Теперь я не санинструктор, а политрук. Ну, ладно. Целуй дочку. Если все пойдет так как

сегодня, т. е. 11/2 — 40 г. — то скоро буду дома. Почему редко пишу — объяснение дам лично. Ну пока. Привет всем. Целую. Сергей.

ГАНО. Ф. Р-1540. Оп.1. Д. 1. Л. 149.

Письмо Иванова Степана Ивановича, подтверждающее гибель Швалова Михаила Васильевича, который проживал в д. Черноружье Черноружского с/с. и был батальонным связистом 245-го стрелкового полка. Погиб 16 февраля 1940 года.

28 февраля 1940 г.

Привет. Добрый день братко Дмитрий Иванович, ку-мушка Настасья...

Желаю вам всего хорошего. Кратко сообщаю, что я пока жив. Как выехал из дому и сразу попал на фронт. И все время так что не было возможности домой написать письма. Я натерпелся и холоду, и голоду, и страсти больше всего, я в свой полк не попал. Попал в 245 стрелковый Краснознаменный.

12 февраля в бою меня ранило под городом Выборгом в левую руку двумя пулями. Сломало большой, средний палец, прострелили повыше локтя. Но для жизни не опасно. Товарища Швалова вашего убили — попал под снаряд, так что я нашел его один сапог, больше ничего.

Нахожусь в госпитале в г. Осташков. Привезли 24 февраля. И мне на левую руку. Видно судьба такая.

.... и пока. До свидания. Пишите ответ.

ГАНО. Ф. Р-1540. Оп.1. Д. 1. Л. 154.

Письмо сослуживца солдата Емельянова Василия Осиповича (фамилия его неизвестна, так как в письме ее нет) Петра. В. О. Емельянов до призыва проживал в пос. Подольно-Большеновоселицкого с/с, служил рядовым 234-го противотанкового дивизиона. Погиб 12 декабря 1939 года.

18/1 — 40 г. Добрый день!

Здравствуй Маруся. Шлет Вам Васин друг Петя свое письмо. Привет и самые наилучшие пожелания вам успеха в вашей жизни.

Первым долгом я вам могу, Маруся сообщить, что ваше письмо получил, за которое Вас несколько раз благодарю. Письмо получил 14 числа. Вы мне пишете насчет Васи. Мой друг Вася [был] ранен 12 декабря и ранен он миной. И я тут был, но я жив остался. А этой миной убило 3 лошади, нашего командира, бойца и ранило друга Васю. Когда его ранило, он кричал, озяб, тогда я снял с себя фуфайку и одел на него. И просил пить, так я ему подавал кусочками снег и его тогда при мне понесли на носилках и он очень кричал. Затем Марусечка, рассматривать [что с ним] очень не приходилось. По нам сразу начали финны стрелять. Затем, Марусечка, я был в той санчасти, в которой ему оказывали первую помощь, так там сказали, что он весь изорван, осталась только одна грудь цела. И я думаю, Маруся, вряд ли он жив, а если и жив, то калека, а не Вася. Затем,

Маруся, нам писать не разрешалось про убитых и про раненых, но я тебе Маруся про своего любимого друга Васю все опишу. Но ты Маруся не рассказывай все, что я тебе пишу, а то меня за это не похвалят. А ты, Маруся, еще раз попробуй напиши комиссару части. Адрес тот самый. Только комиссару части Захарову.

Пока, Маруся, писать нечего. Что знал, то для вас описал. Мы сейчас находимся в тылу, на отдыхе. Пока, до свидания, Маруся, пиши чего хорошего у вас, чего услышу про Васю, тогда вам сообщу все.

Да, Марусечка, дело плохое у вас. По моему, вряд ли Вася жив. Тогда был очень большой мороз, когда его ранило, он мог поозябнуть. Ну ничего не поделаешь, Маруся, как видно, что судьба ваша пока несчастная. Ну пока, Марусечка, буду ждать ответ. Может быть чего и узнаю про Васю и если вы узнаете вперед, как жив или нет, так сообщите, Маруся.

Мне тоже его очень жаль. Хороший парень Вася был.

ГАНО. Ф. Р-1540. Оп.1. Д. 1. Л. 161-162.

Письма Яковлева Михаила Федоровича, 1914 г. р. Проживал до призыва в д. Холодный Ручей Большелесовского с/с. Красноармеец 323-го артиллерийского полка 123-й дивизии. Погиб 20 декабря 1939 года (был смертельно ранен осколками гранаты. ГАНО. Ф. Р-1540. Оп.1. Д. 1. Л. 172.

Финляндия. Поле — боя 17/XII — 39

Добрый день!!!

Здравствуйте, дорогие мои женочка Таня, сынок Боря, брат Леша и Лида. Шлю я вам массу хороших пожеланий и желаю главного вам здоровья. Разрешите вам сообщить, что нахожусь на первой линии фронтового боя и нахожусь пока жив и здоров, что будет дальше, не знаю.

Таня, семнадцатый день уже нахожусь в бою, слушаю визг пуль и произвожу сам стрельбу, но еще сколько продлится, не могу и описать.

Милая, тогда, когда попадешь в перестрелку, то думаешь, ведь весь век кончился, ибо в бой идут такие жестокие, что вам и описать не смогу. Условия жизни на фронте знает Орехов и его спроси, и он расскажет, и, что он будет говорить, это все верно. Так как он этот порох нюхал.

Поверь, дорогая, и дорогой сын, если останусь жив, то это будет урок к лучшей нашей семейной жизни, а если не вернусь, то живи, родная, скромней, ибо живи так, чтоб не смеялись люди.

Милая Таня, скажи Шуре, что ее письмо я получил, которое писано 9/XII, но ответ писать у меня нет адреса, а посему извиняюсь я перед ней. И передай ей от меня сердечный привет и передай привет всем папамашам 2 мамашам Вали и Вовы и другим моим братьям, если увидишь.

Костер горит, пишу письмо, а пули свищут недалеко.

Первый раз мне было так лишь жутко, а теперь поприрек и ничего.

Но настоящая жизнь такая:

Как нащупает пуля какая
То останусь я на поле боя
И будет горя вам лишь вдвое.
Но не тоскуй жена и плюй на все
Человеку суждено лишь что-то одно:
Либо умереть в бою,
Или вернуться с боя в семью свою.
Это все суждение впереди
И жизнь сама покажет наяву
Если суждено меня убить, то убью
Не суждено — то домой приду.
Живи спокойно и не скучай,
Тоски сердцу не придавай,
А кто спросит — говори
Что наша встреча впереди.

Дорогая Таня, Шурина фотокарточку не получил, посылку не получил, но жду твоей фотокарточки, посмотреть хочу, как никогда.

Писать пока и есть что, но, ах горе, горе, что на поле боя и писать негде, не на чем и страшно. А в окопе неудобно.

Целую крепко, как никогда.

Миша. 17/XII — 39 г.

ГАНО. Ф. Р-1540. Оп.1. Д. 1. Л. 176-177.

С передовой и огневой
Полосы лишь после боя,
Пишу письмо семье я дорогой,
Сидя в окопе, как в неволе.
Поверь, родная ты семья,
Как враг обстрелива[е]т меня
Обстреливает меня не одного,
А посему мы народ советов — победим его.
Время тянется и длится
И враг все хуже стал сердиться,
Но сердце в злости на него
Разобьем и больше всё.
А как врага мы победим,
Да живы ими углядим,
Так бежим скорей домой,
Чтоб пожить в семье родной.
Так добрый день, счастливый час,
Спешу письмо послать для вас.

Братцу Алексею Федоровичу, жене Татьяне Андреевне, свояченице Лидии и милому многолюбящему сыночку Борису Михайловичу. Привет и море пожеланий от Михаила Федоровича.

Леша, получил твое письмо я в окопе, когда было аж жутко читать лишь потому, что такой шел бой, что если бы ты знал, то сразу сказал: «Ой, видимо земля перевернулась». Но что ж, вот прочитал [письмо] и пишу вам ответ, что я пока здоров, но переносу холода столько, что и неопределимо. Посылку вашу я получил, за что благодарю с радости и слезами на глазах. Но все же холодно, холодно. Но это все не горе. Если буду жив, но мало на это шансов, что буду, ибо война такая, что урон и с нашей стороны

большой ввиду плохого рельефа местности, но это все ничего, ибо это не назад. А честь погибнуть за дело народа.

Леша, брат, опиши как наш папаша и передай ему искренний от меня привет. И пускай Таня передаст тестю и теще по привету и другим. Прочитай письмо, не расстраивайтесь, ибо я не один и если моя [жена] и сын останутся, то тоже не одни.

И последнее: прошу, живите дружно и мирно и в случае плохих последствий у меня, прошу, почитай моего сына как племянника и как свою кровь. Леша, пишу письмо в окопе и посмотрю в окно, то прямо не определимо, что делается, а снаряды ежеминутно рвутся, а осколки так и калечат и калечат. Но пару слов: враг финнской армии несет потерь в несколько раз больше, хотя и война [идет] на их территории.

Прочитайте все.

А сейчас крепко жму воздушно руку и хотя хочется сказать здравствуйте, приходится говорить прощайте.

Миша.

Никола (Никола-зимний, религиозный праздник. — **Ред.**)

19/ХП — 39 г.

ГАНО. Ф. Р-1540. Оп.1. Д. 1. Л. 178-179.

Письма Васильева Андрея Герасимовича. До призыва проживал в д. Залезенка Большекаменецкого с/с, красноармеец 2-й роты 1-го батальона 588-го стрелкового полка. Погиб 13 февраля 1940 года. (Последнее письмо написано им 8 февраля 1940 года.)

1 февраля 1940 г.

Добрый день, веселая минута. Спешу послать свой пламенный привет и низко кланяюсь, Наташа, вам и своей дочери Кате и маме, и папе, и Леше, и Косте, и Дусе, и сестре Надюше, и свояченице Нюше. Наташа, я ваше письмо получил, очень был рад, за которое вас очень благодарю, письмо получил за 18-е число и сразу стал вам писать ответ. Наташа, я очень соскучился по вам с Катей, поговорил бы с вами, Наташа, и со своей дочерью Катей. Наташа, вы пишете, как бы вы были дома. Наташа, я буду жив, так не раньше как к первому мая приеду домой.

Наташа, брат Миша приехал ко мне, (брат А. Г. Васильева — Михаил Герасимович Герасимов погиб 13 февраля 1940 г. — **Ред.**). мы живем вместе в одной палатке, и стучевской (д. Стучево — **Ред.**) Володя и веретевский (д. Веретье — **Ред.**) Сенька.

Наташа, нам стало жить веселее, стали приходиться к нам из госпиталя свои. Наташа, у нас скоро будет решительный удар. Если останусь в этом бою жив, то великое счастье, тогда у нас с вами будет свидание и увижу вас. Наташа, может быть господь спасет. Я крепко вас целую, крепко накрепко целую свою дочь Катю. Наташа, и вас целую крепко накрепко. Пока, до свидания. Остаюсь жив и здоров и вам того желаю.

Наташа, пиши чаще письма. Я буду ждать каждый день. Наташа, я написал Кате письмо в город.

Наташа, до свидания.

Писал ваш муж Андрюша.

ГАНО. Ф. Р-1540. Оп.1. Д. 1. Л. 230.

3 февраля 1940 г.

Добрый день или вечер, спешу послать свой пламенный привет и низко кланяюсь, Наташа, вам и еще своей дочери Кате. Наташа, я вас крепко накрепко целую, целую свою дочь Катю и кланяюсь маме и тате, и Леше, и Косте, и Дусе, и всем своим родным.

Наташа, я от вас получил сразу два письма, я был очень рад и пишу сразу ответ. Вы пишете, что опиши, сколько заняли городов. Наташа, у финнов городов мало и мы займем один город Выборг. Мы от него недалеко, но трудно его взять, Наташа. Мы займем этот город и кончим воевать.

Наташа, опиши, у меня было послано 10 рублей. Наташа, вы пишете мне, что очень плачете. Наташа, я прошу вас не плачьте, спасайте свое здоровье. Я пока живу хорошо, возможно и приеду домой. Наташа, мы в феврале закончим с финнами воевать и приедем домой.

Наташа, писать больше нечего. Пока, до свидания, остаюсь жив и здоров и вам того желаю, Наташа.

Пиши, ответ буду ждать каждый день.

Ваш муж Андрюша. До свидания.

ГАНО. Ф. Р-1540. Оп.1. Д. 1. Л. 239.

8 февраля 1940 г.

Добрый день, веселый час. Спешу послать свой низкий привет и низко кланяюсь я, Наташа, вам и своей дочери Кате. И еще кланяюсь маме и тате, и Леше, и Косте, и Дусе, и всем своим родным.

Наташа, вы пишете, что у вас нет ничего. Наташа, у нас есть все, Катинины гостинцы ем. Нам часто привозят баранков и конфет, и булок. Наташа, я пока живу хорошо, если была б возможность, я бы Кате прислал бы гостинчиков. Наташа, я когда ем и вспоминаю вас, но делать нечего.

Наташа, я слышал, что мои товарищи были дома, а нам с Володей стучевским (д. Стучево — **Ред.**) никак не попасть. Наверное, у нас такое счастье.

Наташа, я очень по вам соскучился, по тебе и по Кате. Я вас часто вижу на карточке, а Катю я не видал, как ушел из дому...

Наташа, неужели не придется нам с вами пожить. Наташа, я думаю, что приеду домой. Писать больше нечего, остаюсь жив и здоров и вам того желаю.

Наташа, до свидания, писал ваш муж Андрюша.

Наташа, пиши ответ, я жду.

ГАНО. Ф. Р-1540. Оп.1. Д. 1. Л. 240.

Письмо Александрова Ивана Александровича, 1918 г. р. Призван 8 сентября 1939 года из д. Сушани, красноармеец 4-й пулроты пулеметного батальона 455-го стрелкового полка 42-й мотострелковой дивизия, ППС-56. Погиб в бою 13 марта 1940 года⁵. (ГАНО, Ф. Р-1540, Оп.1, Д. 1, Л. 241.)

28 февраля 1940 г.

Добрый день, здравствуй сестра Дуня и крестник Ваня. Шлю я свой сердечный привет и желаю вам хорошей вашей жизни и быть здоровыми. Сестра, я хочу узнать, что как вы там живете, что нет от вас писем уже 3 месяца, что не померши я в бою и, что жив пока, из Боровичских только один остался, а то всех уже нет. Было нас 16 человек.

Пиши ответ. Твой брат Ваня.

Жди с новой победой.

Пока успехи хорошие.

До свидания.

ГАНО. Ф. Р-1540. Оп.1. Д. 1. Л. 244.

Письма Дмитриева Николая Федоровича. Проживал в пос. Польшовка Большеновоселицкого с/с. Призван в Красную Армию в 1938 году в кадровую часть. Пропал без вести на советско-финляндской войне. (ГАНО. Ф. Р-1540.1, Д. 1 Л. 247.)

Привет с фронта!

Здравствуйте, папа, мама, Нина, Толя. Шлю я вам свой красноармейский горячий привет. Сообщаю, что получил ваши два письма, за которые очень и очень благодарю. Знакомых у меня много, но из нашей местности, где я нахожусь, [никого] нет. Живу хорошо, получил валенки, так

что теперь тепло. Вы пишете мне, что послали посылку. Это жалко — то что изводите деньги. Мне ничего не нужно. У меня перчатки есть две пары, булки, конфеты, сухари, яблоки. Колбасу, папиросы возят в 5-ку [пятидневку] раз. Деньги у меня есть еще 200 рублей, а еще скоро получу, так что обо мне очень не беспокойтесь. Я прислал бы побольше, да в письме послать ненадежно, могут затеряться.

Я вам не писал, когда уехал я в Финляндию, я принимал боевое крещение, то в декабре финнов видал, были взяты в плен. С которым [знакомым] служил в Лемболово⁶, его убили.

В общем по финской земле страшно ходить, много наставлено мин, а так ничего, что красных боятся.

На этом писать заканчиваю. Благодарю за посланную вами посылку.

До свидания. Ваш сын Коля.

Кланяйтесь всем родным и знакомым от меня. Нинке привет.

Вот еще новость для меня, сегодня, т. е. 9.1.40 г. помылся в бане, а то уже больше месяца в бане не был. Шлю вам еще 30 рублей в письме на гостинцы от меня.

До свидания.

9.1.40 г.

ГАНО. Ф. Р-1540. Оп.1. Д. 1, Л. 249.

В январе 2002 года благодаря усилиям общественной организации пенсионеров «Дети войны» (Людмила Александровна Савельева) при поддержке губернатора области М.М. Прусака и ветеранов войны в Афганистане был доставлен с мест боёв в Карелии камень красного гранита. На нём будет сделана соответствующая надпись, увековечивающая память погибших на той «зимней» войне уроженцев Новгородской области.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Озеро Суходольское.

² См. Ноту Советского правительства от 26 ноября 1939 года: «Всего было произведено семь выстрелов, в результате чего убито три рядовых и один младший командир, ранено семь рядовых и двое из командного состава». («Правда», 27 ноября 1939 года.) В ответной Ноте Финляндского правительства: «...упомянутые выстрелы были произведены между 15 часами 45 минутами и 16 часами 5 минутами по советскому времени с советской пограничной полосы, близ упомянутого Вами

селения Майнила (...) считаю своим долгом отклонить протест, изложенный в Вашем письме, и констатировать, что враждебный акт против СССР, о котором вы говорите, был совершен не с финляндской стороны». («Правда», 29 ноября 1939 года.)

³ Видимо, передовую.

⁴ В день окончания войны.

⁵ В день окончания войны.

⁶ Куйвозовского с/с Всеволожского района Ленинградской обл.

КУМРАНСКАЯ ОБЩИНА

В 1947 году (по другим данным, еще в 1945) молодой арабский пастух Мохаммед ад-Диб, ища свою пропавшую козу, обнаружил пещеру со спрятанными там древними рукописями. Кожаные свитки были помещены в большие глиняные сосуды. Находка разочаровала юношу, ибо козу он так и не нашёл, а древняя кожа почти ни на что не годилась. Но когда смутные сведения об этих рукописях распространились, многие ученые весьма взволновались. Район, в котором находилась пещера, местные арабы называли Вадикумран, а недалеко от тамошних пещер находились развалины каких-то древних строений, называемые Хирбет-Кумран. Все это было расположено недалеко от северо-восточного побережья Мертвого моря, в районе, где происходили многие интересные исторические события. Профессор Иерусалимского университета Э.Л. Сукеник сумел уже в конце 1947 года купить за 35 фунтов стерлингов (сумма для местных бедуинов того времени баснословная) три свитка, а еще четыре свитка за 50 фунтов приобрел настоятель сирийского монастыря Св. Марка Самуил Афанасий. Сукеник, будучи к тому времени одним из самых крупных специалистов в области библеистики, сразу определил время и содержание купленных им памятников. Он понял, что это — документы ессеической общины и что датируются они I в. до н. э. Сирийский монах, естественно, сам разобраться в своей покупке не смог и обратился к тому же Сукенику с соответствующей просьбой. В это время в Палестине уже шла война, и ученый и монах встретились ночью на нейтральной полосе в Иерусалиме. В таких условиях Сукеник определил, что показанные ему свитки относятся к той же общине и датируются тем же временем. Вскоре Сукеник начал публикацию своих фрагментов. После его смерти публикация продолжалась. Немногим позже американские ученые У. Броунни, Дж. Тревер и М. Баррроуз опубликовали те свитки, которые попали в США. Их публикация называлась «Рукописи Мертвого моря». И это название теперь принято в науке.

С течением времени число найденных рукописей росло. Археологи стали раскапывать Хирбет-Кумран, и их находки чрезвычайно обогатили знания о той общине, которая создавала найденные рукописи. Недалеко от этих развалин в этом же районе были раскопаны еще два поселения. Рукописи обнаружили не только в той пещере, которую открыл Мохаммед ад-Диб, но и в соседних. Находки рукописей (одна из них не на коже, а на меди) были сделаны и в других местах. Многие ученые в разных странах

стали заниматься этими интереснейшими памятниками. Родилась новая научная дисциплина — кумрановедение. Издается международный журнал *Revue de Qumran*. Несмотря на свое французское название и место издания — Франция, этот журнал международный. В нашей стране очень интересно и плодотворно кумрановедением занимались И.Д. Амузин, К.Б. Старкова, ученица Амусина М.М. Елизарова, чьи работы получили международную известность. К сожалению, в настоящее время в российской науке кумрановедение не представлено.

От древности до наших дней дошло очень мало подлинных рукописей. Основным писчим материалом того времени в средиземноморском мире был папирус, а он практически может сохраняться только в сухом климате Египта. Современные ученые располагают надписями на камне и металле (в основном бронзе) или на глиняных черепках, но на них не писали литературные тексты, в лучшем случае — отдельные цитаты. Иногда в Египте находят более или менее обширные папирусы с греческими текстами. Так, в конце XIX века был найден почти полный текст утраченного сочинения Аристотеля «Афинская политика». Но это — исключения. Те тексты античных авторов, которыми мы располагаем, — рукописи уже более позднего времени, когда средневековые монахи трудолюбиво переписывали те или иные произведения языческих времен, и ученым приходилось проделывать очень большую работу, чтобы очистить эти рукописи от позднейших наслоений. А тут в распоряжении науки оказалась целая библиотека, причем датируемая очень определенным и сравнительно коротким временем — между II в. до н. э. и I в. н. э. Уже одно это говорит о капитальном значении «рукописей Мертвого моря». Но не только это.

Среди кумранских рукописей большое место занимают тексты тех или иных книг Библии. Еще в 30-е годы XX века был опубликован небольшой папирус с отрывком из библейского текста. Но этот отрывок был так мал, что особого значения для истории текста Библии не имел. А самые ранние рукописи Библии (Ветхого Завета, и в дальнейшем, говоря о Библии, речь будет именно о Ветхом Завете), в том числе хранящаяся в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге, не древнее IX–X веков. Теперь же в распоряжение ученых попали библейские рукописи на 800 тысяч лет древнее. В науке всегда было известно, что библейский текст прошел долгую историю. Тщательное изучение дало возможность выявить основные направления его развития. И все же отсутствие ранних рукописей делало

многие выводы весьма гипотетичными. Теперь такие рукописи появились. Правда, в свитках Кумрана и других памятниках содержится далеко не вся Библия. Но и то, что есть, дает твердую научную основу для исследования этой Великой Книги. Важно еще одно обстоятельство. Долгое время существовали разные варианты текстов библейских книг. И даже само их число в разных местах и в разных слоях населения было разным. После катастрофического поражения антиримского восстания синедрион в городе Ямнии составил канон библейских книг, оставив остальные «отложенными», апокрифическими. Но на этом история библейского текста не закончилась. Он был окончательно закреплен только уже в VII–IX веках. И все имевшиеся до сих пор рукописи отражали именно этот текст.

Теперь же в распоряжении науки оказались тексты, предшествующие этой редакции. И они чрезвычайно интересны. Можно привести только один пример. Еще в III веке до н. э. был сделан перевод Библии на греческий язык, называемый Септуагинтой (переводом 70 толковников). Позже именно он стал основой христианского канонического текста и всех переводов Библии на современные языки, включая русский. И между текстами отдельных книг Септуагинты и канонической иудейской Библии порой встречаются довольно значительные различия, как, например, в книге пророка Иеремии. Найденный в Кумране текст этой книги совпадает не с более поздним иудейским каноном, а с Септуагинтой. Кроме того, среди «рукописей Мертвого моря» имеются фрагменты апокрифических книг, например, Книги Еноха, которая была известна в эфиопском, греческом и некоторых других вариантах, а теперь появился отрывок из нее и на языке оригинала.

Но и это еще далеко не все. Как уже говорилось, тексты относятся ко II в. до н. э. – I в. н. э. Следовательно, они в значительной степени предшествуют возникновению христианства и частично совпадают со временем его возникновения. Важно также то, что среда, в которой создавались кумранские тексты, близка той, в которой происходило становление христианства. Это позволяет гораздо лучше понять ту общественную атмосферу, в которой происходило становление этой религии, так изменившей идеологическую картину средиземноморско-европейского мира.

Уже при самом первом знакомстве с найденными рукописями была, как уже упоминалось, установлена их принадлежность к ессеям. Ессеи являлись одной из трех основных религиозных (или даже религиозно-политических) группировок в иудейском обществе того времени. Возникновение этой группировки относится, вероятно, именно ко II в. до н. э. В Иудее, находившейся под властью эллинистической династии Селевкидов (их государство часто называли Сирийским царством), вспыхнуло восстание, с которым Селевкиды справиться так и не смогли. Это восстание возглавил священнический род Хасмонеев, а первый военный руководитель борьбы Иуда был прозван Маккавеем (точнее Маккаби — Молот, отсюда и название известного современного израильского спортивного клуба), и по его имени часто весь этот род называют Маккаве-

ями. Сам Иуда Маккавей пал в битве, а его преемник и брат Ионатан стал первосвященником. И это поставило перед многими иудейскими ортодоксами серьезную проблему. Дело в том, что в течение многих веков эта должность всегда оставалась в роде Цадокидов, предок которых — Цадок — был первосвященником еще при царях Давиде и Соломоне. Теперь же пост первосвященника занял человек, не принадлежавший к Цадокидам и, может быть, даже не принадлежавший к потомкам брата Моисея Аарона, которым, как сообщает Библия, сам Бог вручил наследственное первосвященство. Во всяком случае, авторы Книг Маккавеев, весьма доброжелательно относящиеся к самим Маккавеям и всей семье Хасмонеев, об этом умалчивают. И ультраконсервативная группа иудеев решительно порвала с новой властью. Может быть, во главе ее встал кто-то из оставшихся Цадокидов. Эта группа восприняла совершившийся политический акт как измену самим основам иудейской религии и, не имея возможности защищать свои взгляды в городах и деревнях Иудеи, порвала связи с существующим иудейским обществом и создала свои общины в пустынных и ранее не заселенных частях страны, в том числе около Мертвого моря, положив начало движению ессеев, или эссенов, и их общинам, в том числе Кумранской, хотя само поселение в Кумране могло быть основано и несколько позже. Разрыв с официальным иудейским обществом усилился еще больше, когда в конце II в. до н. э. Аристобул, сохраняя сан первосвященника, еще провозгласил себя и царем. Сосредоточение в одних руках двух постов — царя и первосвященника — резко противоречило библейским установлениям. К тому же, к этому времени в народной памяти фигуры Давида и Соломона стали образцами идеальных монархов, а их государство — царством справедливости, так что и земным правителем нового Израиля, и будущим Спасителем, Мессией, мог быть только член рода Давида. И ессеи, обвинив официальное иудейство в измене Договору с Богом, Завету, объявили о заключении ими нового Договора, Нового Завета. И самым явным знаком разрыва явилось создание ессеями, в частности кумранитами, собственного календаря, в результате чего даже праздники они справляли в другие дни, чем остальные иудеи. Оказавшись в итоге отрезанными от храмовой службы, они были вынуждены создавать свой ритуал, свои формы почитания Бога и даже свои моральные нормы. В частности, ессеи отказались от жертвоприношений. И они выдвинули положение, что дух святости важнее жертвы. Правда, для будущего, когда «истинный Израиль» восторжествует, возобновление жертвоприношений не исключено.

Ессеи, в том числе кумраниты, не только переписывали библейские книги, в том числе апокрифические, но и создавали свои собственные произведения, в которых отражалась идеология их движения. Это были и комментарии тех или иных книг Библии, которые, естественно, толковались в новом духе, и совершенно самостоятельные сочинения. Эти произведения позволяют представить основные черты идеологии кумранитов.

Как уже говорилось, ессеи, в том числе и кумраниты, резко порвали с официальным иудаизмом. Только себя они называли «истинным Израилем», сохранившим первоначальное учение в его неискаженной чистоте. И целью своей деятельности они объявляли возвращение к Учению Моисея, которое затем (по-видимому, после искажения) было восстановлено первосвященником Цадоком и в третий раз возведено Учителем Праведности. Эти три фигуры — Моисей, Цадок и Учитель Праведности — были тремя главными авторитетами общины. Уже одно это противопоставляло их существующему иудейскому обществу. Но этим резкие расхождения с основной массой иудейства не ограничивались.

Для идеологии кумранской общины был характерен дуализм, т. е. резкое противопоставление двух начал в мире — добра и зла, света и тьмы, истины и лжи. Такие представления не были свойственны иудейской религии, и возможно, что в этом проявилось влияние иранской религии, характерной чертой которой был именно дуализм. Правда, некоторые ученые полагают, что, наоборот, иранцы восприняли иудейское влияние, но это совершенно невероятно. Впрочем, нельзя исключить, что дуалистические представления могли возникнуть у ессеев самостоятельно. Итак, весь мир, небесный и земной, является ареной борьбы двух начал, существующих с возникновения вселенной. В небесной сфере — это вечное сосуществование и не менее вечная борьба ангелов света во главе с Михаилом и ангелов тьмы во главе с Велиалом. А на земле им соответствуют «сыны света» и «сыны тьмы». Мир между ними невозможен. Каждый, кто принадлежит к «сынам света», должен любить и всех остальных «сынов света» и ненавидеть «сынов тьмы». Существуют, вернее, по-видимому, существовали, и конкретные персоны, воплощавшие основные черты обоих лагерей и резко противопоставленные друг другу — Учитель Праведности и Нечестивый жрец. Утверждая этот дуализм, кумраниты в то же время (и этим они резко отличались от иранцев) не рвали с иудейским единобожием, ибо были уверены, что оба мира были сотворены единым Богом.

Но если существуют два враждебных друг другу мира, то возникает вопрос: почему они существуют, почему одни люди принадлежат к миру света, а другие к миру тьмы? Ответом на это являлась уверенность кумранитов в наличии Божественного предопределения, ибо сам Бог определил путь правды и путь лжи, поставив каждого человека на тот или другой путь. И «сыны света» уже издревле были определены для внесения в этот мир света Божественной истины. Это представление, однако, сочеталось с принятием свободы воли, которая делает самого человека ответственным за его поступки. Конечно, эти два представления противоречат друг другу, и найти какой-либо разумный выход из этого противоречия кумраниты не могли. Они просто принимали оба постулата, относя решение их противоположности в иррациональную сферу Божьего соизволения.

Хотя два мира существуют изначально, так будет не вечно. В конце концов оба мира сойдутся в решительной схватке. Один из найденных текстов подробно рассказы-

вает о последней войне между «сынами света» и «сынами тьмы». Говорится, что сначала силы врагов одолеют, и «истинному Израилю» придется плохо, но затем с помощью Бога «сыны света» восстановят свои силы и в конечном итоге одержат полную победу. И тогда все враги Бога будут уничтожены, и в новом мире, в котором восторжествует свет, будут отныне жить только его сыны. А возглавит эту последнюю войну Божий помазанник — Мессия. Сначала кумраниты верили, что придет несколько Мессий, но постепенно разные фигуры слились в одну. Это будет Божественный Спаситель, ставший царем в царстве света. А спасутся при этом те, кто верит в Учителя Праведности.

Учитель Праведности — это, вероятнее всего, основатель общины или один из ее основателей. О нем говорилось, что он происходил из жреческого рода, причем именно из Цадокидов. И истину, им проповедуемую, он получил непосредственно из уст Бога, как когда-то Моисей. Вообще-то сама община возникла, может быть, и раньше, ибо до появления Учителя Праведности ее члены бродили, как слепцы, и только с его появлением они обрели истину. Но на этом неприятности поверивших в истину не окончились, ибо вскоре против Учителя Праведности выступил Человек лжи, сумевший увлечь за собой часть общинников. Впрочем, этот раскол был преодолен, но появилась новая опасность. Против Учителя Праведности восстал Нечестивый жрец. Обладая властью, он преследовал Учителя Праведности и даже заставил его бежать. В известных в настоящее время текстах пока не найдено никаких точных указаний на дальнейшую судьбу Учителя, в том числе и на его смерть. Но можно думать, что он все же погиб от рук Нечестивого жреца и воскреснет в конце времен, снова явившись к тем, кто остался ему верным. Под зашифрованными названиями «Учитель Праведности» и «Нечестивый жрец», вероятно, подразумеваются какие-то конкретные исторические персонажи, но все попытки исследователей их определить до сих пор тщетны.

Эти положения были, видимо, свойственны всем ессейским общинам. Таких общин было относительно много. Чем тяжелее становились времена, тем больше людей пыталось найти выход хотя бы в разрыве с этим грешным миром. Ессейские и близкие к ним общины существовали не только в Иудейской пустыне, но и за пределами Палестины. Так, в Египте имелаась община «терапевтов», очень близкая к ессеям (а, может быть, просто одна из разновидностей ессейских общин). И хотя все эти общины имели много общих черт, существовали и различия между ними. Так, в Кумране существовала полная общность имущества и не признавалась никакая семейная связь. В то же время в некоторых текстах отражено другое положение: сохранение вступавшими в общину какой-то части имущества и наличие отдельных семей. Существовали некоторые различия во внутренней структуре разных общин.

Все ессейские общины были резко отделены от остального мира и замкнуты в себе. Ученые даже говорят о конспиративности этих общин. Их члены не могли даже под пыткой разглашать тайны общины и ее учения. Это

было характерно и для кумранитов. Существовали ли самоназвания каждой отдельной общины, неясно. Имеющиеся в кумранских текстах названия этой общины, скорее, самоопределения ее сущности. Кумраниты называли свою общину «Новым Заветом», «общиной Бога», «общиной нищих». Себя они именовали «протестантами», «нищими духом» и т. п. Все это должно было определять их противоположность миру, оставленному за пределами общины.

Имущественное равенство, существовавшее в общине, не означало полного равенства. В общине существовала очень строгая иерархия. Все делились на группы: жрецы, старейшины и прочие, к которым прибавлялись и вновь вступившие. На собраниях, во время трапезы и при других сборищах общинники располагались в соответствии с их рангом. И было предписано, чтобы меньший слушал большего. Перед каждой трапезой жрец творил молитву. Члены общины делились на десятки, которые и занимались всей практической жизнью общины. Ее высшим органом считалось собрание, которое, в частности, выступало и в качестве суда. Текущими делами занимался Совет 15-ти, который, по-видимому, олицетворял 12 колен Израилевых и 3 жреческих рода. Существовали специальные люди, контролирующие поведение вновь вступивших в общину. Как и всякая более или менее замкнутая организация, община «Нового Завета» принимала в свои ряды не всех, а только тех, кто, по мнению ее членов, доказал свое право на принадлежность к ней. Поэтому вновь вступившие в течение некоторого времени испытывались, и вся их жизнь строго контролировалась. Только после определенного срока и соответствующего испытания новичков принимали в полноправные члены. При этом они давали торжественную клятву не только соблюдать все правила общины, но и ни при каких обстоятельствах не разглашать ее тайны. Но и

став равноправным общинником, человек не был представлен самому себе. Вся его жизнь в общине и вся его деятельность, в том числе и трудовая, строго регламентировалась, и за малейшие проступки человек подлежал наказанию. Самым строгим было полное отлучение и изгнание из общины. Одним из самых страшных проступков являлось разглашение учения.

Многие положения, отразившиеся в кумранских текстах, подобны положениям раннего христианства. Это не удивительно, ибо все это создавалось в одной среде. Но в то же время между учением кумранитов и христианством существует принципиальная разница. Можно говорить о противоположном подходе к распространению своего учения христианами и кумранитами. Если кумраниты стремились сохранить свои постулаты в тайне, открывая их только посвященным, то христиане, наоборот, желали распространить свои истины как можно шире. Нагорная проповедь невозможна для кумранитов. Можно говорить и о других различиях, которые прекрасно сознавали современники. После открытия «рукописей Мертвого моря» стали ясны многочисленные следы полемики с ессеями в Евангелиях. Но самое главное заключается в том, что ессеи, включая кумранитов, полагали, что Мессия еще только придет в конце времен, в то время как для христиан с самого начала было ясно, что Он уже пришел. Хотя между Учителем Праведности и Иисусом имеются определенные черты сходства, это все-таки для их последователей — две принципиально различные фигуры.

Кумранские тексты, как уже говорилось, проливают свет на духовную атмосферу, в которой рождалось христианство. Они не подменяют Евангелия и другие раннехристианские тексты, но позволяют включить их в более широкий историко-культурный контекст.

ТАЙНА НАЗВАНИЯ СЕЛА МАРЁВО

На юго-западе Новгородской области на одном из притоков реки Полы лежит большое старинное село Марёво — центр Марёвского района. История Марёва, издревле являвшегося крупным волостным центром, нашла отражение в средневековой письменности: летописях, писцовых книгах, деловых актах и грамотах. В древнерусских и старорусских памятниках письменности поселение отмечается под несколькими вариантными названиями, различными по хронологии: *Морева, Морова, Морева-Руса, Руса-Морева, Морево-Успенское, Морево, Марёво*. Все приведенные топонимические варианты находят свои объяснения. Хронологически самым ранним и в средневековую эпоху наиболее распространенным является вариант *Морева*. Именно под этим названием поселение в верховьях Полы впервые упоминается под 1229 г. в новгородской летописи: «Тои же зимѣ придоша Литва и воеваша Любне и *Мореву* и Серегерь, и гонишася по нихъ новгородци, и угонивше ихъ, и биша, а полонѣ отяшя всѣ, мѣсяця генвря»¹. Указанные в летописи Любня, Морева и Серегерь (поселения и соотносимые с ними волости) находились на южных рубежах средневековой Новгородской республики по соседству со Смоленским и Полоцким княжествами. После захвата литовцами северных земель Смоленского княжества южная граница Новгородской земли стала новгородско-литовской, а приграничные новгородские поселения и волости, в том числе и Морева, вынуждены были испытывать опасное соседство литовского государства. Воздействие Литвы отражалось, в частности, не только в набегах литовских отрядов в южные новгородские владения, но и в приобретении некоторыми волостями особого статуса, закрепленного в договорах («докончаниях») Новгорода с литовскими великими князьями в 1431, 1440–1447 и 1470–1471 годах². Особый статус приграничных территорий заключался в том, что смежные волости Морева, Молвятицы, Кунско, Стерж, Жабно, Березовец, Буйцы, Лопастыцы и некоторые другие, оставаясь в составе Новгородской республики, в XV веке платили определенную договорами часть доходов (так называемую «черную куну») в литовскую великокняжескую казну. Так, волость Морева должна была выплачивать литовскому великому князю, а также тиуну (сборщику доходов) налоги в объеме «сорокъ кунѣ да восьмьдесятъ бѣль, а петровщины рубль, а в осенинѣ полрубля»³. Возможно, как раз из-за такого двойственного положения Морева данное поселение дважды упоминается в одной из редакций известного списка «А се имена градомъ всѣмъ Русскимъ, далнимъ и ближнимъ»

в Воскресенской летописи⁴. В летописном списке мы находим упоминание Морева не только среди градов Залеских, т. е. собственно русских («низовских», новгородских и псковских), но и среди градов Литовских, принадлежавших Литве, и, по-видимому, речь идет здесь об одном и том же населенном пункте.

После падения Новгорода и подчинения его Москве поселение Морева вместе с волостью было передано в 1482 г. во владение князю Федору Ивановичу Бельскому, который «прибежал из Литвы к великому князю Ивану Васильевичу от короля Казимира..., а жены с собою не успел взять; и князь великий его пожаловал, дал ему город Демон в вотчину да Мореву со многими волостми»⁵. В конце XV столетия, согласно Переписной оброчной книге Деревской пятины, составленной около 1495 г., в Моревской волости числится 159 деревень: «И по старому письму в Мореве деревень и с теми, которые были за княжими слугами, пол-209»⁶. Поселение Морева по-прежнему оставалось укрепленным приграничным городком, но уже в составе Московского великого княжества. Отчисление доходов в Литву окончательно прекратилось к началу следующего века. В дальнейшем, благодаря отвоеванию части земель у литовцев и расширению границы на запад, Морева теряет значение приграничного форпоста и превращается в торгово-промышленное село (рядок).

Существуют разные истолкования топонима *Морева*, употребительного в средневековье и преобразовавшегося в современное название села *Марёво*. Тем не менее, общепризнанной либо достаточно убедительной версии пока не было. Некоторые существующие объяснения весьма поверхностны, основаны на простом созвучии слов: например, выведение имени *Марёво* из слов *марь, марево*, указывающих на туман, дымку, непрозрачность воздуха, — относится к области распространенных топонимических легенд. Столь же безосновательно вести происхождение топонима *Морева* (*Марёво*) от «моравов» — наименования жителей средневекового славянского государства Моравия, которое в VIII–IX веках располагалось на территории современной Чехии, Словакии, частично Польши и Германии. О возможном пребывании неких моравов (мораван) в верховьях Полы абсолютно ничего не известно, и привлечение созвучных летописных топонимов *Морева, Моравшин, Моравын*, как это делает П.М. Золин,⁷ ровным счетом ничего не проясняет. Кстати говоря, название *Морева* следует отделять от названия населенного пункта *Моравшин* (*Моравын*) — последнее соотносится с селением

Муравейка на Ловати, в 12 км ниже города Холма⁸, и не связано с топонимом *Морева* не только общей территорией, но даже родством корня.

Согласно другой этнонимической трактовке, название *Морева* идет от наименования древней прибалтийско-финской этнической группы, отмеченной в русской письменности как *норова*, *нерева* или *морева*⁹. В данной версии топоним *Морева* указывает на южную периферию распространения этого племени, следы которого, возможно, отражены в целом ряде названий в бассейнах рек Великой, Луги и Мсты, озера Чудского: р. *Нарва* (*Норова*, *Нерова*, *Нарова*), оз. *Нарова*, *Норовец*, *Мерево*, дер. *Неревицы*, *Моровино*, *Мерево*, сюда же *Неревский* конец Новгорода. Вряд ли, однако, все перечисленные названия обязаны своим происхождением одному и тому же этнониму. По крайней мере сводить возникновение *Морева* к древнему этническому наименованию весьма гадательно, особенно в условиях, когда отсутствуют достоверные историко-археологические сведения о соответствующем этносе. Не известны определенно ни эпоха, ни территория его существования.

Наконец, название *Морева* выводят из антропонима *Море* — неофициально-уменьшительной формы личного имени типа польск. *Morzyślaw*¹⁰. Для обоснования данной версии привлекаются некоторые персонажи русской истории, носившие соответствующие имена и фамилии: Полуект Васильевич *Море* Глебов-Сорокоумов (1443 г.), Илья Петрович *Морев* (1530 г.) и другие. Однако личные имена *Море*, *Морев* зафиксированы в письменности довольно поздно, в XV–XVI веках, и насколько они были употребительны в более ранний период, когда появилось поселение *Морева*, еще предстоит выяснить. Вместе с тем антропонимическое объяснение опирается лишь на одну форму топонима, внешне притяжательную (как, впрочем, и все другие объяснения), но есть еще особый вариант названия, вовсе не соответствующий структуре притяжательных имен.

Речь идет о варианте *Морея*, который ранее других засвидетельствован письменностью и имеет, как выяснилось, прямое отношение к поселению и к волости *Морева*. Название *Морея* зафиксировано в форме родительного падежа единственного числа («*МореѦ*») в Грамоте великого князя Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю на Терпужский погост Ляховичи (2-я четверть XII века): «...отъ *МореѦ* съ върхъ ГлистьнѦ на върхъ РобѦи Ильмны»¹¹. Цитируемый документ в цельном виде содержит большое количество топонимов, указывающих на границу пожалованного Юрьеву монастырю земельного участка на средней Ловати. По приведенным в грамоте названиям В.Л. Янин постарался точно локализовать местоположение этой монастырской волости¹². В том, что касается имени *Морея*, исследователь полагает, что оно «несомненно отождествляется с Усть-Маревским десятком волости Морева, граничившим именно здесь с Юрьевскими владениями»¹³. Действительно, верховья речки *Глистьны* (современная *Блисна*) очень близко подходят к северной окраине бывшей Моревской волости, сейчас здесь находится деревня *Усть-Марёво*. Нет сомнений и в том, что созвучные имена *Морея* и известное по более поздним источникам *Морева* —

это варианты одного топонима, и, следовательно, в аспекте происхождения они должны рассматриваться вместе.

Каков статус варианта *Морея* и как он соотносится с употребительным в летописях вариантом *Морева*? Если *Морея* — название волости или даже одного волостного десятка, то очевидно, что в этом качестве оно не является первичным — ведь волости именовались по своим главным поселениям, волостным центрам. Более того, в эпоху средневековья на значительном количестве фактов прослеживается тенденция к тождеству топонимической номинации даже не двух, а трех смежных объектов: волости, главного поселения (волостного центра) и реки, на которой расположен волостной центр. При этом в триаде общих имен, различавшихся лишь своими объектами (волость — поселение — река), всегда первичным, исходным именем выступает то, которое связано с водоемом (гидроним); остальные же имена закрепляются в результате переносов по смежности. Приведем некоторые примеры. На реке *Луга* стоит город *Луга* и существовала в средневековье волость *Луга*, отличная от Водской земли¹⁴; на реке *Русе* (*Руссе*) возник город *Русса* (*Старая Русса*) и отмечена в XV столетии особая территория *Русса*, подчиненная городу¹⁵; на р. *Сижке*, правом притоке Волги, недалеко от Ржева стоял некогда город *Сижска*, бывший центром одноименной волости; при устье реки *Туд*, правого притока Волги, в 36 км выше Ржева локализуется древний город *Туд*, а по течению реки лежала средневековая волость *Туд*¹⁶. Перечень подобных топонимических соответствий можно продолжать и далее, в целом они весьма характерны для древненовгородских и сопредельных с ними земель. Имеются веские подтверждения тому, что древнее имя *Морея* тоже вписывалось в указанную ономастическую ситуацию и имело некогда троякую денотативную соотносительность, будучи связанным и с территорией, и с центральным поселением, и с рекой. В таком случае первоначально *Морея* — это гидроним, речное имя, перенесенное далее на приречное поселение и смежную территорию.

Действительно, Морейская (позднее Моревская) волость являлась приречной территорией: она охватывала главным образом бассейн одного из притоков Поли — реки, которая называется сейчас *Марёвка*, а в древности, исходя из логики нашего рассуждения, носила соответственно имя *Морея*. По реке Морее и ее притокам располагалось большинство деревень, многие центры волостных десятков, именно вдоль реки проходил основной сухопутный путь, обеспечивавший коммуникацию между главными населенными пунктами волости, наконец, как раз на реке находился центр волости, известный позднее под названием *Морева* (*Марёво*). Учитывая тождество имен, следует исходить из того, что волостной центр был назван по реке *Морея* в результате переноса названия по смежности и, следовательно, первоначально назывался точно так же, как река, — именем *Морея*, позднее трансформированным в *Морева*.

Но главное, что наталкивает на мысль о первичности *Морея* в качестве названия реки (а не волости и не поселения) является сугубо гидронимный облик данной формы. Это, пожалуй, основной аргумент, с которым нельзя не

считаться при реконструкции соответствующей топонимической триады. В научной литературе на большом фактическом материале было отмечено, что группа имен с исходом на *-ея* является «в высшей степени гидронимичной»¹⁷, с суффиксом *-ея* образуются только гидронимы, а не названия поселений, территорий и прочих объектов. Следовательно, при ретроспективном анализе исходную летописную форму *Морея* (*Мор-ея*) необходимо этимологизировать как гидроним, тогда как все последующие преобразования этого имени связаны с его собственно топонимическим использованием — в качестве названия населенного пункта.

В связи со сказанным выше хотелось бы уточнить значение имени *Морея* в тексте Грамоты XII века на Терпужский погост Ляховичи. По всей вероятности, *Морея* указывает здесь не столько на *Усть-Маревский* десяток волости *Морева*, как полагает В.Л.Янин¹⁸, сколько на речку, приток Полы, носящий сейчас название *Марёвка*. Это вытекает из логики описания границ средневековой волости на Ловати. Все приведенные в грамоте многочисленные названия, определяющие пограничную межу пожалованного Юрьеву монастырю земельного участка, являются физико-географическими ориентирами, связанными с реками и ручьями, и только название *Морея*, если видеть в нем наименование волости, выглядит на таком фоне единственным исключением. На самом деле и здесь пограничная межа, согласно единому принципу, определяется по отношению к водному объекту. Поэтому предположительно-падежную форму «отъ *Мореѣ*» в грамоте правильнее понимать так: от реки Мореи, или, точнее, от устья реки Мореи; от того места, где река Морея (нынешняя *Марёвка*) впадает в Полу.

Обратимся далее к рассмотрению тех трансформаций, которые испытало имя *Морея*, взятое нами за исходный вариант и действительно зафиксированное ранее других — в 30-х годах XII столетия, — но до настоящего времени не сохранившееся. Представляется, что в первой половине XII столетия на месте современного *Марёва* уже существовало укрепленное поселение, являвшееся уже тогда центром обособленной территории (волости) в бассейне реки Мореи; причем и поселение и волость были названы по реке. Недалеко от *Марёва*, в устье реки *Мореи* (*Марёвки*), расположено старинное селение *Усть-Марёво*, а в истоках той же реки стоит деревня *Верх-Марёво*, и столь тесное сочетание отмеченных топонимов лишний раз укрепляет нас в мысли о происхождении их от соответствующего гидронима. Возможно, в первой половине XII столетия (в период фиксации гидронима *Морея*) поселение на месте современного *Марёво* еще носило имя, идентичное гидрониму, — *Морея*, перенесенное со смежной реки, хотя с равной долей вероятности допустимо предполагать, что поселение уже называлось именем *Морева*, преобразованным из бывшего *Морея*, и, соответственно, названия поселения и реки в тот период уже различались. Как бы то ни было, трансформация *Морея* в *Морева* произошла до 1229 года: начиная с этого времени в древнерусских документах встречаем лишь последнюю форму.

Указанные топонимические варианты различались незначительно — разными согласными звуками в одной фо-

нетической позиции. По всей видимости, основной причиной трансформации *Морея* в *Морева* явилось «давление» продуктивной топонимической модели на *-ова, -ева*. Потерявший мотивированность топоним *Морея* был переосмыслен в ряду распространенных форм с суффиксами *-ов-/-ев-* и приобрел стереотипное притяжательное оформление, характерное именно для названий поселений (*Морева* по типу, например, *Гвоздева, Лаптева, Стайкова, Онтонова* и многих других названий соседних деревень и сел той же Моревской волости).

Вариант *Морева* в дальнейшем тоже испытал некоторые преобразования, которые были обусловлены общими фонетическими процессами, развившимися в великорусском (старорусском) языке, такими как переход звука [е] в звук [о] перед твердым согласным и редукция безударных гласных. Известно, что результаты данных фонетических изменений вообще скупо и непоследовательно отражаются в средневековой русской письменности. Очевидно, поэтому на протяжении длительного времени мы встречаем в древних документах лишь написание *Морева*, которое начиная с XV века уже явно не соответствовало произношению топонима в народной речи. Во-первых, в связи с развитием в русских говорах перехода *е>о* произношение *Морева* [*Мор'ева*] заменилось на *Морёва* [*Мор'ова*], о чем ярко свидетельствует написание *Морова* в Договорной грамоте 1431 года литовского великого князя Свидригайла с Великим Новгородом: «...а петровщинъ рубл[ъ; в] *Морове* сорокъ»¹⁹. В квадратные скобки нами помещен участок текста, утраченный в грамоте, но восстановленный на основе сравнения с тождественной фразой из Договора 1440–1447 гг. литовского князя Казимира с Великим Новгородом о мире: «а петровщинъ рубль; в *Моревѣ* сорокъ куничъ да два сорока бѣль»²⁰. Пытаясь отразить звук [о] в новом, развившемся недавно произношении имени *Морева* как [*Мор'ова*], писец в грамоте 1431 года обозначил звук [о] на месте прежнего [е] буквой «о» (поскольку буквы «ѣ» еще не было в азбуке). Однако в написаниях подобного типа, особенно часто встречающихся в новгородских берестяных грамотах (ср. от *Потра*, №53; между *нобамъ* и землею, №10; к *нѣму*, №10; от *ного*, №370 и т.д.²¹), сильно искажался орфографический облик слова, поскольку терялось важное указание на мягкость предшествующего согласного звука (к примеру, запись *Морова* люди, не знакомые с произношением соответствующего топонима, могли бы прочесть не только как [*Мор'ова*], но и неправильно — как [*Морова*]). Поэтому подобные написания, возникшие как орфографическая реакция на начало перехода *е>о*, не удержались в русском языке и писцы по-прежнему продолжали ставить букву «е» на месте звука [о] (< [е]). Недаром название *Марево* до сих пор часто пишут по-старому — с буквой «е» (пренебрегая даже новой буквой «ѣ», появившейся в XVIII веке и позволяющей адекватно отразить произношение). Но сам факт отражения формы *Морова* в грамоте 1431 года указывает на то, что топоним пережил фонетическое изменение *е>о* в первой половине XV века или, скорее всего, даже раньше: в XIV веке, сразу после утраты редуцированных гласных на Северо-Западе.

Во-вторых, имя *Морева* испытало изменение в рамках

широкого процесса редукции безударных гласных — так называемого «аканья». «Аканье» как отражение безударных [о, а] после твердых согласных в виде [а] пришло с юга и юго-запада в народные говоры Приселигерья и Средней Ловати сравнительно поздно — в XVI–XVII веках. Следовательно, уже с этого времени имя *Морева* в устах местных жителей звучало как [Мар'ова] (вместо прежнего [Мор'ова]). Лишь значительно позднее, примерно в XIX столетии, «акающее» произношение топонима прочно закрепилось в его написании, и сегодня мы видим письменную форму только с буквой «а» в первом слоге: *Марёво*.

В-третьих, в топониме *Морева* было унифицировано окончание, что вылилось в замену конечной буквы «а» буквой «о»: стали писать *Морево* или *Марево*. В старинных рукописных и картографических материалах топонимы, содержащие притяжательные суффиксы *-ин-, -ов-, -ев-*, писались с различными окончаниями обычно в зависимости от грамматического рода терминов, согласуемых с этими топонимами: если имелись в виду слова *волость* или *деревня* грамматически женского рода, то писали окончание *-а* (д. *Грихнова*, д. *Гвоздева*, вол. *Моисеева*); если же топоним согласовался с термином *село* среднего рода, то нередко писали окончание *-о* (с. *Голино*, с. *Рамушево*). Но уже в течение XIX века все более прочные позиции завоевывает унифицированное окончание *-о*, безразличное к роду определяемого слова. К исходу позапрошлого столетия названия сельских поселений, содержащие притяжательные суффиксы *-ов-, -ев-, -ин-*, почти повсеместно оканчивались на *-ово, -ево, -ино*. В этом факте видится одно из проявлений государственной бюрократизации топонимической номенклатуры, своеобразная паспортизация названий сельских населенных пунктов, которая скорее произошла в канцелярско-деловой письменности, нежели в народно-диалектной речи. Например, марёвцы произносят топоним *Марёво* как [Мар'ова], сохраняя прежний фонетический исход на [а].

Помимо топонима *Морева*, новгородские писцовые книги упоминают также составные наименования населенного пункта в верховьях Полы — «Рядок в Русе *Моревъ*» или «Рядок *Морева Руса*»². По-видимому, рядок *Руса-Морева*, или *Морева-Руса*, отмеченный в XVI веке, отождествляется как раз с современным Марёвом. Этот необычный топоним сложился в результате переноса названия города *Руса* (сейчас *Старая Русса*) в Южном Приильменье на селение *Морева*; при этом не было утрачено прежнее название, а произошло своеобразное скрещивание двух разных имен. Перенос названия города *Руса* объясняли по-разному. А.Н. Насонов видел в появлении составного топонима *Руса-Морева (Морева-Руса)* признак того, что в определенную эпоху власть города Русы и подчиненной ему территории распространялась и на территорию Моревской волости³. Однако несомненно прав И.Н. Вязинин, новгородский краевед и историк, полагающий, что включение имени города *Руса* в данное наименование обусловлено обнаружением соленых источников в верховьях Полы: «Успешно закончились поиски (соленых источников — **В.В.**) и к юго-востоку в районе Марёво, от чего последняя стала называться *Руса-Марёво*, а на р. Поле возникла вторая Новая Руса»⁴.

Хорошо известно, что город *Руса* являлся одним из центров добычи соли. Название его — *Руса* — прочно ассоциировалось с понятием «соль», отчего и соляной промысел нередко именовали «*русским*» промыслом. После того как вблизи Моревы нашли соленные источники и развили соляное производство, к старому названию прикрепились перенесенное название *Руса*. Таким образом, составное *Руса-Морева (Морева-Руса)* сигнализировало скорее не о подчинении села и волости Моревы городу Русе, а о превращении Моревы в новый центр соляного, «*русского*» промысла. Однако позднее добыча соли на р. Поле пришла в упадок, и в составном наименовании утратился компонент *Руса*: населенный пункт вновь стал именоваться *Морева*.

Моревская волость в XIX веке стала называться *Моисеевской* — по названию ближайшей к селу деревни *Моисеево*, хотя волостная администрация располагалась в селе *Морево-Успенское*, или, как еще его называли, *Ново-Успенское*; рядом лежал *Морево-Успенский* погост, в котором находилась приходская церковь. На другом берегу реки Морёвки (Марёвки) находился погост *Морево*, именовавшийся еще *Знаменским*. В приведенных названиях близлежащих погостов и села отразились наименования древней, известной с конца XV века церкви *Успения*, а также *Знаменской* церкви. Позднее указанные населенные пункты и несколько близлежащих деревень слились в одно целое, образовав современный районный центр Марёво.

Мы рассмотрели выше отмеченные письменностью основные варианты названия села, поставив во главу угла гидроним *Морея (Мор-ея)* — хронологически самую раннюю форму XII века; обратимся далее к расшифровке самой этой формы. Попытки этимологически обосновать гидронимическую основу *мор-* (< **mor-*), имеющую широкие индоевропейские соответствия в апеллятивной и ономастической лексике, неоднократно имели место. В нашем конкретном случае, полагаем, отражена та же основа, что и в индоевропейск. **mori*, **praslavjansk. mor'e*, русск. *море*. Еще в индоевропейскую эпоху существовали два разных значения у соответствующего корня — 'море' и 'стоячая вода, болото, озеро', причем это, второе значение большинство исследователей считают первоначальным (оно сохранилось, в частности, в современных германских и славянских языках и диалектах), а значение 'море' — вторичным, производным, возникшим после знакомства наших предков с открытым морем⁵. Слово *море* в архаическом значении 'озеро' особенно хорошо сохранилось в славянских диалектах; ср. в сербских говорах *моро* — 'озеро', также в древнерусском языке *морем* обозначали не только 'море', но и 'озеро', *морем* в русских диалектах называли Онежское, Чудское озера (добавим: и озеро Ильмень когда-то называли *Русским морем*), в русских говорах Урала *море* означает 'место с чистой водой в заросших камышом озерах', в белорусских говорах *морэ* — 'залитый водой луг', у словаков известно словосочетание *morske oko* в значении 'небольшое горное озеро' (буквально 'озерный глаз'); ср. также поговорку *на то и щука в море, чтобы карась не дремал* (так как щука и карась — пресноводные рыбы, то *море* здесь, очевидно, означает 'озеро') и другие примеры из Этимологического словаря славянских языков⁶. Пер-

вичный смысл 'озеро' или же 'зарастающее озеро, заболоченное озеро' мы реконструируем и в нашем гидрониме *Морея*, который в таком случае истолковывается как «Озерная река».

Два существенных обстоятельства однозначно подтверждают истинность предложенной нами расшифровки гидронима. Первое из них — безусловная смысловая взаимосвязь соседних гидронимов. Река *Морея* (современная Марёвка) имеет в качестве главного притока речку *Озерешня*, 30 км длиной, «прозрачное» название которой раскрывается с тем же смыслом, что и *Морея*: *Озерешня* буквально «Озерная река». Отсюда все основания полагать, что название речки *Озерешня*, притока *Мореи* (Марёвки), является не чем иным, как переводом на современный, «понятный» язык древнего «непонятного» гидронима *Морея*. Перед нами классический образец так называемого метонимического калькирования гидронимов — перевода иноязычного названия реки на родной язык или диалект с последующим переносом переведенного названия на близлежащую смежную реку (озеро). Все это указывает на то, что бассейн реки Марёвки когда-то осваивался по крайней мере двумя разноэтническими группами древнего населения — носителями различных, но тем не менее родственных языков или диалектов. Сначала здесь появилось население, назвавшее реку древнейшим именем *Морея*. Данное имя могли оставить даже сами славяне, вернее, некая славянская племенная группа со своим особым диалектом, которая раньше других славянских групп поселилась в здешних местах. Но скорее всего народ, оставивший имя *Морея*, следует отнести к древним балтам. Рядом исследователей уже основательно доказано, что языковые предки современных литовцев (и в меньшей степени латышей) появились в бассейне Ловати и Полы раньше славян. Позднее сюда пришло родственное балтам собственно славянское население, для которого балтское название *Морея* было хотя и понятным, но все-таки чужим: его перевели на свой диалект и закрепили за близлежащим водоемом. Однако переноса переведенного названия на другую реку могло и не быть, если река, именуемая сейчас *Озерешней*, в понимании древних людей считалась не притоком главной реки *Мореи* (это сегодня, с точки зрения современной гидрографии, она воспринимается как приток), а ее непосредственным продолжением. При подобном восприятии гидрографической сети следует исходить из того, что одна и та же река называлась различно на разных участках своего русла: нижнее течение реки одна группа населения называла *Морея*, тогда как пришедшая позднее другая группа населения, поселившаяся в верховьях той же реки, усвоила от предшественников исконное название *Морея*, но перевела его на свой родной диалект, — *Озерешня*.

Второе существенное обстоятельство, подтверждающее истинность трактовки *Мореи* как «Озерной реки», определяется географическим фактором: и *Морея* (Марёвка), и *Озерешня* действительно являются озерными реками, поскольку начинаются из озер. В данном случае естественно-географический ландшафт смежных рек четко соответствует их семантически однотипным названиям.

Как представляется, по общиндоевропейскому корню

наш гидроним *Морея* родственен названию левого притока Дуная в Чехии — гидрониму *Морава*, который обычно связывают с илирийск. *marus* 'болото', германск. 'болотная река'²⁷, т. е. с корнями, возводимыми, как и в случае с формой *Морея*, к индоевропейск. *mor-* 'озеро; болото'. Известно, что река *Морава* в свою очередь дала наименование славянскому племени *моравы* и государству *Моравия*. Поэтому в названии села *Марёво* все-таки имеется какая-то связь с «моравами», но не прямо обусловленная, какой видит ее П.М. Золин²⁸, а весьма далекая, опосредованная отдаленно родственными по корню гидронимами, оставленными к тому же совершенно разными древними народами индоевропейской языковой семьи.

Изложим теперь вкратце *ab ovo usque ad mala*²⁹ схему возникновения современного названия села *Марёво* и реки *Марёвки*. Зафиксированный письменностью гидроним *Морея*, раскрытый нами как «Озерная река», обусловил, благодаря переносу по смежности, название населенного пункта, которое затем пережило несколько стадий последовательных изменений: р. *Морея* ® н. п. *Морея* > *Морева* > *Морёва* > *Марёва* > *Марёво*. Сам исконный гидроним не сохранился: он подвергся в свою очередь ассимилирующему воздействию топонима *Морева* (*Марёво*), ставшего весьма значимым именем для местного населения, и приобрел в конце концов производную форму, обусловленную названием села или всей окрестной территории, — *Моревка* (*Марёвка*).

В завершение хотелось бы сказать немного о возрасте села Марёво. В 1999 году администрация Марёвского района совместно с районным Советом местного самоуправления торжественно отметила юбилейную дату — 770-летие первого упоминания Марёва в русских летописях. За основу был взят 1229 год — именно с этого времени, когда произошло нападение литовцев на новгородские приграничные земли, форма *Морева* впервые фиксируется письменностью. Однако мы полагаем, что за точку отсчета следует взять близкую ей форму *Морея*, зафиксированную почти на столетие раньше, — в Грамоте великого князя Всеволода, которая датируется конкретно 1134 годом³⁰, и обусловившую современное название *Марёво*. Правда, форма *Морея* указывает в грамоте на реку, приток Полы, но вместе с тем она явно предполагает, как было показано выше, что уже в XII веке на реке *Морея* существовало одноименное поселение. Таким образом, форму *Морея* при желании можно расценивать и как косвенное — через одноименную реку — упоминание села. Заметим, что и форма *Морева* в приводимом выше летописном фрагменте 1229 года — «...Придоша Литва и воеваша Любне и Мореву и Серегеръ» — тоже указывает скорее не на поселение *Морева*, а на целую волость *Морева*; ср. согласованный с ней топоним *Серегеръ*, явно определяющий не населенный пункт, а некоторую местность вблизи озера Селигер. Оба имени — *Морея* 1134 года и *Морева* 1229 года, — по сути дела, в равной степени диагностичны, и ничто не мешает нам оттолкнуться от более архаической формы XII века. **Если вести отсчет с 1134 года, то письменная история села удревнится на целое столетие и в 2004 году можно будет отметить более весомый юбилей — 870-летие Марёва.**

В действительности же поселение на месте современного Марёва возникло даже раньше XII века, о чем свидетельствует археология. На территории села в пойме левого берега реки Марёвки на высоком холме имеется древнее городище, где найдены фрагменты грубой гончарной керамики, аналогичной той, которая встречается в ранних слоях Новгорода и датируется X веком. Поблизости, на бывшем погосте Морево (Знаменский), выявлены курганные захоронения XI–XII веков, связанные с одним из ранних этапов жизни на Марёвском городище³¹. Что касается XII века, то поселение, очевидно, к этому времени уже укрепилось и стало центром отдельной территории на верхней

Поле, наряду со становлением в эту же эпоху и других соседних волостных центров. Так, к примеру, расположенный по соседству с Марёвом населенный пункт Молвотицы, известный позднее как волостной центр, упомянут в берестяной грамоте № 516 («Мльвотицѣхъ»), которая датирована 50–70-ми годами XII века³², а поселение Буйцы, центр одноименной волости к югу от Моревы, отмечено в документе 1130 года.³³ Думается, что и поселение под именем *Морева* (или *Морея*), имевшее сходную судьбу с Молвотицами и Буйцами (все эти пункты выплачивали «черную куну» Литве) в данный период тоже было хорошо известно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 68, 275.

² Грамоты Великого Новгорода и Пскова (далее ГВНП). М.; Л., 1949. С. 105–106, № 63. С. 115–116, № 70. С. 129–132, № 77.

³ ГВНП. С. 131.

⁴ Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). Летопись по Воскресенскому списку. Т. VII. СПб., 1856. С. 240–241.

⁵ ПСРЛ. Т. XII. СПб., 1863. С. 213–214.

⁶ Новгородские писцовые книги. Т. 2. СПб., 1868, стб. 735.

⁷ Сто новгородских сёл / Отв. сост. и автор П.М. Золин. Новгород, 1990. С. 81.

⁸ Янин В.Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998. С. 76.

⁹ По словам авторов краеведческого издания «Марево — земля Рюриковичей» (Великий Новгород, 2000. С.16–17), поисками следов древней *норовы* занят петербургский археолог Д.А.Мачинский, использующий название села *Марёво* для уточнения ареала данной этнической группы.

¹⁰ Ююкин М.А. Ойконимы с формантом -ов/-ев- в новгородской топонимии IX–

XIII вв. // Топонимия и диалектная лексика Новгородской земли. Великий Новгород, 2001. С. 71.

¹¹ ГВНП. С. 140.

¹² Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 231–239.

¹³ Там же. С. 237.

¹⁴ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С.120.

¹⁵ Васильев В.Л. «Русская» топонимика в Южном Приильменье / Чело, №3 (19), 2000. С. 47.

¹⁶ Янин В.Л. Новгород и Литва... С. 63–64.

¹⁷ Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. С. 129.

¹⁸ Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина... С. 237.

¹⁹ ГВНП. С. 105.

²⁰ Там же. С.116.

²¹ Материал по берестяным грамотам см. в кн.: Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995.

²² Цит. по: Насонов А.Н. Указ. соч. С. 119.

²³ Насонов А.Н. Указ. соч. С. 119–120.

²⁴ Вязинин И.Н. Старая Русса в истории

России, Новгород, 1994. С. 88.

²⁵ См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.2. М., 1986. С. 654–655; Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н.Трубачева (ниже — ЭССЯ). Вып. 19. М., 1992. С. 227–230.

²⁶ ЭССЯ. Вып.19. С. 229.

²⁷ Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М., 1966. С. 274.

²⁸ Сто новгородских сел... С.81.

²⁹ «От начала до конца» (латинск.) (букв. «от яйца до фруктов»).

³⁰ Что касается конкретной даты документа — 1134 г. — см. об этом в кн.: Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина... С. 231.

³¹ Пронин Г.Н., Мильков В.В. Раскопки древнерусских памятников в Новгородской области // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 164. Славяно-русская археология. М., 1981. С. 73 – 82.

³² Зализняк А.А. Указ. соч. С.305.

³³ ГВНП. С.140, №81 (Грамота вел. кн. Мстислава Владимировича и сына его Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю на село Буйцы).

САМОУБИЙСТВО КИРИЛЛОВА: ПОЭТИКА МИСТИЧЕСКОГО В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»

Достоевский — писатель мистический. Добро и Зло для него не были голыми категориями этики, а виделись и изображались им как реально присутствующие и действующие в мире воплощённые и одухотворённые силы. Силы, обладающие собственным волевым потенциалом, целенаправленностью и онтологической содержательностью. Их зримое участие в художественном мире Достоевского создаёт ту неповторимую атмосферу, которая отличает творчество великого русского романиста от произведений его современников и последователей.

Уже с самых первых шагов в литературе, в повестях «Двойник», «Хозяйка», «Господин Прохарчин», Достоевский обратился к исследованию мистических сторон действительности. Земная жизнь его героев находится в постоянном взаимодействии с «мирами иными». В этом плане среди них нет, что называется, избранных — они все причастны к тайне бытия. Пристально всматриваясь в «живую жизнь» со всеми её мало-значительными и внешне несущественными деталями, подробностями и обстоятельствами, Достоевский даже в обыденных, повседневных делах, в душах людей самых неблагообразных, мелких и пустых находил метафизическую осмысленность. Все герои Достоевского открыты не только социально-исторической, но и мистической сферам жизни. В этом принципиальная особенность и обособленность созданной им художественной реальности.

Достоевский, по его собственному определению из письма к Н.Д. Фонвизинной 1854 года, был «дитя века — дитя неведения и сомнения» (28, 176)*, и в большей степени даже не в личном, интимном своём мироощущении, о котором в том же письме сказано: «Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных» (28, 176), — сколько в социальной функции писателя и журналиста, осуществляющего свою деятельность в условиях жёсткого идеологического противостояния. Будучи принципиальным и последовательным мыслителем и художником, Достоевский в то же время с особой чуткостью следил за умонастроениями своих читателей, часто придерживавшихся противоположных идейных взглядов и эстетических позиций. Он принужден был считаться с настроениями эпохи — вполне атеистическими и материалистическими. И говоря о явлениях, по мнению большинства его современников, фантастических, писатель искал таких форм художественного высказывания, которые бы при адекватности передачи смысла были бы все-рьёз восприняты читателями.

Мир Достоевского одухотворён.

В нём нет имманентно злых или добрых людей. Герои Достоевского непрерывно испытывают на себе *воздействие* сил Добра и Зла, которые, находясь вне социального пространства действительности, активно в него вторгаются, стремятся овладеть им и подчинить себе, ибо только в нём и через него способны наиболее эффективно реализовывать свою сущность. При этом силы Добра и Зла неизбежно вступают в острый, подчас непримиримый конфликт с волей и интересами людей, чьими судьбами они намереваются воспользоваться для самореализации.

Один из центральных конфликтов творчества Достоевского — борьба человека с нечеловеческими силами за личностную индивидуальность и самостоятельность. Наибольшей агрессивностью, в соответствии со своей природой, конечно же, обладают силы Зла. Они бьются за своё воплощение в персонифицированном облике с необычайной ожесточённостью и жестокостью, не брезгуя никаким материалом — будь то аристократ духа Ставрогин или ублюдок Смердяков. Но во всех случаях невозможно созерцать эту борьбу без душевного трепета и искреннего сострадания, вне зависимости от чувств симпатии или, напротив, неприязни, которую вызывает герой. Он человек, и читатель вместе с автором — на его стороне: ликуя при виде победы и мучаясь поражением.

Наибольшего драматизма, а то и подлинного трагического накала достигают коллизии, связанные с судьбами героев-идеологов. Это наиболее нравственно и интеллектуально развитые представители рода человеческого, чьи личностные достоинства призваны служить образцом социального и психологического поведения, утверждать самоценность и жизненность гуманистического способа освоения, познания и преобразования действительности. Именно поэтому силы Зла с особым вождением стремятся к их одолению, пускаясь на самые разнообразные уловки и спекуляции.

История Кириллова, попавшего в самый эпицентр метафизической битвы и оказавшегося объектом воздействия целого сонма inferнальных сил, не имеет аналогов в творчестве Достоевского.

Бесы буквально роятся вокруг него.

Бес Ставрогина ищет в личности Кириллова материал для посрамления гуманистической морали, утверждая относительность норм нравственного поведения: «Какое вам дело здесь до всего того, что вы там наделали и что тамошние будут плевать на вас тысячу лет, не правда ли?» (10, 187).

Бес Петра Верховенского видит в Кириллове ключевую фигуру в реализации плана убийства Шатова.

Бес самого Кириллова жаждет позора Бога, создавшего бунтующего человека, отказывающегося от жертвы Богочеловека и провозглашающего самопожертвование человека-бога.

Сцену самоубийства Кириллова невозможно читать без внутреннего содрогания. Кровь стынет в жилах, и мурашки бегут по коже. Это, пожалуй, один из самых жутких — почти «готический» — эпизодов не только в романе «Бесы», но и во всём творчестве Достоевского. По степени ледящего душу воздействия он сопоставим разве что со сценой убийства старухи-процентщицы в «Преступлении и наказании». В обоих случаях читатель оказывается свидетелем событий запредельных по своей античеловеческой сути. В этих эпизодах Достоевский запечатлел процесс вторжения мистических сил в мир человеческий, реально-бытовой, материальный и вещный. И чувство страха именно от реальности этого вторжения. Мы *видим*, как герои на наших глазах, шаг за шагом теряют контроль над своими поступками, и вот уже не властны над собой, вот уже и не люди, а только лишь куклы, марионетки, исполняющие волю вселившихся в них демонов.

«Он хоть и читал и любовался редакцией, но каждый миг с мучительным беспокойством прислушивался и — вдруг озлился» (10, 474). С этого озлобления Петра Верховенского, ожидающего в соседней комнате выстрела, которым Кириллов должен поставить точку в своём гордом эксперименте, начинается эта фантастическая по своей художественной убедительности сцена одержимости — реального вселения бесов в тела и предметы, до этого момента пребывающие в своём земном, человеческом облике.

Атака начинается внезапно, «вдруг», хотя приближение бесов и постепенное распространение их чар чувствуется Петром Степановичем загодя. Он хоть и способен пока ещё заниматься собственным делом — читать и любоваться редакцией признательного письма Кириллова, — но однако же с «мучительным беспокойством прислушивается» (10, 474). К чему? К тишине? Абсурдно: тишина сама по себе беззвучна. Выстрел же и без особого напряжения слуха будет различим в пустом доме. Но Пётр Степанович ощущает, пока ещё точно не зная, что что-то происходит за дверью, нечто, что обостряет внимание, вызывает тревогу и беспокойство. Там Кириллов, оставивший Бога, предаёт себя в руки дьявола. Во мраке ночи совершается чудовищное жертвоприношение. Понять это Петру Степановичу не дано, но степень концентрации Зла там, за дверью, столь велика, что энергия зла начинает распространяться уже и вокруг, заполняя соседние помещения, захватывая в своё поле всё живое. Как только волна зла достигает Петра Степановича он тотчас же попадает в её зависимость.

Он — «вдруг озлился».

«Тревожно взглянул он на часы; было поздненько; и минут десять как тот ушел... Схватив свечку, он направился к дверям комнаты, в которой затворился Кириллов. У самых дверей ему как раз пришло в голову, что вот и свечка на исходе и минут через двадцать совсем догорит, а другой нет. Он взялся за замок и осторожно прислушался: не слышно было ни малейшего звука» (10, 474). Достоевский усиливает состояние напряжения, повторяя, что Петр Степанович опять «при-

слушивается». На этот раз — «осторожно»: мучительное беспокойство сменяется опасением, и вполне оправданно — герой уже пережил мгновенное столкновение с неведомой ему силой. Это неведение, подкрепляемое отсутствием «малейшего звука», способного засвидетельствовать наличие живой жизни, становится наконец невыносимым.

«Он вдруг отпер дверь и приподнял свечу: что-то заревело и бросилось к нему» (10, 474). Такого развития событий ожидать не могли ни Петр Степанович, ни читатель. Но осветив на мгновение сцену неясным отблеском свечи, Достоевский вновь всё скрывает мраком и тишиной. «Изо всей силы прихлопнул он дверь и опять налег на нее, но уже всё утихло — опять мертвая тишина» (10, 474). Показательно, что Петр Степанович мистической силе пытается противопоставить физический заслон, и может даже показаться, что ему это удалось.

Писатель почти сразу раскрывает тайну случившегося: «Долго стоял он в нерешимости со свечей в руке. В ту секунду, как отворял, он очень мало мог разглядеть, но однако мелькнуло лицо Кириллова, стоявшего в глубине комнаты у окна, и зверская ярость, с которой тот вдруг к нему кинулся» (10, 474). Впрочем это объяснение никак не позволяет судить о том, что же произошло на самом деле. Почему яростная атака Кириллова не получила продолжения, и стоило прихлопнуть дверь, как «всё утихло» и «опять мёртвая тишина»?

Приоткрыв дверь в комнату Кириллова, Пётр Степанович, если можно так выразиться, на какое-то время «спустил пар». Уже почти сконцентрировавшаяся в Кириллове до телесной густоты злая сила отреагировала на появление нового человека стремительной попыткой овладеть ещё одной жертвой. Но, потеряв его из вида, вновь обратилась на своего прежнего носителя, на время оставив в покое Петра Степановича. Если, конечно, можно так назвать то состояние паники, в котором оказался Верховенский-младший.

Весь дальнейший ход размышлений Петра Степановича свидетельствует, что несмотря на инстинктивный жест самосохранения, он-таки получил изрядный заряд зла. Ожидание самоубийства Кириллова в течение нескольких мгновений в его инфицированном злом сознании перерождается в замысел убийства. «В самоубийство Петр Степанович уже совсем теперь не верил! “Стоял среди комнаты и думал” проходило, как вихрь, в уме Петра Степановича. “К тому же темная, страш-

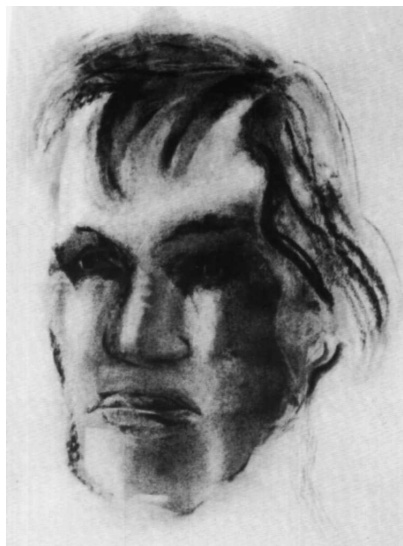

Рис. А.Н. Корсаковой. Кириллов. «Бесы». Из кн.: Карякин Ю.Ф. Достоевский и канун XXI века. М, 1989 г.

ная комната... Он заревел и бросился — тут две возможности: или я помешал ему в ту самую секунду, как он спускал курок, или... или он стоял и обдумывал, как бы меня убить. Да, это так, он обдумывал... Он знает, что я не уйду не убив его, если сам он струсит, — значит, ему надо убить меня прежде, чтобы я не убил его... И опять, опять там тишина!» (10, 474).

Логический ум Петра Степановича, пытаясь найти объяснение случившемуся, натывается на абсурд безмолвия, изображающий ошибочность всех разумных предположений героя, которыми он пытается подчинить себе действительность. В растерянности он неосознанно переходит с языка здравого смысла на совсем иное наречие. Достоевский более не скрывает от читателя источник сил, в поле действия которых попал Пётр Степанович. Герой сам всё проговаривает, называя подлинным именем и призывая себе в помощь того, кто на самом деле управляет в этот момент ситуацией. «Страшно даже: вдруг отворит дверь... Свинство в том, что он в Бога верует, пуще чем поп... Ни за что не застрелится!.. Этих, которые “своим умом дошли”, много теперь развелось. Сволочь! фу *черт*, свечка, свечка! Догорит через четверть часа непременно... Надо кончить; во что бы ни стало надо кончить... Что ж, убить теперь можно... С этою бумагой никак не подумают, что я убил. Его можно так сложить и приладить на полу с разряженным револьвером в руке, что непременно подумают, что он сам... Ах *черт*, как же убить? Я отворю, а он опять бросится и выстрелит прежде меня. Э, *черт*, разумеется, промахнется!» (10, 474–475. Курсив мой. — П.Ф.)

После этих мучительных размышлений, потерявший значительную часть прежней уверенности и отваги, «трепеща перед неизбежностью замысла и от своей нерешительности», однако же ведомый поселившимся в нём бесом, Пётр Степанович предпринимает ещё одну попытку войти в комнату Кириллова. «Изо всей силы толкнул он ногой дверь, поднял свечу и выставил револьвер; но ни выстрела, ни крика... В комнате никого не было.

Он вздрогнул. Комната была непроходная, глухая, и убежать было некуда. Он поднял еще больше свечу и вгляделся внимательно: ровно никого. Вполголоса он окликнул Кириллова, потом в другой раз громче; никто не откликнулся.

“Неужто в окно убежал?”

В самом деле, в одном окне отворена была форточка. “Нелепость, не мог он убежать через форточку”. Пётр Степанович прошел через всю комнату прямо к окну: “Никак не мог”. Вдруг он быстро обернулся, и что-то необычайное сотрясло его.

У противоположной окнам стены, вправо от двери, стоял шкаф. С правой стороны этого шкафа, в углу, образованном стеною и шкафом, стоял Кириллов, и стоял ужасно странно, — неподвижно, вытянувшись, протянув руки по швам, приподняв голову и плотно прижавшись затылком к стене, в самом углу, казалось, желая весь ступешаваться и спрятаться. По всем признакам, он прятался, но как-то нельзя было поверить. Пётр Степанович стоял несколько наискось от угла и мог наблюдать только выдающиеся части фигуры. Он всё еще не решался подвинуться влево, чтобы разглядеть всего Кириллова и понять загадку. Сердце его стало сильно биться... И вдруг им овладело *совершенное бешенство*: он сорвался с

места, закричал и, топая ногами, яростно бросился к страшному месту» (10, 475. Курсив мой. — П.Ф.).

Итак, Кириллов спрятался, хотя, по мысли Петра Степановича, «как-то нельзя было поверить». Уж очень странно он спрятался. Так не прячутся во время игры даже малые дети. Но странность эта несколько объясняется, если допустить, что Кириллов прячется не от Петра Степановича. В тот момент, когда Верховенский в первый раз открыл дверь, бесовская сила, сосредотачивавшаяся в теле Кириллова, как мы помним, рванулась ему навстречу, похоже, на то мгновение отпустив Кириллова. И несчастный самоубийца, уже осознавший, в чью власть себя предал, получивший недвусмысленный ответ на свой эксперимент, в отчаянной попытке вырваться обратно в мир человеческий забивается в угол и замирает, почти превращаясь в предмет интерьера. Отсюда и «мёртвая тишина».

И в самом деле, как это не покажется удивительным, Кириллову удаётся на время спрятаться. Лишившаяся своего телесного воплощения злая сила, похоже и впрямь ослепла. Но вряд ли её можно так просто обмануть. И, действительно: она вызывает себе помощника, Петра Степановича, за которого успела зацепиться. Страхом и неизбежностью заманивает она его в комнату, ведёт в то самое место — к окну (и открытая форточка — несомненная приманка для логически мыслящего Верховенского), — где несколько минут назад ей уже почти удалось поселиться в теле Кириллова. В тот момент, когда Пётр Степанович вступает за роковую черту, нечистая сила набрасывается на него: «что-то необычайное сотрясло его». Глазами Верховенского она отыскивает свою прежнюю жертву и устремляется к ней. «Вдруг им овладело совершенное бешенство: он сорвался с места, закричал и, топая ногами, яростно бросился к страшному месту» (10, 475).

«Совершенное бешенство», то есть полное, законченное, абсолютное, — вот подлинное содержание изображаемых Достоевским событий. Этот комментарий состояния Верховенского в ситуации почти дословно повторяющей ту, что была описана в момент первой попытки Петра Степановича войти в комнату Кириллова, безусловно характеризует и состояние Кириллова в тот момент. Сейчас они только поменялись ролями. Точнее — роль всё та же, исполнители — разные.

«Но дойдя вплоть, он опять остановился как вкопанный, еще более пораженный ужасом. Его, главное, поразило то, что фигура, несмотря на крик и на бешеный наскок его, даже не двинулась, не шевельнулась ни одним своим членом — точно окаменевшая или восковая. Бледность лица ее была неестественная, черные глаза совсем неподвижны и глядели в какую-то точку в пространстве» (10, 475). Куда смотрит Кириллов? Что он видит? Эту мертвенную неподвижность может породить лишь созерцание метафизических бездн. Несомненно, Кириллов видит надвигающийся на него мрак небытия и в безнадежной попытке спастись обращает свой взор к Единственному Тому, Кому это по силам.

Тут уместно вспомнить другой эпизод романа — посещение Кириллова Ставрогиным: тогда в его комнате «сиял свет», в красном углу горела лампадка. «Уж не вы ли и лампадку зажигаете?» — язвительно осведомился тогда Ставрогин. «Да,

это я зажёл», — признался Кириллов (10, 189). Сейчас лампада потушена, но святой образ по-прежнему на своём месте. На него и устремлён взор Кириллова. Из того места, где он нашёл своё убежище, именно красный угол просматривается лучше всего. Но всё тщетно. Поздно. Слишком близко подступил к своей жертве дьявол. Кириллов обречён.

Свеча в руке Петра Степановича мерцает адским пламенем. Вместо лика Спасителя ему суждено созерцать лишь искривлённое ужасом лицо «премудрого змия».

Следует несколько задержаться на портрете Кириллова в этой сцене. Да и не может он не привлекать внимания, слишком уж необычен как сам по себе, так и в описании Достоевского: Кириллов «стоял ужасно странно, — неподвижно, вытянувшись, протянув руки по швам, приподняв голову и плотно прижавшись затылком к стене», несмотря на крик и на бешеный наскок Верховенского, фигура «даже не двинулась, не шевельнулась ни одним своим членом — точно окаменевшая или восковая. Бледность лица ее была неестественная, черные глаза совсем неподвижны» (10, 475). Странность Кириллову придаёт особенно голова, плотно прижатая затылком к стене. Это, действительно, противоестественная с точки зрения физиологии человека поза.

Однако странность её исчезнет, если «развернуть» портрет Кириллова по горизонтали. Голова лежащего человека плотно прижата затылком к плоскости. Портрет Кириллова — это портрет лежащего человека. Точнее — мёртвого, окаменевшего, с неестественной бледностью лица и неподвижными глазами. Именно так изображён мёртвый Христос на картине Ханса Гольбейна. Позволю себе смелость утверждать, что это вовсе не случайное совпадение. Уязвлённый гордыней Кириллов утверждал бессмысленность жертвы Христовой, противопоставляя ей подвиг собственного самопожертвования. Но никакая другая жертва не может быть соотнесена с Голгофой и прийти ей на смену. Любая попытка обречена, и каждый «новый мессия» по сути — лишь «мёртвый Христос» Гольбейна, от вида которого, «у иного вера может пропасть» (8, 182), по замечанию князя Мышкина. Таков приговор Достоевского.

«Петр Степанович провел свечой сверху вниз и опять вверх, освещая со всех точек и разглядывая это лицо. Он вдруг заметил, что Кириллов хоть и смотрит куда-то пред собой, но искоса его видит и даже может быть наблюдает. Тут пришла ему мысль поднести огонь прямо к лицу “этого мерзавца”, поджечь и посмотреть, что тот сделает. Вдруг ему почудилось, что подбородок Кириллова шевельнулся и на губах как бы скользнула насмешливая улыбка — точно тот угадал его мысль. Он задрожал и, не помня себя, крепко схватил Кириллова за плечо.

Затем произошло нечто до того безобразное и быстрое, что Петр Степанович никак не мог потом уладить свои воспоминания в каком-нибудь порядке. Едва он дотронулся до Кириллова, как тот быстро нагнул голову и головой же выбил из рук его свечку; подсвечник полетел со звоном на пол, и свеча потухла. В то же мгновение он почувствовал ужасную боль в мизинце своей левой руки. Он закричал, и ему припомнилось только, что он вне себя три раза изо всей силы ударил револьвером по голове припавшего к нему и укусившего ему

палец Кириллова. Наконец палец он вырвал и сломя голову бросился бежать из дому, отыскивая в темноте дорогу. Во след ему из комнаты летели страшные крики:

— Сейчас, сейчас, сейчас, сейчас...

Раз десять. Но он всё бежал, и уже выбежал было в сени, как вдруг послышался громкий выстрел» (10, 475–476).

Свершилось.

Петр Степанович так и остался в неведении, что же произошло на самом деле. Но в тот момент, когда он дотронулся до Кириллова, злая сила наконец опознала свою истинную жертву и в мгновение ока ворвалась в неё, и Кириллов вновь впал в «совершенное бешенство» — выбил свечку, вцепился зубами в палец и разразился диким тупым возгласом: «Сейчас, сейчас, сейчас, сейчас...»

Раз десять.

Но это уже кричал не Кириллов.

Это заговорил сам дьявол, возвещая час своего торжества над душою несостоявшегося человекобога.

Обращаясь к изображению мистических сил, Достоевский избегал всякого фантазирования. Он и здесь оставался реалистом — реалистом в высшем смысле: невидимое у него невидимо, невыразимое — невыразимо. Он создаёт своего рода «антиобразы». Потусторонние силы заявляют своё присутствие в мире Достоевского, нарушая установленную логику поведения героев, внося странность в их поступки и мысли. В момент столкновения земной реальности с потусторонними силами физические объекты претерпевают искажение и утрачивают не только свою индивидуальность, но и узнаваемость, что передаётся с помощью неопределённых местоимений вроде *что-то*, *нечто*, *какой-то* и т. п. и безличных предложений («что-то заревело и бросилось к нему», «всё утихло» и др.). Достоевский представляет мистические силы как бы в отражённом свете. Даже именование представителей ирреального мира даётся в косвенных формах, как, например, в данном эпизоде через междометное употребление существительного «чёрт» (очень распространённый в практике Достоевского приём) и прилагательного «бешеный». Эта деликатность художника позволяла ему всегда оставаться точным и правдивым, несмотря на всю невероятность и фантастичность описываемых им событий и явлений.

В своих произведениях Достоевский создал и освоил разнообразную по формам и приёмам поэтику мистического. Сцена самоубийства Кириллова с этой точки зрения совершенна. Достоевский достиг в ней необычайной силы психологической убедительности, подведя читателя к самой границе мира ирреального, потустороннего.

Далее читатель волен двигаться сам. Или, смутившись, попятиться и отступить.

ПРИМЕЧАНИЯ

Цитаты из произведений Ф.М. Достоевского приводятся по изданию: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. — Л., 1972–1990. В скобках после цитаты арабскими цифрами указаны том и страницы.

ГАЛИНА ПОРОВСКАЯ:

КЛАССИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

ПЛЮС ГАРМОНИЯ ЧУВСТВ

— Моя задача и задача всех наших педагогов — не только дать студенту специальное художественное образование, но и развить в нём чувство прекрасного, умение поделиться ощущениями от выставки, вернисажа, просто чего-то поразившего воображение. Всё это в комплексе: профессиональная подготовка студента как учителя, возможность проявить себя художником, высокий эстетический уровень воспитанности рождает полноценную творческую личность.

— Галина Алексеевна, как возникла идея создания кафедры изобразительных искусств?

Идея создания кафедры родилась на архитектурном факультете. Преподаватели столкнулись с проблемой отлично рисующего, но совершенно не «тянущего» технические дисциплины студента. После долгих раздумий и споров было решено, что эти студенты должны получать гуманитарное образование, в частности, педагогическое. Пусть становятся учителями изобразительного искусства. Возглавить новую кафедру предложили мне. Я очень долго колебалась, понимала, что начинать с нуля тяжело. Нужна была хорошая база, трудно было найти преподавателей специальных дисциплин. Татьяна Михайловна Кауда водила меня несколько раз к первому ректору Новгородского университета Владимиру Васильевичу Сороке. Владимир Васильевич горячо убеждал, что я должна начать это новое дело.

— Видимо, решиться на создание новой кафедры было очень страшно, начать с «пустого места», оставив наложенную перспективную работу — непросто.

— Конечно. Я работала десять лет на факультете начальных классов, тогда же поступила в аспирантуру, защитила кандидатскую диссертацию в МПГУ им. Ленина, в коллективе себя чувствовала нормально. Даже переход в другой корпус, в другую структуру был для меня сложноват, но я понимала, что необходимо готовить специалистов — учителей изобразительного искусства, дефицит которых остро ощущался в школах г. Новгорода и области. И, как говорится, закрыв глаза, согласилась. Упала на знания, полученные на художественно-графическом факультете института имени Герцена, на поддержку декана Московского художественного института Евгения Васильевича Шорохова, одобрявшего идею подготовки художников-педагогов в нашем Университете, а также на помощь профессора, ведущего специалиста Института образования, Тамары Яковлевны Шпикиловой.

Последнюю точку в моих раздумьях поставил Владимир Васильевич Сорока. Убеждать он умел. Убедил и меня.

— С чего же Вы начали?

— С формирования коллектива преподавателей. Это оказалось очень непростым делом. Разные школы, разные направления. Это было в 1993 году, а в 1994 — наш первый приём. Я, конечно, очень волновалась, какими они будут, наши первые студенты? Рекламы новой специальности почти не было и многие вообще не представляли себе куда идут учиться. Но выручили замечательные преподаватели. Прежде всего Наталья Викторовна Захарова, проработавшая более 20 лет в Новгородской детской художественной школе и училище искусств имени Рахманинова, человек, влюблённый в красоту, гармонию, живопись; Александр Варенцов, бывший директор детской художественной школы. Анатолий Мищенко, прекрасный художник и педагог, Надежда Дзюба, талантливый художник, отличный педагог. Она открыла студентам мир красоты гобелена, батика, художественной обработки тканей. А также мой сын Алексей, пришедший к нам на кафедру после пяти лет работы в школе учителем изобразительного искусства. Все они — представители классической художественно-педагогической школы, выпускники худграфа ленинградского Герценовского педагогического института.

Это способствовало довольно быстрому оформлению единой позиции к организации учебного процесса и формированию требований к студентам. Они и другие преподаватели сумели увлечь студентов профессией.

Говорят, что самые первые — всегда самые лучшие. Во всяком случае — для нас. Период становления кафедры, множество организационных вопросов, непременно выполнение требований государственного образовательного стандарта специальности, учебных планов — всё это обрушилось сразу же и в этой круговерти наши замечательные преподаватели ещё старались не просто обучить своему предмету, но и научить студентов *чувствовать*, понимать, восхищаться и радоваться прекрасному. Итог — все выпускники набора 1994 года защитили дипломы на «отлично».

— Галина Алексеевна, видимо, непросто дать классическое художественно-педагогическое образование, вос-

питать и вырастить не только учителя изобразительного искусства, но и гармонично развитую личность?

— Да, это очень непросто. Стержнем основной общеобразовательной программы подготовки учителя изобразительного искусства является художественное базовое образование, в основе которого — традиционная русская школа реалистического искусства. Не одно столетие складывались научные методы преподавания изобразительных искусств в российских художественных учебных заведениях. А имена таких выдающихся художников-педагогов, как П.П. Чистяков, И.Н. Крамской, Д.Н. Кардовский, А.А. Дейнека и др. известны во всём мире. Этим традициям мы и стараемся следовать в преподавании художественно-графических дисциплин. Кроме того, большинство наших воспитанников «молчуны». Они погружены в себя, свои ощущения, восприятия, переживания. Занятия, в большинстве своём, проходят за мольбертами, педагог немногословен, студент — также (рисует). Всё это создаёт своеобразный микроклимат на кафедре.

— Как же вам удаётся «разговорить» их, проникнуть в души и мысли, узнать замыслы?

— Пока ещё с трудом. Но сейчас, когда большинство организационных вопросов решены, мы поставили перед собой задачу — максимально развивать гармонию чувств, мыслей и знаний у наших студентов. Через публичные защиты рефератов, курсовые работы, поездки в музеи Петербурга, посещение выставок с последующим обсуждением увиденного, пленэры. Это даёт свои результаты в период прохождения студентами педагогических практик и на завершающем этапе обучения — при подготовке и защите дипломных работ, где мы видим вполне готовых к педагогической деятельности выпускников. Что и было подтверждено председателем государственной аттестационной комиссии во главе с профессором Е.В. Шороховым.

— Так, значит, перевод вашей специальности с ФАИ-Са в ИНПО был оправдан?

— Да, конечно. Наша специальность художественно-педагогическая, и психолого-педагогическая подготовка студентов ведётся по полной «учительской» программе. Поэтому решение ректора ИНПО Р.М. Шерайзиной было мудрым, когда она приняла нас в институт непрерывного педагогического образования, где мы совместно с кафедрами музыки, технологии и предпринимательства, также готовящих учителей, образовали новый оригинальный факультет искусств и технологий.

— За довольно большой срок существования кафедры перед вами прошли разные студенты. Были среди них, наверняка, очень одарённые?

— Да, конечно. Многие искренне хотели идти преподавать в школу, тем более, что специалистов по преподаванию изобразительного искусства очень мало. Уроки рисования ведут все, кто хочет, без специального образования, и это не является основной работой педагога. Обычная подработка. Большая часть школ не имеет специальных кабинетов, профессиональных учителей.

— Однако не все ваши выпускники пошли работать в школы.

Действительно так. Причиной этому является низкий социальный статус учителя в нашей стране. Маленькая

зарплата — это самое главное. Меня упрекают: вот, мол, ваши в школу не идут, а модельеры и дизайнеры с архитектурного идут. Я в таких случаях отвечаю, что наши выпускники могут обеспечить себя своим мастерством. Наряду с рисунком, живописью, композицией мы обучаем декоративно-прикладному искусству, дизайну. Кроме того, наши студенты много работают в рамках специализации «Художественная обработка материалов». Они владеют искусством росписи на основе художественных традиций Поволжья (Хохлома, Городец и др.) и Русского Севера (пермогорская, мезенская, борецкая и др.). Студенты изучают искусство гобелена и батика, художественной керамики, плетения из бересты, бумагопластики. Изучив всё это, выпускники вполне могут работать в художественных мастерских и зарабатывать приличные деньги. Впрочем, большинство наших выпускников работает в сфере преподавания изобразительного искусства в НовГУ, университетском колледже, училище искусств, в гимназиях, детской художественной школе, Центре народного творчества, в общеобразовательных и специализированных школах г. Новгорода и области, системе дополнительного образования, занимаются собственным художественным творчеством. Наши выпускники постоянные участники художественных выставок различного уровня.

— Ну а школы так и останутся без педагогов «по рисованию»?

Пока в стране за учителем не будет закреплён высокий общественный и социальный статус, достойная оплата труда, боюсь, что школы ещё долго не получат квалифицированных педагогов изобразительного искусства.

— Эту проблему надо решать, по-моему, немедленно. «Глухих» на прекрасное детей не удивили выставками, они в будущем не купят для украшения дома картину, гобелен, батик.

— Я бы тоже хотела отметить огромную роль изобразительного искусства в воспитании человека. Дело в том, что искусство способно воздействовать на душу человека. Оно формирует творческое мышление, учит мыслить образно, находить радость в труде, самому её создавать. По мнению психологов, тот, кто творит и стремится к самореализации в творчестве, вообще лучше умеет концентрировать энергию, мобилизовать сильные стороны своей натуры для преодоления препятствий и решения как внешних, так и внутренних конфликтов, более способен к росту и самосовершенствованию личности.

Изобразительное искусство как предмет крайне необходимо в школе с первого по 11 класс.

Экономить на образовании, культуре, значит, экономить на будущем. Будем надеяться, что общество постепенно придёт к пониманию этого.

Мы тоже не сидим сложа руки: стараемся привить своим студентам приверженность своей профессии, уважение к учительскому труду, ответственность за художественно-эстетическое воспитание подрастающего поколения не на словах, а на деле.

Интервью вела Тамара Сигалова

Дмитрий МИХАЙЛОВ

ПАРК АКАДЕМИКА ЖЕЛЕЗНОВА НА НОВГОРОДЧИНЕ

*Сердце дома. Сердце радо. А чему?
Тени дома? Тени сада? Не пойму.
Сад старинный, все осины — тощи, страх!
Дом — руины... Тины, тины, что в прудах!
Чьё жилище? Пепелище? Угол чей?
Мёртвой нищей логовище без печей.
Ну как встанет, ну как глянет из окна:
«Взять не можешь, а тревожишь, старина!»*

И. Анненский

В самом центре бывшего Крестецкого уезда, среди дремучих лесов, вот уже сто пятьдесят лет, преодолевая безвременье и людское равнодушие, красуется уникальный парк-сад. Вековые дубы и липы, обросшие березняком и ольхой, хранят память о прошлом, а клёны чаруют гаммой разнообразных оттенков красновато-зелёной листвы, которая осенью превращает участки парка в гигантские жёлто-розовые и пунцово-красные букеты на тёмном фоне величественных елей и пихт. Создатель парка, академик Николай Иванович Железнов (1816–1877), известен в отечественной науке как крупный и разносторонний исследователь. Его труды посвящены физиологии растений, связи их развития с условиями внешней среды, развитию отечественного плодоводства, лесоводства и мелиорации. Н.И. Железнов сыграл также выдающуюся роль в организации высшего сельскохозяйственного образования в России, он был одним из создателей и первым директором Петровской земледельческой и лесной академии в Москве (ныне Тимирязевская академия). Заложенный им парк-сад уникален тем, что рассматривался учёным не просто как место отдыха, а как научная лаборатория. Здесь им впервые в России была проложена дренажная система с применением труб из обожжённой глины. Интересно отметить, что академик Н.И. Железнов был консультантом при заложении монахами плодового сада на острове Валаам, где вишнёвый сад и сейчас считается самым северным в мире. Современные учёные рассматривают Н.И. Железнова как за-

чинателя науки экологии, такой важной в современном мире¹.

Николай Иванович Железнов был старшим сыном Ивана Григорьевича Железнова и Екатерины Михайловны, урождённой Леман. В 1827 году он был помещён в Горный кадетский корпус, в котором учился и его отец. К концу обучения в нём у Николая Железнова пробудился интерес к миру растений и он за год до окончания курса переходит в Петербургский университет, где специализируется по зоологии и ботанике. Несмотря на хорошие отзывы профессоров, остаться при кафедре в университете он не смог, т. к. не было вакан-

сий. Однако, числясь по министерству финансов, Николай Иванович успешно начал исследовательскую работу и уже 24-летним русским ботаником стал в ряды передовых учёных-естествоиспытателей Европы. Дело в том, что в те годы микроскоп стал входить в естественные науки как новый «тонкий» инструмент, и Николай Иванович его использовал не для традиционных описаний строения уже сложившихся растений, а для наблюдений за их ростом с момента появления зародыша. Изучение эволюции роста растений и было принципиально новым методическим подходом в ботанике, предопределившим её развитие на многие последующие десятилетия.

В 1842 году Н.И. Железнов получает в Петербургском университете звание доктора философии и отправляется в длительную научную командировку в Швецию, Данию, Германию, Швейцарию, Францию и Англию. Три года знакомства с состоянием науки и сельского хозяй-

Герб рода Железновых

ства в этих странах дали учёному очень много, и, вернувшись в Россию, он горел желанием способствовать развитию сельского хозяйства на родине. Железнов начинает читать лекции по лесоводству в университете, а в летние месяцы совершает поездки по многим губерниям России. В 1847 году Николай Иванович становится профессором Московского университета. Он стремится внедрять всё новое в практику. Его работа по хмелеводству в России удостоена серебряной медали.

Н.И. Железнов принадлежал к третьему поколению дворянского рода Железновых². Брат его деда, Иван Петрович Железнов, в 1788 году указом императрицы Екатерины II был пожалован дворянским достоинством и фамильным гербом. Дед будущего учёного, Григорий Петрович Железнов, также получил дворянство в 1795 году. Оба брата Железновы служили в Главной Соляной конторе в Петербурге, «ведая приходом и расходом денежной казны и привозимого с Колывановоскресенских заводов (с Алтая) золота и серебра и делания для Ея Императорского Величества золотых и серебряных вещей». Предки Железновых, вероятно, были алтайскими рудознателями, о чём говорит их фамилия и родовой дворянский герб, на котором изображена выходящая из облака рука, держащая полосу железа. Отец Николая Ивановича, Иван Григорьевич Железнов, как сказано выше, получил образование в Горном кадетском корпусе и, пройдя все ступени служебной лестницы, дослужился до должности Вице-губернатора Петербурга, а в 1848 году назначен Генерал-провиантмейстером Военного министерства³.

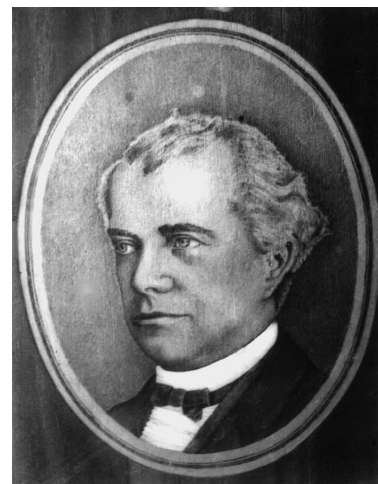

Вера Васильевна Железнова, жена Н.И. Железнова. Портрет В. Гау

шей к древнему дворянскому роду Зиновьевых. Её отец Н.В. Зиновьев служил тайным советником, камергером и президентом Медицинской коллегии. Он был трижды женат и воспитал восемнадцать детей. Вера Зиновьева была его пятнадцатым ребёнком и десятым от его второго брака с Ульяной Фёдоровной, урождённой Брейткопф. Небезынтересно отметить, что матерью Ульяны Фёдоровны была Анна Иванов-

на Брейткопф, являвшаяся первой начальницей открывшегося в 1798 году в Петербурге Екатерининского института благородных девиц. А её отец Фёдор Иванович Брейткопф — действительный статский советник, издатель и композитор. Выйдя в отставку, он преподавал в Екатерининском институте арифметику и немецкий язык⁴.

Н.В. Зиновьев был очень богат и своим детям оставил значительное наследство. Так, его дочь Вера по завещанию отца получила в новгородской губернии в Высокоостровском погосте деревню Нароново с прилежащими деревеньками, что составляло 11358 десятин земли и 669 душ крестьян. Хутор Матвейково был частью её приданого. Таким обра-

Академик Николай Иванович Железнов. Портрет художника А.Г. Розенберга

зом Николай Иванович стал новгородским помещиком. Получив в лесной глуши заболоченный Матвейковский клин, он решил создать там парк — научную лабораторию. Вера Васильевна, узнав о намерениях мужа, заявила, что её ноги там не будут. Но пройдёт несколько лет, и она, как гласит семейное предание, с удовольствием будет гулять по аллеям молодого парка в сопровождении кота и аиста. В парке появится красивый барский дом.

Работы по созданию парка в Матвейково Николай Иванович начал с осушения местности. В Наронове был построен гончарный завод для производства труб из обожжённой глины, а в Матвейково устроена метеорологическая станция. Дренажная система, проложенная Н.И. Железновым в парке в Матвейково, оказалась весьма полезной не только для растениеводства. Как инженерное сооружение она стала примером мелиорации заболоченных почв. Её простотой и надёжностью восхищаются мелиораторы и по сей день. Дренажная система академика Железнова работает без присмотра вот уже 150 лет. Местные мужики до сих пор удивляются, почему в парке травы вырастают раньше, и здесь можно взять три укоса за лето. В своём новом доме в Матвейково Николай Иванович соорудил даже водопровод с закачкой воды из дренажных труб, которой хватало не только для питья, но и красивого фонтана в парке перед домом. Для расширения территории парка он купил деревеньку Плавичи, расположенную южнее. Проведённые учёным опыты по росту растений на мелиоративных почвах дали блестящие результаты. Эти первые работы были опубликованы, и за них Н.И. Железнов получил от Вольного экономического общества в 1857 году Большую золотую медаль. В том же году он был избран действительным членом Российской Академии наук.

Николай Иванович Железнов вошёл в историю Новго-

земледельческую и лесную Академию. Открытию Академии предшествовала острая полемика в печати. Были противники этой акции, полагавшие, что открытие Академии — непозволительная трата денег; и «непонятно, чем вызвано это громадное заведение, какой вопиющей потребности оно удовлетворяет, какую определённую цель оно имеет, и кого будет выпускать из своих стен?» Н.И. Железнов, отстаивая эту ак-

Дом Железновых в парке в Матвейково.
Акварель неизвестного художника

цию в печати, подчёркивал, что Крестьянская реформа не достигнет желаемых результатов, если широким массам населения не дать сельскохозяйственных знаний. А по поводу «траты государственных средств, — иронизирует Железнов, — если для сбережения государственных расходов предлагается соединить высшую земледельческую школу с физико-математическим факультетом, который для этой цели стоит лишь пополнить чтением ветеринарной медицины, политической экономии, лесного законодательства и сельского строительного искусства, то сбережение будет ещё значительнее, если к тому же факультету присоединить Институт корпуса путей сообщений, академию генерального штаба — Артиллерийскую, Инженерную, Морской, Горный и Технологический институты».

И на этом поприще Железнов проявил себя истинным патриотом и гражданином. Став первым директором Петровской земледельческой и лесной Академии, Николай Иванович оказался прекрасным администратором. За пять лет, к моменту открытия Академии в 1866 году, в ней был создан высококвалифицированный коллектив профессоров. Уже в первые годы своего существования Академия стала лучшим сельскохозяйственным институтом Европы. Николай Иванович вникал во все стороны жизни Академии, мелочей для него не было. Даже разбитые перед новым зданием Академии цветники были замыслом и гордостью директора, «а просвещенный и художественный вкус этой личности», — как писалось в одной московской газете того времени, — «как бы одинаково сказался и в характере первых построек и окружающих их цветников, и в характере первых приёмов и распорядков внутренней жизни новой школы».

Возглавляя Академию, Николай Иванович продолжал активно заниматься научной деятельностью. Русская наука высоко оценила заслуги ботаника Н.И. Железнова: Российское общество садоводства учредило медаль имени Железнова. Казалось, для Николая Ивановича создались весьма благоприятные жизненные обстоятельства. Но в семье Железновых в 1867 году произошло несчастье — умерла шестнадцатилетняя дочь Екатерина.

Весной 1869 года Железнов неожиданно подаёт в Министерство прошение с просьбой уволить его от должности директора и, получив отставку, уезжает с семьёй в Петербург. Что же произошло?

Открытие Петровской сельскохозяйственной Академии совпало с активизацией в России революционно-демократического движения. Власти стали обращать особое внимание на Академию ввиду пёстрого социального состава её слушателей и появления среди студентов политических групп с ярко выраженными политическими настроениями. Н.И. Железнов стремился всячески смягчить предписания высшего начальства об усилении надзора, видя в этом ущемление прав слушателей и нанесение вреда духу свободной школы. Но он в то же время строго следил за порядком в Академии, что оказалось не простым делом. Директор ввёл жесточайший запрет на появле-

ние посторонних лиц, это явилось причиной неудовольствия со стороны студентов. Да и часть профессоров, входивших в Совет Академии, также была недовольна некоторыми распоряжениями директора. Оказавшись почти в одиночестве в разрешении одного из конфликтов, Николай Иванович решил покинуть Академию.

Блестящий учёный, прекрасный человек и гражданин передовых взглядов, Железнов всё-таки не получал должного понимания и поддержки от современников, несмотря на достижение высоких званий и должностей. Непонимание и снисходительность, а то и неприкрытая враждебность со сто-

Ледник в парке в Матвейково.

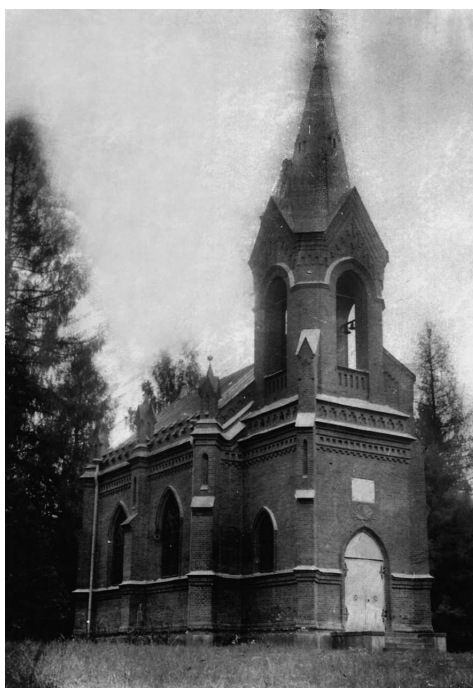
роны учёного сообщества и части правительственных кругов сопровождали его всю жизнь. Переехав с семьёй в Петербург, Николай Иванович продолжал интенсивную научную деятельность, но скоропостижная смерть в январе 1877 года

оборвала жизнь этого замечательного человека. Уход его из жизни окутан тайной, за которой возможна трагедия самоубийства. О таком исходе говорили домочадцы покойного спустя много лет после смерти учёного. Что же могло послужить причиной такого финала?

В последние годы жизни Н.И. Железнов слыл в общественных кругах «красным профессором», хотя политика как таковая его никогда не интересовала. Он был просто либералом с широкими демократическими взглядами и политическое бурление среди студентов считал нормальным явлением. Осенью 1869 года, когда Железнов не был уже директором, в парке Петровской Академии произошла трагедия, всколыхнувшая всю Россию — убийство студента И.И. Иванова, члена террористической группы. Он был убит своими товарищами во главе с С. Нечаевым. Иванов понял пагубность терроризма и решил «выйти из игры», за что и был убит. «Дело Нечаева» стало для русского общества настоящим нравственным шоком. По горячим следам «нечаевщины» Ф.М. Достоевский написал роман «Бесы». Его появлению предшествовали следующие события⁶. Именно в это время в Петровский Академии учился брат жены Ф.М. Достоевского, И.Г. Сниткин. По совету Фёдора Михайловича, родные уговаривали Сниткина погостить у них (семья Ф.М. Достоевского в это время жила в Дрездене) и этим отвлечь молодого человека от пагубных политических акций, которые назревали в Академии. Получить длительный отпуск за границу И.Г. Сниткин мог только по разрешению директора (весной 1869 года директором Академии был ещё Н.И. Железнов), но сам идти с этой просьбой к Н.И. Железнову он не решился. И.Г. Сниткин дружил с И.И. Ивановым и тот, узнав о намерении товарища побывать за границей у родных, сам пошёл к директору и убедил его дать Сниткину двухмесячный отпуск, а после проводил товарища на вокзал. Приехав в Дрезден, Сниткин подробно рассказал Фёдору Михайловичу и о своём друге И.И. Иванове, с которым стал переписываться, и о настроениях студенческой молодёжи. Слушая рассказы Сниткина, Фёдор Михайлович задумал написать о политических смутах среди студентов и одним из главных героев взять именно студента Иванова, который изображался Сниткиным выдающейся личностью с твёрдым характером. Сниткин знал, что его товарищ изменил взгляды на методы политической борьбы, поняв вред и бесперспективность терроризма.

Пришедшая весть об убийстве Иванова потрясла Фёдора Михайловича, а Сниткин горько оплакивал смерть друга. «Нечаевское дело» и послужило толчком к созданию сюжета романа «Бесы».

Железнов, зная лично убитого студента Иванова, о котором все очень хорошо отзывались, был не просто рядовым читателем «Бесов». Конечно же, он остро переживал все обстоятельства появления «бесовщины» не только потому, что лично знал некоторых прототипов героев романа, но, вероятно, и чувствовал, что сам своим либерализмом невольно потакал развитию терроризма в России. Ведь в рамки гротескно-трагического идеологического пространства романа «Бесы» попадает не только «нечаевщина», но и либералы 40–60-х годов. Поэтому Железнов не мог не чувствовать неприятие этих явлений автором «Бесов». И не исключено, что недоброжелатели Николая Ивановича могли прямо указать «красному профессору» на его роль в появлении «бесовщины». Очень чувствительный характер Николая Ивановича, возможно, и привёл к трагической развязке. Ректор Петербургского университета, профессор К.Ф. Кесслер, друг Железнова, в опубликованном некрологе отмечал, что «главными чертами Николая Ивановича Железнова была любовь к науке, к родине, к правде. Он был идеалистом и поэтому в жизни терпел много разочарований»⁷.

Церковь Казанской Божьей Матери на хуторе Матвейково. Фото 1910 г.

После смерти Николая Ивановича хлопоты по имению в Матвейково легли на его вдову Веру Васильевну. На окраине парка в Матвейково она на свои средства построила церковь Казанской Божьей Матери, в которой был сооружён склеп Железновых. В нём покоился прах Николая Ивановича и его детей: сына Григория, умершего младенцем в 1855 году, шестнадцатилетней дочери Екатерины, скончавшейся в 1867 году, и дочери Эмилии, убитой грабителем в 1907 году. Здесь была похоронена и сама Вера Васильевна, умершая в 1904 году. Сыну Василию в год смерти Николая Ивановича было 20 лет, он учился в Военно-юридической академии в Петербурге. После нескольких лет службы, в восьмидесятых годах, Василий Ни-

колаевич Железнов вышел в отставку в звании штабс-капитана и поселился в имении отца. Василий Николаевич женился на баронессе Александре Александровне фон-Розенберг, дочери барона Александра Петровича Розенберга, который после участия в Крымской войне поселился в Крестцах и был в это время Почётным Мировым судьёй.

Семья Василия Николаевича и Александры Александровны росла, почти каждый год у них рождались дети. «Барин, чтой-то у тебя всё девки, да девки?» — спрашивали крестьяне у Василия Николаевича, опять получившего известие о рождении дочери. А он только разводил руками — «Всё в руках Божьих». Василий Николаевич был доброжелательным и внимательным человеком, пользовался авторитетом у окрестных помещиков, крестьяне его тоже любили. В 1887 году

Железнов утверждён Мировым Судьёй по Крестецкому уезду, затем он исполнял должность Земского начальника, избирался губернским гласным. В 1902 году он избран Предводителем дворянства Крестецкого уезда.

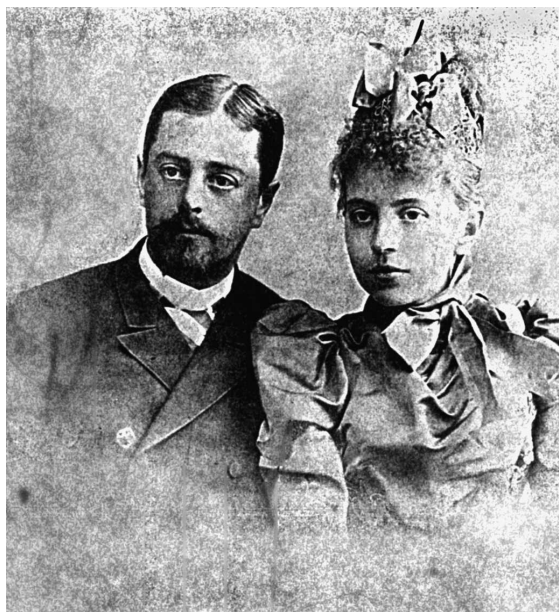
Занимался Василий Николаевич и благотворительностью. Так, в старинном селе Нароново, принадлежащем их семье, по его инициативе и участии был построен единоверческий храм и церковно-приходская школа. Как писали в те годы новгородские газеты, «крестьяне Наронова и близлежащих деревень не имели никакого представления о школьном образовании, а имели единственных «просветителей» в лице полуграмотных раскольников, таких же тёмных, как и они сами». Поэтому освещение храма Успенья Божьей Матери и открытие школы в Нароново 12 августа 1900 года было для этих мест большим событием.

Семья Железновых пожертвовала под постройку церкви и школы участок земли, строительные материалы, немалые денежные суммы. А также старинные иконы. Через несколько лет, в 1908 году, в этой церкви отпевали и самого Василия Николаевича, скоропостижно скончавшегося 22 октября в Новгороде, где семья Железновых жила в осенние и зимние месяцы. Через два дня Новгородское дворянство провожало его в последний путь. Похоронен был Василий Николаевич Железнов в семейном склепе при церкви в Матвейково.

После смерти В.Н. Железнова имение Матвейково перешло к его вдове Александре Александровне, которая стала и опекуницей своих дочерей — Веры, родившейся в 1894 году, Александры, 1896 г.р., Марии, 1897 г.р., Софии, 1898 г.р., Екатерины, 1900 г.р., Анны, 1902 г.р., и Татьяны, 1908 г.р. На Александру Александровну легли большие заботы по их воспитанию и ведению хозяйства. Она была очень строга. Девочкам разрешалось гулять по парку только в сопровождении гувернантки. А они старались удрать из-под присмотра или уговаривали мадемуазель участвовать в играх вместе с ними. Их любимые игры заключались в плавании на плотках по запруде на речке Кривчаге около самой плотины, т. к. это место не было видно из окон дома. Заманчиво было также забраться в конюшню и, отвязав лошадей, скакать на них, неосёдланных. Девочки были очень дружны между собой, ябедничество и жалобы считались у них позором. Эту сплочённость и дружбу они пронесли до конца своих дней. Все сельскохозяйственные работы девочки Железновы знали не хуже крестьянских детей. Они умели шить, вышивать, вязать, стряпать, — всё это им пригодилось во взрослой жизни не меньше, чем знание французского и немецкого языка. Парк, заложенный их дедом, стал для сестёр Железновых не

только любимым местом игр и всевозможных проказ, он сформировал их души, воспитал в них жизнелюбие и доброту. На всю жизнь они сохранили самые светлые воспоминания детства, проведённого в имении Матвейково. Им запомнился каждый уголок парка, каждое дерево, каждая аллея настоящей, что спустя десятилетия, когда уже не было Матвейковского усадьбы, Александр Георгиевич Розенберг, правнук Николая Ивановича Железнова по рассказам своей матери Екатерины Васильевны и её сестёр составил детальный план-реконструкцию этого замечательно парка.

Революция 1917 года лишила семью Железновых не только средств к существованию, но и разбила их семью. Разница в возрасте старших и младших сестёр Железновых отразилась на их дальнейшей судьбе в годы революционных бурь и

Василий Николаевич Железнов с женой Александрой Александровной, урождённой фон-Розенберг. Фото 1892 г.

ломки социальных устоев. Анна Васильевна, моя тётюшка, которой в момент революции было всего пятнадцать лет, находясь уже в преклонном возрасте, рассказывала мне, как она была захвачена опьяняющими лозунгами «революционной свободы» и «всеобщего равенства», как ей хотелось скорей вырваться из-под материнской опеки. Для младших сестёр Железновых непосильным моральным грузом было их дворянское происхождение: их мать — баронесса! Пережить такое юным душам было невозможно. Надо знать то время, когда революция и смерч гражданской войны озлобили всю Россию, и принадлежность к «помещикам» и «буржуям» наказывалась не только унижениями, но и расстрелами. Анна, Саша и Таня бежали из

дома, они вступили в свою «беспокойную комсомольскую» юность. Для матери Александры Александровны разрыв с младшими дочерьми стал тяжёлым горем. Но этого оказалось мало. Власти обвинили её в издевательствах над дочерьми, порвавшими с «проклятым прошлым» и вызывали на допросы, грозя всяческими карами.

Дом в усадьбе Матвейково был экспроприрован, в начале 20-х годов разобран и вывезен на станцию Торбино. Церковь в Матвейковском парке с семейным склепом Железновых после попыток вскрытия могил, была взорвана и разорвана на кирпич.

Сёстры Железновы выходили замуж. Вера стала женой своего дальнего родственника Фёдора Ивановича Железнова, Соня вышла замуж за Александра Фёдоровича Лютца, который впоследствии стал крупным учёным, автором трудов по геодезии. Мария стала женой Константина Константиновича Савича, своего двоюродного брата и моего дяди, который был химиком и затем заведующим кафедрой в одном из ВУЗов Москвы. Екатерина вышла замуж за своего двоюродного

брата, инженера Георгия Михайловича Розенберга. Муж Саши Железновой — Тимофей Герасимович Фомичкин, зоотехник и участник двух мировых войн. Таня Железнова вышла замуж за преподавателя Михаила Михайловича Куликова, кадрового военного. Аня Железнова — за крестьянина Анемподистова, но вскоре овдовела, во втором браке она была за бухгалтером Ефимом Николаевичем Жидконоговым, который погиб на Карельском фронте в начале Великой Отечественной войны.

Отчуждённость старших и младших сестёр Железновых с годами сглаживалась, да и воспитание в родительском доме оказалось всё-таки крепким жизненным фундаментом; спасало то самое «проклятое дворянское воспитание», от которого они когда-то пытались бежать. Все сёстры Железновы с честью прошли свой жизненный путь, сейчас их уже нет на свете. Все их дети получили высшее образование, и все они дружат друг с другом. Роднит их также интерес к прошлому. А что от него осталось? Воспоминания их матерей, слышанные в детстве, да некоторые чудом уцелевшие портреты предков. Остался ещё заброшенный парк на хуторе Матвейково.

Жарким июньским днём 1991 года группа потомков академика Николая Ивановича Железнова шла по нароновской дороге в Матвейково. Из Москвы приехали праправнуки учёного — Милица Савич, Ира Железнова, Саша Розенберг с женой Ириной, его сестра Наташа Розенберг из Минска, и автор этих строк — из Петербурга. Присоединился к нам и местный краевед, Леонард Эдуардович Бриккер. Правнуки учёного стремились исполнить свой долг памяти. Стоял знойный день. В парке цвела сирень. Над квадратами высоченной, давно не кошенной травы носились тучи мух и слепней. Вековые дубы и липы, обросшие мелким березняком и ольхой, молча взирали на пришельцев. Чем могли мы им помочь? Деревья-исполины помнили руки своего воспитателя, а кусты цветущей сирени сохраняли место, где стояли усадебные постройки. На обрывистом берегу обмелевшей речки Кривчаги

из выводных дренажных труб как слёзы капала вода. Из всех построек, некогда стоявших в парке, сохранился только красивый вход в ледник, сделанный из крупных валунов. Аллея, ведущая к месту захоронения Железновых, превратилась в трудно проходимый лес, и только обозначающие её гигантские лиственницы указывали направление.

Мы с трудом определили место, где стояла церковь. Судьбе было угодно, чтобы здесь дважды свершился обряд установления креста над старыми могилами. Спустя почти столетие, на том месте, где стояла церковь, мы сделали из битого кирпича возвышение и установили новый крест. Украсили холмик цветами, зажгли свечи. Милица Константиновна Савич, правнучка Николая Ивановича Железнова, прочла молитву: *«Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! Аминь. Господи, милости буди нам грешным. Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь. Помяни, Господи, души усопших рабов Твоих: прадеда Николая, прабабушки Веры, деда Василия, отроковицы Екатерины, младенца Григория, убиенной Эмили и всех сродников по плоти, прости их все согрешения вольные и невольные, даруя им Царствие и Причастие вечных Твоих благи и Твоя бесконечная и блаженная жизни наслаждения. Помяни, Господи, и вся надежды воскресения и жизни вечной усопших родителей, отцы и братия нашу, и сестры, и zde лежащие и повсюду православные, христиане, и со всеми Твоими, идеже присещает свет лица Твоего всели и нас помилуй, яко Благ и Человеколюбец. Подаждь, Господи, оставление грехов всем прежде отшедшим в вере и надежде воскресения рабам Твоим Николаю, Вере, Василию, Екатерине, Григорию, Эмили и сотвори им вечную память. Вечная память».*

С каким возвышенным чувством стояли мы на этом святом для всех нас месте. В истории Матвейковского парка, в истории и судьбе четырёх поколений Железновых отражена как в капле воды и история России последнего столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Манойленко К.В. Николай Иванович Железнов. М., 1963. С. 203; Энциклопедия Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона. Т. XI. СПб., 1894. С. 768–769.
2. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. (ЦГИА). Ф. 963. Оп. 1. № 13737. Л. 38, об. 29; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343. Оп. 2. № 1788.
3. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. № 217.
4. Немцы России. Энциклопедия. М., 1999. С. 251.
5. Носович С.И. Крестьянская реформа в Новгородской губернии // Историческое обозрение. Т. 10. 1899. С. 36.
6. Лурье Ф.М. Созидатель разрушения. Документальное повествование о С.Г. Нечаеве. 1994. С. 188.
7. Кесслер К.Ф. Некролог Н.И. Железнова. Труды С.Петербурга. общ-ва естествоисп. Т. VIII. 1877. С. I–XIX.

Ирина САВИНОВА

ГРОЗА 1812 ГОДА

(К 190-летию события)

Российская история богата знаменательными событиями, которые становились определяющими вехами дальнейшего развития страны. Одним из таких моментов явилась война 1812 года. В сознании русского народа она осталась войной Отечественной. В ней он отстаивал не только целостность своего государства, его независимость — война стала решающим звеном в борьбе всех народов Европы против Наполеона.

Отечественная война 1812 года способствовала росту национального самосознания российских граждан. Разгром и уничтожение врага стали главной задачей всех народов России. Виссарион Белинский впоследствии писал: «12-й год потряс всю Россию из конца в конец, пробудил её спящие силы и открыл в ней новые, дотоле неизвестные источники сил.. возбудил народное сознание и народную гордость».

...В ночь на 12 июня 1812 года французский император Наполеон приказал своим войскам начать переправу через Неман на территории Литвы у местечка Вильковышки. Позади лежала завоёванная Европа, впереди — неведомая Россия, которая оставалась препятствием к мировому господству. Из 640 тысяч человек, которыми располагал Наполеон для войны с Россией, 235 тысяч пока оставались во Франции и в вассальной Пруссии. В течение нескольких дней на восточный берег Немана переправилось 450 тысяч воинов французского войска: старая гвардия, вся молодая гвардия, кавалерия Мюрата, несколько корпусов.

Русское правительство не располагало такими же крупными силами, как армия неприятеля. Рекрутская повинность, по которой создавалась русская армия, не позволяла создать массовую армию. Было решено в короткий срок создать народное ополчение. 6 июля 1812 года император Александр I обратился с Манифестом ко всем «верноподданным, ко всем сословиям и состояниям духовным и мирским», призывая их «единодушным и общим восстанием содействовать противу всех вражеских замыслов и покушений».

Для создания ополчения определялись три округа. В первый вошли Московская, Владимирская, Калужская, Рязанская, Смоленская, Тульская, Тверская и Ярославская губернии. Новгородская губерния вместе с Петербургской составляли второй округ. Третий — Нижегородская, Костромская, Казанская, Вятская, Симбирская и Пензенская.

Начальником ополчения второго округа был назначен генерал-лейтенант барон Пётр Иванович Меллер-Закомельский. Ополчение этого округа придавалось корпусу под командованием генерала-от-кавалерии П.Х. Витгенштейна. В их задачу входило прикрытие Петербурга с юго-запада и даль-

нейший разгром противника совместно с остальными русскими армиями.

12 июля 1812 года в Новгород прибыл императорский гонец: генерал-губернатор Тверской, Новгородской и Ярославской губерний принц Ольденбургский. Он привёз Манифест от 6 июля о созыве ополчения, который и зачитал экстренному губернскому дворянскому собранию, созданному 14 числа этого же месяца.

Весть о войне потрясла собравшихся. Призыв о создании ополчения был поддержан без промедления: «составить по сей губернии в подкрепление армии десяти тысячный корпус воинов». Обмундирование, снабжение их продовольствием, жалованием в течение года дворянство брало на себя. Практически же всё это легло на плечи крестьянства. Из своих рядов дворяне обещали «избрать потребное число чиновников» для предводительства, т. е. офицеров.

В губернии на 1812 год числилось 341 349 ревизских душ. Решено было послать в ополчение одного человека от 38 крестьянских душ. В постановлении губернского собрания относительно условий приёма ратников в ополчение рекомендовалось принимать мужчин в возрасте 18–45 лет, физически здоровых, годных к военной службе, «чтобы ратник был крепкого сложения и не имел чего-либо препятствующего в ходьбе».

О первых отрядах ополчения новгородский губернатор доносил 3 августа: «Новгородское временное ополчение уже восприняло своё начало... До конца формирования и прибытия офицеров решено было присмотр за набранными рекрутами доверить внутренней страже».

Поимённых документов на отправленных крестьян-рекрутов в архиве не обнаружено. Скорее всего, они оказались в действующей армии. В этом случае повезло тем, кто вернулся живым из заграничного похода: по их спискам удалось восстановить несколько сотен имён новгородских крестьян, кто с оружием в руках защищал свою землю от врага.

В официальном донесении сообщалось: «Все воины от помещиков в ополчение поступили одетыми в новые крестьянского сукна кафтаны и шаровары, снабжённые овчинными полушубками, суконными ранцами и фуражками с медными крестами (по образцу С.-Петербургского ополчения сделанными), двумя парами сапогов кожаными, с тёплыми варежками-рукавицами, кушаком, тремя рубашками, двумя портами суконными, онучами, вооружены топорами и с трехмесячным продовольствием жалования и провианта».

Уже 14 июля 1812 года новгородское мещанство решило поставить на защиту Отечества 32 человека, обмундировать

их и содержать провиантом. Ушли добровольцами мящане многих уездных городов. Валдайский мящанин Пётр Ершов, старорусский — Тарас Москвитин, боровичский — Алексей Степанов, тихвинский — Василий Иванов, белозерский — Иван Иванов...

Нашлись добровольцы и среди духовенства. Конечно, ими стали прежде всего молодые люди: студенты духовной семинарии, пономари, дьячки. Несколько таких имён осталось навсегда в документах истории. В сентябре–октябре 1812 года ушли в народное ополчение пономари: Волокодержавного погоста Боровичского уезда Василий Петров, Налюцкого погоста Старорусского уезда Иван Дмитриев, Борковского погоста того же уезда Дмитрий Ефимов, пристав Новгородской духовной консистории Иван Семёнов. Ушли в ополчение братья Смирновы — Демид Терентьевич, ученик риторики Новгородской духовной семинарии, и Герасим Терентьевич — ученик старорусского духовного уездного училища.

Этих людей ожидала одна судьба, коротко выраженная в ведомости духовной консистории — «...которые в консисторию не обращены и сведения, живыми они или померли, не прислано». В наши времена эта фраза звучала более конкретно — пропавшие без вести.

Если просмотреть внимательно список, составленный по различным донесениям, справкам, отчётам, то можно обнаружить определённую закономерность. Большей частью составляющие его — мелкопоместные дворяне, отставные поручики, прапорщики. Офицеров высшего ранга — майоров, полковников можно насчитать не многим более десятка. Возраст добровольцев колебался, в основном, от 24 до 45 лет. В такую пору мужчины, как правило, были уже женаты, имели семейства и немалые. Вступление в ополчение было для них проявлением мужества, отваги и патриотизма, скрывающегося порой глубоко в душе.

«Мой друг, сия война ознаменована какою-то священной важностью, всеобщим стремлением к одной цели. Поселяне превращали серп и косу в оружие оборонительное; отцы вырывались из объятий семейств...», — писал впоследствии Фёдор Глинка, участник Отечественной войны, будущий декабрист.

Другой участник событий, прапорщик Санкт-Петербургского ополчения Р. Зотов, так описывал состояние людей в те дни: «...все чувствовали одинаково. На улицах, во всех обществах, в кругу семейном не было других разговоров, кроме народной войны. Умолкли все городские сплетни, ссоры, взаимные ненависти...».

В длинном списке имён привлекают внимание одни и те же фамилии — это близкие родственники, многие из них — родные братья. Головцыны — поручик Иван Александрович, подпоручики Нил Александрович и Владимир Александрович. Братья Нееловы — Иван, Степан, Николай, Дмитрий. (Двое из них погибли.) Овцыны — Пётр, Дмитрий, Константин; Мартыановы — Аркадий Михайлович, 40 лет; Нил Михайлович, 35 лет; Василий Михайлович — лет, наверное, многих, потому как имел чин майора.

«ВСЕ ЧИНЫ ПРИ СВОИХ МЕСТАХ...»

К началу сентября в десяти уездах губернии было сформировано 12 дружин. Они создавались по принципу земляче-

ства, т. е. комплектовались из воинов одного уезда или, в крайнем случае, из соседних. Сотни составлялись из односельчан. Накануне выхода в ополчение насчитывалось 10840 ратников и офицеров.

Военную подготовку ратники прошли на местах, в уездах, под руководством сил внутренней стражи (внутренних войск). Осуществлялась она в спешном порядке. Обучение велось по несложной программе. От воина требовалось знать свое место «в шеренге и в ряду, заряжать и стрелять ружьем и действовать штыком». Ополченцы требовали, чтобы их учили военному делу не только днем, но и ночью, используя свет белых ночей. Из Петербургского арсенала было отпущено Новгородскому ополчению 3243 разнокалиберных ружья.

Дружины ополченцев были разделены на четыре бригады. Ими командовали: отставной пехотный полковник граф Головин Сергей Григорьевич, отставной лейб-гусарского полка полковник Погребов Александр Андреевич, отставной лейб-гвардии Егерского полка полковник Десятов Дмитрий Петрович, отставной лейб-гвардии Семеновского полка полковник Дирин Николай Петрович. В составе дружин, кроме офицеров, находилось 25 штаб-офицеров, 170 обер-офицеров, 685 ратников, урядников, 90 писарей, 105 музыкантов, четыре священника...

Под обоз были закуплены кованые телеги, частично изготовленные в С.-Петербурге повозки по образцу пехотных полков. В обоз новгородские помещики пожертвовали 500 лошадей, 150 были прикуплены. Для приготовления пищи в каждую дружину были выданы по 32 котла, большая часть которых — медные, остальные — чугунные. Были отправлены и медикаменты, закупленные в Петербурге. Все расходы делались из сумм пожертвований на ополчение.

Первые две бригады Новгородского ополчения направлялись на фронт для поддержки корпуса генерала-от-кавалерии графа П.Х. Витгенштейна. Путь лежал на Себеж через Великие Луки.

Первой выступила в поход 14 сентября бригада под командованием С.Г. Головина. 22 сентября выступила бригада А.А. Погребова, 17 октября — Д.П. Десятова, 17 ноября — бригада Н.П. Дирина.

5 октября бригада полковника А.А. Погребова прибыла в Великие Луки. Там её ожидало распоряжение сенатора А.А. Бибикова, начальника С.-Петербургского ополчения, выступить на Полоцк.

По воспоминаниям Р. Зотова, останавливавшегося в Великих Луках с Петербургским ополчением недель раньше, здесь ожидали ратников баня, отдых, возможность сделать покупки про запас. Купец, отпустивший сахар бесплатно, пояснил: «нашим защитникам. Мы до вашего прихода положили между собою не брать с вас ни за что денег...»

После Великих Лук уже не будет у ополченцев домашнего тепла и ночлега. При расположении биваков назначались дежурные: один дружинный начальник и два штабс-офицера. А в каждой дружине выделялся пикет из 60 воинов при двух офицерах. Во всем соблюдался строгий воинский порядок, людям внушалась важность и необходимость караула.

Пока Новгородское ополчение держало путь к Полоцку, С.-Петербургское приняло возле этого города свое боевое кре-

чение. Бои за Полоцк длились с переменным успехом около трех месяцев. Корпус Витгенштейна своими активными действиями отвлекал значительные силы противника. В конце сентября русские войска получили в подкрепление несколько соединений С.-Петербургского ополчения. Несколько позднее подойдут новгородцы.

Сражение за Полоцк подробно описано в исторической литературе, поэтому нет нужды особо останавливаться на боевых действиях. Приведу лишь высказывание Дениса Давыдова об этом сражении: «Граф Витгенштейн обязан был взятием Полоцка ополчению, коим предводительствовал действительный статский советник Мордвинов, которому здесь неприятельское ядро раздробило ногу. Уже было послано войскам приказание отступать, но ратники воспротивились, и Витгенштейн, вынужденный их поддержать, овладел городом».

11 октября подошла первая бригада Новгородского ополчения, и с этого времени петербургские и новгородские ратники будут сражаться бок о бок. Правда, первые подошедшие три дружины новгородцев вместе с 12-й дружиной С.-Петербургского ополчения были оставлены в Полоцке в качестве военного гарнизона.

Бригада полковника А.А. Погребова прибыла в Полоцк 17 октября. Здесь она пополнила запасы продовольствия, вооружения. Пришлось задержаться из-за неисправного моста через Двину. Наконец, в полдень 27 октября новгородцы выступили из Полоцка. К бригаде были прикомандированы три батарейных орудия 14-й артиллерийской бригады. В городе по приказанию коменданта Николаева осталась пятая дружина: для различных работ и препровождения пленных. Маршрута у бригады не было, и А.А. Погребов двинулся ближайшим путём через село Красное в Чашники.

31 числа вторая бригада Новгородского ополчения прибыла в Чашники. Ее встретил начальник обоих ополчений сенатор А.А. Бибииков. Как писал впоследствии В.И. Штейнгель, сенатор «изъявил удовольствие свое начальнику бригады за порядок и устройство, и за ту бодрость и веселость воинского духа, какая в сих новых воинах были им замечены, присовокупив при том уверенность свою, что они не упустят сравниться с воинами С.-Петербургского ополчения».

С тяжелыми боями французские войска отступали из России. Далеко осталась сгоревшая, но не покорившаяся Москва. Сражения шли уже на белорусской земле. 1 ноября авангард генерал-майора В.М. Яшвиля был атакован у села Аксенцы кавалерией противника. Русские отошли к Хороброву. 2 ноября началось сражение, в котором Новгородское ополчение получило боевое крещение. Войска французского принца Вик-

тора беспрестанно атаквали центральную часть русского войска. Французы стремились овладеть главной батареей русских, которая располагалась на возвышенности позади деревни Смоляны.

Шесть раз Смоляны переходили из рук в руки, но в конце концов остались у русских. Из-за больших потерь шестая дружина С.-Петербургского ополчения была заменена второй дружиной новгородцев. В этом сражении воины ополчения снова показали свое мужество, бесстрашие и стойкость. Граф П.Х. Витгенштейн, убедившись в деле под Полоцком в храбрости и мужестве ополченцев, распорядился, чтобы дружины ратников во время битвы размещались по строевым

полкам и составляли их резерв.

10 ноября корпус П.Х. Витгенштейна выступил из Чашников. Передовой отряд под командованием генерал-майора Властова настиг у села Батурина французскую дивизию и нанёс ей большие потери. В бою был захвачен полковник гусарского полка из конницы принца Виктора. Пленный сообщил, что к Борисуву прибыл Наполеон. Его войска под прикрытием корпуса Виктора должны пере-

«Сражение за Полоцк 5-6 октября 1812 г.»
Гравюра Д. Скотти по рисунку С. Карделли. 1814 г.

правляться через реку Березину.

15 ноября корпус П.Х. Витгенштейна выступил к Борису-ву. В его составе находились и дружины Новгородского ополчения. Авангард под командованием генерала Ф.Ф. Штейнгеля отрезал часть арьергарда французских войск, а вечером у Старого Борисова началось одно из решительных сражений кампании.

При его описании источники часто пользуются воспоминаниями В.И. Штейнгеля. Сдержанным слогом военного человека, почти донесением описал он тот памятный день: «Новгородского ополчения 4-я и 6-я дружины ноября 15 числа показали ясно, что они не уступают в храбрости лучшим войскам, особливо, когда предводимы столь мужественными начальниками, каковы полковник Погребов и флота лейтенант Бровцын. Первый из них, будучи всегда впереди, и получив 8 ран пулями и штыками, вскоре испустил геройский дух, благословляя своё Отечество».

Командование дружиной он успел передать майору Николаю Прокофьевичу Фетцову, который доносил 17 ноября генерал-майору Е.И. Властову:

«Находясь под командою бригадного начальника Новгородского ополчения полковника и кавалера Погребова с 4-ю дружиной в авангарде при занятии Старого Борисова и прогнания неприятеля сего месяца 15-го числа и за полученную раную г. полковника Погребова остался я старшим по 4-й дружине, и 16-го числа с оною дружиною сего же месяца быв

сражении в стрелках на левом фланге, в котором убито урядников 2, воинов 18, раненых: зауряд-майор Фетцов, обер-офицеров 2, мичман Давыдов, шихмейстер Цимерман, раненых урядников 4, воинов раненых 80, безвестных 30, о чём Вашему превосходительству честь имею донести и представить, что чиновники вверенной мне дружины, быв в сражении 15 и 16-го числа с.м. по усердию своему к службе, мужеству и неустрашимости, подавая пример воинам, заслуживают монаршего внимания».

Пока шло яростное сражение у Старого Борисова, совсем рядом, у Студянки, шла в это время переправа Великой армии. Знаменитая переправа через Березину. Армия Витгенштейна, потеряв из-за нерешительности командующего оперативное время, рвалась наверстать упущенное: из-под рук уходил император Франции. Корпус маршала Виктора из всех сил старался удержать русские войска, чтобы дать возможность переправиться большому числу воинских подразделений.

...Война всегда противоестественна человеческому существу. Она разрушает не только создания рук человеческих — разрушает самого человека, лишая его разума и жизни. В истории войн случались такие яркие моменты, апофеозы, в которых наиболее обнажённо проявлялась страшная сущность войны. Одним из таких моментов можно считать и переправу французских войск через Березину в ноябре 1812 года.

В последние дни месяца часто шел снег. Поля и леса были затянуты белой пеленой. И на этой белизне ясно различалась мрачная, наполовину замерзшая река. Вот как вспоминает ту переправу один из оставшихся в живых французский офицер из штаба армии принца Виктора — Лабом:

«Какой ужасный вид представляли эти люди, изнуренные бедствиями, скученные в одно место; это ли та армия, которая два месяца тому назад с триумфом заняла половину самой обширной империи? Наши солдаты, бледные, разбитые, умирающие от холода и голода, прикрываясь от стужи какими-то лохмотьями от когда-то существовавших шуб или наполовину сожженными бараными шкурами, жались, дрожа от холода, друг к другу по берегу реки.

Немцы, поляки, итальянцы, испанцы, кроаты, швейцарцы, португальцы, далматы и французы, перемешавшись друг с другом, кричали, перекликались и ругались каждый на своем языке...

Люди дрались за кусок хлеба... Часто можно было слышать, как люди, бывшие, несмотря на разницу положения, до сих пор друзьями, теперь ссорились из-за пучка соломы или из-за куска конины, который они вырезывали для себя. Этот поход был тем более страшен, что совершенно исказил наши характеры, и у нас появились пороки, чуждые нам до сих пор».

Как свидетельствуют современники, император Франции переправился через Березину 27 ноября в 6 часов, оставляя на том берегу невероятное смятение. «Русские завладели местом сражения, переправа была окончена, и мертвая тишина сменила страшный шум».

Для преследования врага следовало восстановить переправу. Эта работа легла на плечи ополченцев. Целый день ушёл только на расчистку пространства перед мостом — огромная площадь была загромождена брошенным обозом

противника: колясками, дорожками, фурами, повозками. И на каждом шагу — убитые и раненые.

Переправившись через Березину, войска Витгенштейна соединились 20 ноября с армией П.В. Чичагова, который вёл боевые действия на правом берегу Березины. Неудача наших войск в сражении на Березинской переправе, давшая возможность Наполеону переправиться с основной частью войск, объясняется историками «нерешительностью Витгенштейна, ошибкой Чичагова, введённого в заблуждение местом переправы, и несогласованностью в действиях обоих командующих».

Некоторое время обе армии параллельно преследовали отступающую армию неприятеля. Но после Сморгони, где стало известно, что Наполеон тайно уехал во Францию, войска П.Х. Витгенштейна стали преследовать корпус Макдональда, отступающего из Риги.

17 декабря корпус П.Х. Витгенштейна вышел на границу с Пруссией. Русские войска заняли Юрбург. Потери Новгородского ополчения совместно с С.-Петербургским к этому времени составили убитыми 814 человек, пропавшими без вести — 710, ранеными — 1524 человека.

Война переместилась в Европу. Начался заграничный поход русской армии.

«РЕВНУЯ К ОБЩЕЙ ПРЕДАННОСТИ...»

Замечательную страницу в историю Новгородского ополчения вписали жители губернии, те, что остались в домах своих. Они взяли на себя основную часть содержания и снабжения в течение года 10526 (по другим данным — 10142) человек ополчения. Средства собирались в любых видах и исчислениях: ассигнациями, драгоценностями, утварью из серебра и золота, фуражом, поставкой лошадей...

Новгородское купечество решило содействовать всенародной борьбе с врагом материальной поддержкой. На совещании представителей со всей губернии было положено сделать вклад на военные надобности до 200 тысяч рублей. Новгородское городское купечество на своем собрании решило собрать и внести 50000 рублей. Сборы определялись относительно с капиталом каждого. Расклад был доверен депутатам — Александру Ивановичу Лухину, Андрею Ивановичу Сиговикову, Василию Борисовичу Тарасову и Петру Петровичу Кошкину. Сбор разложили на 96 лиц. Наибольшая сумма вклада составила 2000 рублей, наименьшая — 100.

Более щедрыми оказались старорусские купцы: Епифан Андреевич Кучков положил 3000, Павел Бычарин, Александр Иванович Севериков, Иван Григорьевич Сыромятников пожаловали по 5000 рублей, а Михаил Феоктистович Сомров пожертвовал на военные надобности 7000 рублей. По тем временам сумма весьма изрядная.

Сделало свой вклад «на алтарь Отечества» и новгородское духовенство. Сохранилась ведомость пожертвований за 12 августа 1812 года, по которой значилось серебряных вещей весом тридцать семь фунтов одиннадцать золотников. Денег государственными ассигнациями 3050 рублей и билет Московского Опекунского Совета на 20000 рублей.

По отдельной ведомости сдали пожертвования настоятели монастырей и духовенство Новгородского уезда. Общая

сумма составила 5312 рублей 5 копеек да серебряных вещей весом один фунт 39 золотников.

Приведу некоторые суммы пожертвований, чтобы можно было их сравнить и сделать определенные выводы о щедрости «руки дающего».

Игуменья Новгородского Духова девичьего монастыря лично от себя внесла 25 рублей, столько же выделила из своих доходов игуменья Десятинного девичьего монастыря. Регент Антониевского монастыря сдал 100 рублей, архимандрит Сковородского монастыря Гedeон пожертвовал свое годовое жалование — 200 рублей.

По 25 рублей внесли учителя Новгородской духовной семинарии иеромонахи Вениамин и Федор Барсов. Пономари Андрей Тарасов и Афанасий Иванов — по 5 рублей, столько же и учитель семинарии Алексей Резанов.

Приведу ещё один документ — расписку губернатора П.И. Сумарокова от 2 августа 1812 года. Язык ее столь красноречив, что не хочется давать в изложении — пусть читатели почувствуют аромат стиля и эпохи. «Савино-Вишерского монастыря строитель* Исааф из фамилии Аничковых, ревнуя к общей преданности государю и Отечеству, взнёс от себя на временное ополчение пятьсот рублей».

Сумма взносов на народное ополчение, которая находилась в казённой палате, постоянно колебалась: шло отчисление на провиант и жалование ратникам, ушедшим далеко от родной земли. Всё время шло поступление новых средств.

16 сентября поступило 450 рублей от Крестецкого городского общества. Вот появилось имя графа Ливена, который в 1807 году присутствовал на встрече императоров в Тильзите. Граф пожертвовал половину годовой суммы, полученной им за орден Св. Иоанна Иерусалимского — 560 рублей.

14 сентября старорусский купец Иван Мясников сдал в казённую палату 17200 рублей. Со старорусским уездным казначеем Осиповым поступило ещё 20150 рублей, пожертвованных жителями города.

Начальник Новгородской казённой палаты Алексей Шленов регулярно представлял губернатору отчёты о наличии сумм, поступающих на надобности народного ополчения.

Средства регулярно отправлялись на фронт — для выплаты жалования офицерами и ополченцам. На них же шла закупка лошадей и фуража. Почта в те времена ещё не оказывала всесторонних услуг, к которым мы так привыкли сегодня. Поэтому деньги в действующую армию отправлялись на-

личными с откомандированными офицерами. Например, 8 октября 1812 года адъютант генерала Свечина подпоручик А.Д. Тырков получил под расписку 50000 рублей для доставки их к Главнокомандующему II-го округа ополчения барону Меллер-Закомельскому.

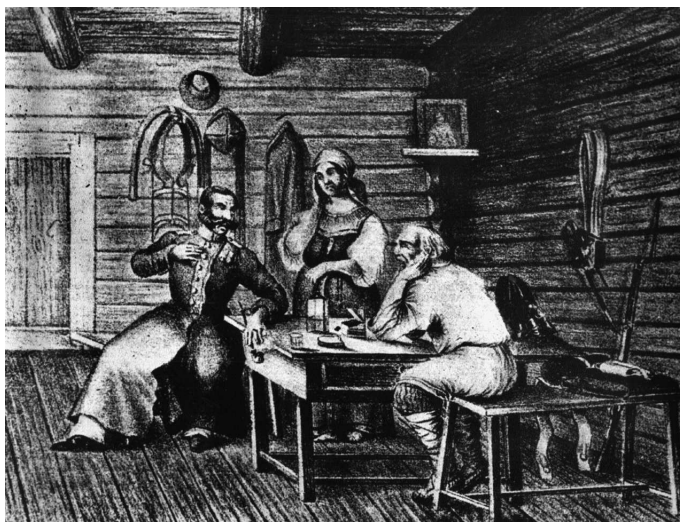
ЗАГРАНИЧНЫЙ ПОХОД

Бросив на Березине свою истерзанную армию, Наполеон бежал во Францию, где за короткий срок сумел снова собрать полумиллионное войско. Поэтому, когда русские дивизии 1 января 1813 года перешли границу, их ожидала впереди вну-

шительная сила противника. Врага следовало уничтожить окончательно, чтобы агрессия не могла повториться.

В кампании 1813–1814 годов русские армии выполняли освободительную миссию, спасая народы Западной Европы от французского нашествия. Минувшие сражения преобразили русское войско.

«...Смотря теперь на солдат наших, отличающихся не одними минутными порывами храбрости, но постоянным мужеством, твёрдостью духа и безропотным терпением, нельзя не признать, что

Ратник ополчения в крестьянской избе. Лубок 1814 г.

война образует войско.

В течение священной Отечественной войны и настоящего похода за границу солдаты наши совершенно привыкли к трудам и опасностям. Они бодры, терпя голод и нужду; в самом пылу сражения, под ядрами и гранатами, наблюдают совершенную стройность в движениях и, отступая, уверены в победе. Всего важнее то, что солдаты наши вовсе перестали бояться французов».

Так писал о русских солдатах Фёдор Глинка. Эти слова с полным правом можно отнести и к ополченцам, закалившимся в суровых сражениях.

Часть ополчения была оставлена в западных областях России — для ликвидации остатков неприятельского войска, скитавшихся по лесам. Значительная же часть его, в основном С.-Петербургское и Новгородское, в составе корпуса П.Х. Витгенштейна приняла участие в освобождении Пруссии, а затем взяла курс на Данциг: для ликвидации сильной неприятельской группировки, закрепившейся здесь.

28 мая французы предприняли две сильные атаки, выдвинув четыре колонны с 80 орудиями. Ратники стойко отбивали наступление врага и вынудили его отступить. Сражение в этот день длилось шесть часов. Потери противника составили 1,5 тысячи человек. Русские войска не досчитались 250 воинов. В этом сражении геройской смертью погиб начальник первой сводной дружины Новгородского ополчения под-

* Настоятель.

полковник Николай Осипович Ушаков.

Осаду Данцига подробно описал в своих записках В.И. Штейнгель. Художественное воплощение эти бои получили в книге их участника, впоследствии писателя М.Н. Загоскина — «Русские в 1812 году». О встрече с писателем под Данцигом вспоминает и Р. Зотов: «Это был М.Н. Загоскин... весёлый, остроумный офицер, имеющий все сведения отлично воспитанного человека...»

Сильное сражение у стен Данцига произошло 17 августа. Центр боя оказался у мызы Пицкендорф. Сохранился список штабс- и обер-офицеров, отличившихся в сражении и представленных к награде. Первым стоит в нём имя начальника сводной дружины Новгородского ополчения Дмитрия Сергеевича Жеребцова. Во время атаки он своими разумными действиями способствовал успеху: «Поощрял воинов к храбрости и неустрашимости, будучи на всяком шагу сам примером».

Полковнику Д.П. Десятову было поручено удерживать фланг Пицкендорфской позиции. Он исполнил приказание «с величайшей расторопностью и мужеством и заслуживает награды».

Среди отличившихся в атаке 17 августа — подполковник князь А.Е. Мышецкий, капитан второго ранга В.Я. Деревицкий, капитан второго ранга С.М. Бровцын, майор Н.А. Лупандин, майор В.И. Козлянинов, штабс-капитан А.А. Чапыжников.

В сражении 17 августа противник понёс потери только убитыми до 1600 человек. Большие потери несло и ополчение. Но не столько от вражеских пуль и картечи, сколько от преступного отношения армейских чиновников к обеспечению ратников обмундированием и продовольствием. Об этом рассказал один из первых историографов Отечественной войны А. Михайловский-Данилевский: «На биваках, заливаемых водой, дружинники не имели другого прикрытия от холода, кроме изорванных армяков. Почти без рубах и обуви всякую ночь стояли они в колоннах или траншеях по колено в воде, всегда в ружье и ежечасной готовности к смерти. Они несли службу на передовых местах с большой осторожностью, нежели люди новобранных батальонов, а в траншейных оборонах и открытых действиях с неприятелем ни в чём не уступали старым солдатам».

В сборнике Новгородского общества любителей древности, в выпуске VI за 1912 год были опубликованы два письма начальника второй бригады Новгородского ополчения полковника Дмитрия Петровича Десятова. Он писал их своим родным в Старорусский уезд.

Пожалуй, нынешним читателям интересно прочитать эти письма в том виде, как они были написаны, т. е. без пересказа.

«23 августа 1813 г.

Бивак при блокаде Данцига

Любезный друг и милый брат Николай Петрович!

Письмо твое от 24 марта получил 23 августа. Изяснить я не берусь того чувства, какое ощущал. Да и напрасно бы трудился, ибо надобно быть на моем месте — шататься год по чужой незнакомой стороне и не получать ни одной строчки от кровных своих. Это сверх всякого изяснения и потом найти в одном письме руки всех родных, узнать через оно, что вы все здоровы. Я так обрадовался, что чуть не поехал в Данциг к (Раппу) коменданту в гости, но вспомнил, что он

попотчует неприятным завтраком; то и поехал в свой бивак, тотчас заперся и давай к тебе писать.

Скажу тебе, милый брат, что у нас вот три дня, как беспорывная перестрелка. Начали мы тем, что у него взяли штурмом укрепленный форштат, называемый Ланфурт. Другой, еще ближе к Данцигу, выжгли. Это в нашем отряде на левом фланге. На правом ничего не произошло, а в центре тоже форштат выжгли, называемый Ора, и благодаря царя царей, это трехдневное дело не заставит краснеть русских. Теперь так божуры наши, т. е. французы, стеснены, что кроме крепости негде разгуляться.

Сегодня в 10 часов пополудни открыли с нашего флота кононаду на крепость Вейксельмюнде, да и по сию пору продолжавшуюся. Это надобно видеть, милый друг, а изяснить или написать на бумаге сию ужасную картину мне, кажется, ни один из славных живописцев не может.

Представь себе тысячу или более восемнадцати и 24-фунтовых орудий гремят беспрестанно вот уже часов шесть. Зато теперь мы отдыхаем. Вот теперь поверю, что можно ко всему привыкнуть; ежели бы ты поглядел, как мы все веселы и покойны, совсем не думаем, что как-нибудь отправимся курьером в Елисейские поля.

У нас есть наш белозерский Головин, то он сейчас только сказал: «Превеселая жизнь военных людей. Все смеются, а иногда случится, что не успеешь принять серьезную мину, так и умрешь».

Ежели бог поможет — взять Вейксельмюнде, то недолго и Данциг будет спорить.

Скажу тебе, мой родной, что и в главной армии дела наши, благодаря всевышнему, хороши. Когда кончилось перемирие, то австрийский император соединился с нами, и были сражения, в коих были разбиты французы. О последнем было у нас молебствие, и пальба из пушек 51 выстрел. В реляции напечатано, что 5000 побито, и десять тысяч взято в плен. Вот тебе описание наших трофеев.

Живем, слава богу, здорово и весело. Более потому не скучаем, что все знакомые, коих у сего прилагаю список: Иван Васильевич Свербеев, Всеволод Петрович Козлянинов, это сиречь штаб. Потом обер-офицеры: капитан Моврин, капитан Ступишин ранен пулею в ногу, только очень легко. Мокшеев, штабс-капитан Холопов, бригадный адъютант Мауринов и множество других офицеров, коих ты не знаешь, а я очень коротко с ними познакомился.

Знакомые благодарят, что ты их вспомнил, и кланяются тебе. Но затем прощай, мой истинный друг и милый брат. Желаю тебе быть здоровым. Остаюсь любящий брат

Д. Десятов»

Интересен обратный адрес письма: «В армию, блокирующую Данциг, Новгородского ополчения второй бригады начальнику в селение Мшау...» Письма, по сообщению автора, доходили до них за три недели.

Гарнизон Данцига капитулировал 17 декабря 1813 года. Ключи от сдавшейся крепости отвёз в ставку русской армии командующий Новгородской сводной дружиной генерал-майор Д.С. Жеребцов.

После падения Данцига Главное командование решило распустить народное ополчение по домам, предоставив регу-

лярным войскам право победного марша на Париж. В боях за французскую столицу приняли участие только конные полки Тульского и Украинского ополчения.

22 января 1814 года поступил приказ Александра I по С.-Петербургскому и Новгородскому ополчениям:

«С покорением Данцига признал я нужным распустить по домам ополчение, перенесшее в осадном корпусе необыкновенные труды и неоднократно оказавшее мужество и храбрость в делах с неприятелем.

Во изъявление особенного благоволения моего приказал выдать при сем случае нижним чинам не в зачет жалования по пяти рублей на человека единовременного награждения...»

Пять рублей вместо ожидаемой свободы... О чем думали закаленные в боях воины, получая перед строем царскую подачку? К тому же, не золотом или серебром, а синенькой бумажкой ассигнации... Думали бывалые солдаты о цене жестоких сражений? О разгромленном враге? О том, что императорская благодарность горше обиды? Многие, пожалуй, все, рассчитывали в победный час услышать слова о предоставлении свободы доблестным защитникам Отечества... Всем им предстояло хлебнуть из чаши горького разочарования в царской милости.

«...И ВОЗВРАТИМСЯ В МИРНЫЕ ЖИЛИЩА НАШИ»

В то самое время, когда французские военнопленные отправлялись по домам, в Россию возвращались победители. Возвращались войска действующих армий, возвращались отряды народного ополчения. Весть об их прибытии летела далеко впереди.

19 мая 1814 года псковский губернатор сообщал новгородскому соседу, что через Ковно идет на Псков Новгородское ополчение в числе 3131 человека под командою полковника Д.П. Десятова. Если в Ковно ополченцы были 24 апреля, откуда отпущено им на переходы с остановками 43 дня, то они должны вступить в Новгород 5 июня...

27 мая Псков встречал колонну новгородских ратников. Полковник Десятов отослал в Новгород с нарочным сообщение, что его команда «имеет вступить в Новгород будущего июня 6 числа».

Вместе с этим посланием ушел рапорт и начальника первой колонны флота капитана 2 ранга Девецакого. Он доносил, что движется вместе с войском Десятова и также рассчитывает вступить в Новгород 6 июня. Под командою Девецакого двигалось шесть штаб-офицеров, 72 обер-офицера, 1388 человек нижних чинов. Сверх того — один лекарь, два священника и два причетника.

Путь был нелегким. В колонне Десятова находилось 205 больных. Лошади нуждались в отдыхе. Возвращение в Новгород задерживалось. Оно состоялось 8 июня 1814 года.

В документах архива не удалось обнаружить какого-либо рапорта или описания этой встречи. Но есть не менее интересный документ — рапорт старорусского городничего Толстого, который он представил вице-губернатору Н.Н. Муравьеву:

19 июня 1814 года команда старорусского ополчения в составе 12 обер-офицеров и 203 человек нижних чинов под

предводительством майора Федорова прибыла в Старую Руссу.

«Надлежащая встреча мною сделана, которая происходила следующим образом.

При вступлении в город, мне вверенный, означенного Старорусского ополчения, я с приглашением градских жителей встретил храбрых борцов с поздравлением единодушно с победою и славою. При... встрече каждый из них возглашал «Ура! Да здравствует Государь Император Александр Павлович! Да здравствует избавитель Европы!» И народ восхищался.

По кончании встречи ратоборцы были расставлены на отведенные им квартиры.

На другой день 20-го числа с чиновниками... градской голова служили купечеством и мещанством, желая воздать Господу Богу благодарность, для чего приглася здешнего Спаского монастыря архимандрита, который прибыл с крестным ходом, с духовным и монашествующим причетом на назначенное посреди города место. Сперва освящали воду, служили о убиенных воинах панихиду, а потом благодарственный с коленопреклонением молебен.

А по кончании сего гражданское общество доброхотно за славу и храбрость ополчения угощало яко друзей и братьев своих. А господам офицерам был дан в градском общественном доме обеденный стол...»

Можно предположить, что и в Новгороде была такая же торжественная встреча. После недолгой остановки ополчение разделилось на четыре команды и отправилось «в дома свои». Уже упомянутая старорусская, затем крестецкая команда — 207 человек во главе с подпоручиком И.А. Гордеевым, Боровичская — 542 человека под руководством флота капитана 2 ранга Девецакого и Валдайская — 271 человек под командою штабс-капитана А.Г. Максимова.

29 июня торжественная встреча состоялась в Боровичах. 540 человек нижних чинов возвращались «в первобытное свое состояние». За этим казённым выражением скрыта величайшая трагедия русского крестьянина-воина, защитника и освободителя Отечества: трагедия оставаться крепостным.

Окончив победоносную войну и желая отметить заслуги российских граждан в оказании помощи по разгрому врага, Император издал Манифест от 30 августа 1814 года, в котором, в частности, постановил: «Благородное дворянство наше да украсится бронзовою на Владимирской ленте медалью с тем самым изображением, каковое находится уже на медали, учрежденной на 1812 год».

Новгородская губернская канцелярия получила по распоряжению Министра финансов 1000 бронзовых медалей, 21 из которых была выделена купечеству. Еще тысяча наград была получена «для женского полу».

И только людям простого сословия не выпало никаких наград и почестей.

Медали вручались в Городской думе. 12 купцов при получении сей награды пожертвовали «на содержание инвалидов» 400 рублей. Среди них — Петр Шебякин — 60, Иван Сафьянников — 50, остальные по 20–25 рублей.

Оттремели боевые залпы, утихли полковые оркестры. Ратники возвращены под расписку своим хозяевам. Осталась позади большая военная кампания. «По Новгородскому ополчению отчеты в людях всех десяти уездов кончены и переданы в Новгородскую казенную палату,» — сообщал Военному министру генерал-лейтенант А.Д. Буткевич, член Устроительно-го комитета Петербургского ополчения, — «а таковой же еще переписывается набело, который в скором времени буду иметь честь представить...»

В канун 25-летия Отечественной войны эти дела были подняты из архива и по ним составлены две справки, говоря нынешним языком. Боровицкий помещик капитан И.Д. Горемыкин кратко изложил военный путь Новгородского ополчения.

Архивариус, губернский секретарь Н.К. Захаров, представил бухгалтерский отчет об экономической помощи новгородцев своему ополчению. Приведу несколько наиболее ярких и выразительных цифр.

Вся пожертвованная дворянами и другими сословиями денежная сумма по губернии равнялась 211808 рублей 45 копеек. Если же к ней причислить годовое продовольствие на 10526 человек, жалование урядникам и нижним чинам, поставку фуража, лошадей, медикаментов, то общая сумма в денежном выражении приравнивается к одному миллиону рублей.

Наибольший взнос сделали жители Старорусского уезда — 56720, Новгородского — 50000 рублей.

Участие многих десятков тысяч воинов ополчения в Отечественной войне 1812 года и освободительном походе русской армии 1813–1814 гг. имело не только военное, но и большое политическое значение. В каждом воине-офицере, рядовом солдате или ратнике окрепло чувство национальной гордости за свою родину, которую они спасли от угрозы иноземного порабощения.

Значительным итогом заграничного похода стал и возросший политический кругозор части офицеров и ратников.

На эти обстоятельства указывал впоследствии декабрист А.А. Бестужев: «Наполеон вторгся в Россию, и тогда народ русский впервые ощутил свою силу; тогда-то пробудилось во всех

сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной».

Исход Отечественной войны с необыкновенной отчетливостью выявил вопиющие противоречия между стремлениями и возможностями народа-победителя и его рабским, бесправным прозябанием под тиранической властью царя и помещика.

Сдача крепостных ратников под расписку и по квитанции их прежним господам вызвала законное чувство возмущения. Декабрист П. Каховский писал: «Кончилась война с Наполеоном, мы все надеялись, что император займется внутренним управлением в государстве... И что же? Через 12 лет лишь переменялась форма мундиров гражданских!»

Высказывания декабристов подтвердили, что начальным периодом их революционных взглядов была Отечественная война 1812 года. «Мы были дети 1812 года», — говорил М.И. Муравьев-Апостол. В этих словах выражены политические взгляды передовой части офицерства. Национально-освободительная война взрастила декабристов и обнаружила перед всем миром свободолюбие русских людей.

Вернувшиеся из заграничного похода ратники не желали поступать снова «в свое первобытное состояние». Архивные документы сохранили множество фактов неповиновения, когда ратники «ничему не внемлют и на работу ни на какую идти не хотят». В августе 1814 года новгородский вице-губернатор Н.Н. Муравьев сообщал, что «со времени роспуска ополчения редкий день проходит, чтобы не доходило... взаимных жалоб от воинов, помещиков и их приказчиков».

Правительство обмануло их ожидания и мечты о воле, ограничившись выпуском медалей — единственной награды защитникам Отечества. Пройдет почти полвека, когда их внуки получат право на желанную свободу.

Но народ России навсегда сохранил благодарную память о самоотверженных воинах, простых крестьянах, отстоявших независимость родины в борьбе с иноземным врагом.

Пусть же и нынешние новгородцы гордятся тем, что их далёкие прадеды честно выполнили свой долг перед Отечеством, а значит и перед всеми нами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

1. ГАО. Ф-93 — Новгородская Городская дума.
2. ГАО. Ф-138 — Канцелярия Новгородского губернатора.
3. ГАО. Ф-139 — Новгородское губернское правление.
4. ГАО. Ф-141 — Новгородское губернское дворянское депутатское собрание.
5. ГАО. Ф-418 — Новгородская казенная палата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский В.Г. ПСС. Т. VII. М., 1955.
2. Бабкин В.И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М., 1962.
3. Глинка Ф. Записки. СПб., 1895.

4. Давыдов Д.В. Военные записки. М., 1962.
5. Декабристы. Антология. Т. 2. Л., 1975.
6. Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников. 1812–1815 гг. СПб., 1882.
7. Зотов Р. Рассказы о походах 1812-го и 1813-го годов прапорщика Санкт-Петербургского ополчения. СПб., 1836.
8. Кутузов М.И. М., 1955. Т. IV.
9. Михайловский-Данилевский А. Описание войны 1912 года. Ч. 2. СПб., 1840.
10. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сборник документов. М., 1962.
11. Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. VI. Новгород, 1912.
12. Французы в России. 1812 год в воспоминаниях современников-иностранцев. М., 1912.
13. Штейнгель В.И. Записки относительно похода Санкт-Петербургского ополчения против врагов Отечества. СПб., 1814.

Леонид ЕВДОКИМОВ

XX ВЕК ПОД ЗНАКОМ АВИАЦИИ

Стиль изложения сохранён

ЖИЗНЬ КАЗАЛАСЬ ПРОСТОЙ И ЯСНОЙ

Родился я на переломе двух эпох, в 1917 году, в Новгороде в семье слесаря-водопроводчика. В 1923 поступил в первую советскую школу-семилетку города и в 1930 году окончил ее.

Ещё в школе по возможности работал с отцом учеником по монтажу сантехники и отопления на объектах города и Кречевиц. Опыт, приобретённый тогда, очень помог мне в дальнейшем.

С 1930 года учился в фабрично-заводском училище Северо-Западного пароходства. Наша учеба перемежалась с работой на пароходах. Закончив училище, работал некоторое время помощником механика и механиком третьего разряда на судах.

В 1935 году поступил в Морской техникум Ленинграда. Учеба давалась мне легко: первый курс окончил на «отлично». Время было интересное. Жизненный путь казался простым и ясным. Учебу я совмещал с активной общественной работой — был секретарем комсомольской организации курса.

ВСЕ НА САМОЛЕТ!

В 1936 году в стране прозвучал призыв к молодежи: «Комсомолец! На самолет!» Все комсомольцы проходили призывную комиссию. Я также был призван и зачислен курсантом на курсы усовершенствования технического состава (КУТС) ВВС РККА им. Ворошилова. Имея достаточную техническую подготовку, после сдачи проб по холодной обработке металлов резанием был зачислен на ускоренный курс теоретической подготовки. По данным физкультурного зачета — включен в учебную команду младших командиров своего набора.

По окончании программы обучения мне присвоили воинское звание помощника командира взвода*. Назначили на штатную должность воспитателя-командира — помощника командира взвода. Надо сказать, что в то время в училище много внимания уделялось подготовке и воспитанию культурных, политически грамотных командиров-специалистов военно-воздушных сил страны. Предусматривалось знание хотя бы одного иностранного языка. Строевая подготовка и командные навыки входили в перечень оцениваемых в дипломе предметов.

В личное время каждый обязан был закреплять знания, полученные на уроках по физической подготовке. Сдача норм

комплекса ГТО-2 была обязательной. Нормативы по спортивной подготовке отрабатывались в летних лагерях, в походах на 20 км с полной выкладкой и оружием. Практиковалась сдача норм в противогазах. Строевую подготовку сдавали лично и в группе — в составе класса, роты, батальона. Помимо этого, командиры добивались строевой сколоченности батальонов при движении под звуки оркестра, в движении с оружием — в положении «на плечо» и «к бою». Роты соревновались в строевых смотрах. Успехи на этом поприще отмечались наградами, например, билетами на спектакли в Мариинский оперный театр. Такая школа тренировок значительно помогла мне при подготовке в 1945 году к Параду Победы.

ТЫ ПОМНИШЬ, КАК БЫВАЛО, НАШ РОТНЫЙ ЗАПЕВАЛА

Однажды на строевом смотре на площади Урицкого (ныне Дворцовая) с трибуны раздалась команда: «Батальону майора Иванова пройти повторно — с песней!» У нас был хороший запевала Кошелев, солист хора Центрального Дома Красной Армии Ленинграда. Рота, вдохновленная его голосом, пела увлеченно, с подъемом. Мы прошли с любимой в то время песней «Широка страна моя родная» и заслужили высокую оценку ленинградского партийного руководства и военного командования округа, а главное — получили по пять дополнительных дней к летнему отпуску.

СЛУЖБА В КРЕЧЕВИЦАХ

Для прохождения дальнейшей воинской службы я был направлен в военный городок Кречевицы Новгородской (тогда Ленинградской) области в первую Дальнеразведывательную эскадрилью авиационным техником самолета-разведчика РД-10. Запасным вариантом был ТБ-3.

В Кречевицах еще базировались остатки «тяжелой» третьей бригады.

Однако самолет РД-10 на вооружение не пошел. Поэтому меня направили в группу старшего техника И. Бродского, имевшую на обслуживании самолеты ТБ-3 и Кр-7 — двухмоторный самолет с волнистой обшивкой и с двигателями М-17.

Группа обеспечивала учебные полеты летного состава — как по кругу, так и по маршрутам. Самолеты были переходными, летчиков учили летать на новых скоростных самолетах СБ.

Для нас имело значение, что самолеты были старыми, их крепко «били» при взлете и посадке. Полеты по маршрутам на ТБ-3 были интересней, там нас использовали в качестве бортехников, а моторы стояли такие же — М-17 или М-17-ЭРА(Ф).

* В 1938 году я был выпущен с курсов по первому разряду, что означало денежную единовременную выплату за высокую успеваемость в размере трёх окладов, в звании воентехника 2-го разряда.

Нашими ремонтными работами вскоре заинтересовался старший инженер гарнизона Коврыжников — очень хороший специалист, с большим опытом. В авиации работал с 1916 года. Помню, как работая с нашей группой, он делился своим опытом и воспоминаниями. Первые самолеты Коврыжников изучил еще в царской армии. У генерала Юденича его группа механиков была поставлена готовить к полетам прибывшие из-за границы самолеты. Установленные на платформах состава, заправленные горючим, они должны были вскоре начать разведку и бомбежку. Был Коврыжников из рабочих, сочувствовал революции. Поэтому решил угнать самолеты в Петроград. Что и сделал рано утром, запустив двигатель крайнего самолета. Большая скорость состава и страшный шум двигателя заставляли обслуживающих железную дорогу чинов немедленно открывать «зеленую улицу» составу до самого Петрограда. За совершенный подвиг он был принят в Красную эскадрилью и награжден одним из первых в РККА орденом Красного Знамени.

Коврыжников предложил мне перейти в 24-й авиаполк, так как в 1-й Дальне-разведывательной эскадрилье я был за штатом. Во 2-й эскадрилье полка планировалось для подготовки молодого летного состава сменить переднюю боевую кабину самолета СБ на специальную учебную со спаренным управлением. Руководить работами и обучением должен был один из опытных летчиков. Ему я и представился. Пожилой летчик, старший лейтенант Простолупов меня несколько удивил своим возрастом. Он это заметил и дал небольшую справку о себе. Он — летчик еще со времен царской авиации. По происхождению — дворянин. Летал на всех типах самолетов. Носил две шпалы, но при последней переаттестации по образованию потянул только на старшего лейтенанта.

Мне поручалось выполнить замену кабины и переделку СБ в УСБ, за чем следить будет сам Коврыжников. В дальнейшем я стал техником этого самолета, а помогали мне во всех делах два механика.

Работать пришлось много. Полеты проходили днем и ночью. Я получил большую практику обслуживания УСБ, что мне очень пригодились, особенно в начавшейся войне с белофиннами, а затем и в Великой Отечественной войне.

Поскольку я заметно отличался в лучшую сторону от остальных техников в вопросах эксплуатации и ремонта самолетов, мне стали часто поручать задания, связанные с выездом. Наиболее памятным был выезд со старшим техником Иваном Петровичем Петровым для подготовки полевого аэродрома в преддверии войны с Финляндией в район поселка Касимово.

Я уже говорил, что поселок Кречевицы был мне знаком еще со школы: отец в период строительства аэродрома в 1929–1930 годах имел «подряд» на обеспечение водопроводом лет-

но-технических зданий. В Кречевицы тогда можно было приехать на поезде утром рано, а еще имелась связь по реке на пароходе.

В Новгороде жили мои родные. Однако приказ о направлении меня в Кречевицы был связан с только что полученной специальностью техника разведывательного самолета.

Прибывающей в городок молодежи из-за отсутствия жилья разрешалось поселение на частных квартирах и в ближайших деревнях: Стрелка и Слутка. В дальнейшем было создано общежитие, и поселение в него стало обязатель-

ным для военнослужащих, не выслуживших четыре года. Кречевицы были отдельным гарнизоном и выезд за его пределы разрешался только по увольнительным с разрешения командира эскадрильи.

Несмотря на затруднения с выездом в Новгород, основным «поставщиком жен» для неженатых был город. В городке был дом для командиров. Там устраивалось кино, концерты самодеятельности, но местных девушек было мало. В Новгороде же были учебные заведения — учительский институт, медицинское училище и т. д. Как правило, после рабочего дня в субботу и воскресенье в городе полно гуляющих в красивой авиационной форме летчиков: в летнем саду, на «горке», где гремела музыка и танцевали, в районе студенческих общежитий.

Девушки-телефонистки, обеспечивающие связь с городком, были сами кров-

но заинтересованы в том, чтобы их «подопечные» не пострадали по службе, а потому всегда находились в курсе того, что делается в Кречевицах, и места сосредоточения молодежи немедленно оповещались в случае тревоги. Тутчас каждый возвращался в часть как умел. Я обычно ездил в город на велосипеде, так что через сорок минут бывал дома.

Должен отметить, что боевая подготовка личного состава проводилась на высоком уровне, как и командирская выучка, отдельно — летного и технического составов, и совместно — политическая и строевая подготовка, а также по изучению техники. В неделю проводилось два летных дня, а между ними шла работа всего состава на технике, предполетная подготовка. Вождение самолета «по приборам» отрабатывалось ночью на УСБ под колпаком.

Тем временем самолеты СБ реконструировались. За новыми мы ездили в Москву на завод. Однажды были свидетелями того, как ворота выпускного цеха не открывались два дня. На третий день на аэродром у завода прибыла японская делегация. Пока им показывали завод, начался «обычный» ритмичный выпуск готовых самолетов. Самолеты тракторами выводились через определенные промежутки времени «с конвейера». Их сразу же готовили к полету, летчики садились в кабины, пробовали двигатели и шли на взлет. Возвратившиеся из полета самолеты ставились на линию сдачи. За тот ра-

Капитан Леонид Николаевич Евдокимов в «парадном» мундире. 24 июня 1945 г.

бочий день самолетов готовых на сдачу оказалось в два раза больше, чем обычно. Однако нам самолеты выдали только на следующий день.

Если так же «с умом» японской делегации демонстрировали возможности танковых и артиллерийских заводов, да учитывая наш успех на Халхин-Голе, то ясно, почему японцы затем не торопились с поддержкой немцев в Великую Отечественную войну.

Не знаю, как вся Красная Армия, но наш полк был, в основном, хорошо подготовлен, летный состав имел большой налет часов. Экипажи отрабатывали полеты строем, вожделение по маршруту и стрельбу по конусам.

КАВАЛЕРИЙСКИЙ НАСКОК

Полк участвовал в воздушных парадах в столице. Участвовал в учениях. Особенно памятни были учения, проводившиеся в гарнизоне, на которых присутствовало руководство Красной Армии во главе с маршалом К.Е. Ворошиловым.

Проходили они так. Кавалерийский полк (любимая С.М. Буденным кавалерия) «захватил» городок Кречевицы. В плен были взяты технический состав, связисты, дежурный по полетам и т. п. Планировался захват летного состава и техники после возвращения их из боевого вылета. С.М. Буденный был очень доволен действиями кавалерии. Уже показался над полем летный эшелон. Командир провел полк над аэродромом.

Но, видимо, руководители учения и командование кавалерии были опьянены легким успехом и поплатились за это. Подвела мелочь: на старте остался «крест». Увидев его, полк сделал второй круг — знак «запрещение посадки» оставался — и самолеты согласно запасного варианта ушли на другой аэродром. Как потом выяснилось, дежурный красноармеец-стартер прилег в траве на солнце и уснул. Не видел кавалерии, не был обнаружен «захватчиками», а его командир — дежурный по полетам был «взят в плен». Стартер проснулся, но, не получая указаний старшего, «крест» не убрал.

Надо было видеть возмущение руководства учением этим фактом. Неграмотные действия кавалеристов скрыть не удалось.

К.Е. Ворошилову был представлен красноармеец-«герой», уже подготовленный командованием 24-го авиаполка (чтоб лишнего не сболтнул). Честь авиации была спасена. К.Е. Ворошилов вручил стартеру часы и дал краткосрочный отпуск домой.

Нелепый случай со стартером послужил причиной появления в командирской учебе раздела «Вопросы взаимодействия родов войск». Мы стали изучать тактику танковых войск, артиллерии и других родов войск.

НАЧАЛО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1939 год был очень насыщен событиями. 1 сентября гитлеровская армия начала Вторую мировую войну. Опасаясь нападения на приграничные районы СССР, Красная Армия заняла ряд сопредельных территорий. Вскоре стал необходим и созданный нашей передовой командой полевой аэродром в Касимово. Мы были подготовлены к войне с Финляндией.

В 35 км от Ленинграда проходили финские артиллерийс-

кие позиции, закрытые в построенных по всем современным требованиям дотах. 30 ноября 1939 года наш полк нанес первый удар по «линии Маннергейма». Это был, как учили нас, своевременный удар по подготовленным к войне сооружениям противника.

Первые временные неудачи наземных войск вынудили командование привлечь войска не только Ленинградского военного округа, но и других округов. И успех пришел. Свою лепту в этот успех внес и наш полк. Несмотря на большие морозы, усложнявшие эксплуатацию техники и вооружения, летный состав выполнял по три-четыре, а иногда и пять боевых вылетов в день. Отдельные случаи наших боевых ударов с воздуха были отмечены командованием фронта. За последний удар, когда прорвали «линию Маннергейма», летчики нашей эскадрильи получили боевые награды.

В прорыв ринулись подготовленные свежие войска. 12 марта 1940 года война закончилась. Поставленные войскам задачи были выполнены.

Занятие стран Прибалтики и взятие части финляндских территорий, расположенных вблизи Ленинграда, значительно улучшало наше положение в преддверии Великой Отечественной.

Пришло время подведения итогов войны. Выяснилось, что к серьезным сражениям на современном уровне мы еще были не готовы. Перед войсками во весь рост встала задача укрепления обороноспособности приграничных округов. Необходимость усиления Западного особого военного округа отразилась и на нас. Поскольку 24-й скоростной бомбардировочный полк оценивался командованием положительно, то это и стало причиной его перебазирования на одно из центральных мест в обороне округа — на аэродром Бобруйска.

Здесь, в городке, как всегда, холостяки оказались без квартир и получили разрешение жить на частных квартирах в районе городка Форштадта.

Граница страны отодвинулась на запад. Фронтовая авиация двинулась за нею, а городок Кречевицы принял полки дальней авиации.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

В войну полк вступил в стадии перевооружения. Лучшие летчики и часть технического состава убыли в Казань на переучивание. Но воевать нам все же пришлось на устаревших, изношенных СБ. Командир дивизии генерал-майор Ф.П. Польшин за несколько дней до нападения немцев перебазировал полки в летние лагеря. Мы оказались выдвинутыми на запад, но одновременно выпали из внимания разведки немцев. Поэтому самолеты сохранились численно. Когда до нас добрался «глаз» командования, способного руководить, мы вначале нанесли несколько ощутимых ударов по территории Германии. Так как немцы быстро продвигались, нас, как сохранившиеся боеспособные части, отводили и использовали непосредственно по указаниям Сталина для нанесения ударов по немецким передовым частям, наступающим внутрь страны колоннами.

Каждый удачный налет, каждый день торможения сил вторжения был выигранным сражением. Но прикрыть наши

самолеты-бомбардировщики было нечем — истребителей осталось единицы. Они пытались защитить идущие на посадку бомбардировщики от «мессеров». Мы несли потери и от наземного огня. Цепляясь за каждый аэродром, дошли до Смоленска.

ПЕРЕФОРМИРОВАНИЕ

Здесь, выполняя приказ командира, я сдал 15 самолетов, совершивших посадку на аэродроме формально авиамастерским, хотя сами они уже эвакуировались в тыл. На руках у меня имелось предписание: по сдаче самолетов следовать в Москву, в штаб ВВС. Это был первый выезд с фронта на переформирование. В боях Великой Отечественной войны я участвовал с 24 июня 1941 года по август 1944 года.

Самолеты Пе-2, которыми вооружали полк в тот раз, выпускались в Казани, где имелся 9-й запасной авиационный полк. 24-й авиаполк пятиэскадрильный (по нормам мирного времени) был разделен на два: 24-й авиаполк фронтовой авиации возвращался на Западный фронт, а мой 275-й авиаполк Резерва Главнокомандования подчинялся Ставке.

Пе-2 были грозными боевыми пикировщиками. Могли работать на предельно малых высотах и бить прицельно. Высота сброса зависела от применяемого оружия: мощности бомб, времени до взрыва.

Забегая вперед, скажу, что 24-й Краснознаменный Орловский авиаполк дошел до Берлина. Что касается 275-го авиаполка, то, по просьбе Г.К. Жукова, он был направлен на Ленинградский фронт.

ПОД ЛЕНИНГРАДОМ

В августе маршал Лееб, выполняя приказ Гитлера, начал строить второе кольцо окружения Ленинграда. Большое количество войск двинулось на Мгу, Тихвин. Их встретили доблестные защитники Ленинграда. Сотни тысяч немцев погибли, не выполнив приказ фюрера. Действовавший с внешней стороны кольца 275-й авиаполк наносил мощные удары по коммуникациям. Героический отпор захватчикам оказывали артиллерия фронта и Балтийского флота.

Потери немцев были настолько велики, что они бежали от Тихвина. Однако несли потери и наши войска, и летчики. Прорываясь сквозь огневую завесу наземных орудий ПВО и «Мессершмиттов» в воздухе, они прибывали на аэродром на совершенно выведенных из строя самолетах. Напряжение всего личного состава в период битвы было на пределе. В восстановлении боеспособности машин принимали участие все.

Полк задачу выполнил, впереди надвигались новые. Полк снова отзывали на переформирование, а вскоре он влился в 270-ю авиадивизию.

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА

Следующим большим этапом в жизни 275-го авиаполка стала Сталинградская битва. Вначале войска упорно сопротивляясь, отходили, наконец, немцев остановили на Волге. Длительное время мы действовали со сталинградского аэродрома. В сражении мне удалось выполнить ряд серьезных задач по поддержанию боеспособности полка. Весь период я

выпускал в бой самолет командира. После переформирования был назначен старшим техником звена управления 275-го полка. Это самостоятельное звено обеспечивало боевую работу руководителей, в первую очередь командира. По три вылета в день на бомбежку немецких эшелонов и колонн, двигавшихся к ст. Мга и Тихвину, совершали летчики под командованием Героя Советского Союза М.М. Воронкова. От меня потребовалось детальное знание работы техники, ювелирное выполнение требований инструкций и наставлений.

Наш командир был волевым человеком. Полк водил в бой часто. Такова была особенность действий авиаполка РГК. Перед каждым полетом я проверял работу двигателей, помогал летчику занять его место в кабине, запускал двигатели. Приходилось держать в голове десятки мелочей, чтобы не отвлекать его в этот момент от продумывания плана действий. Перед соскоком с крыла я всегда желал ему удачи и скорой встречи. Во время вылета давал указания техническому составу звена на встречу самолетов и подготовку к новому вылету. Техники были подобраны в полку хорошие, действовали грамотно.

Через полтора часа я уже снова на старте, самолет командира шел на посадку. Командир четко выполнял требования посадки. Он являлся для всех примером. После посадки на пути к месту стоянки выходил, передавал самолет командиру звена, сам контролировал посадку летчиков. И так от вылета к вылету, без происшествий и потерь. Инженер полка не вмешивался в работу звена управления. Иногда личный состав звена использовался для помощи техническому составу. В августе 1942 года я стал коммунистом.

Хорошая работа личного состава звена не раз отмечалась командованием. Это, видимо, повлияло на то, что командир полка, переводимый в новую дивизию после разгрома немцев под Сталинградом, взял с собой нас — несколько человек из 275-го авиаполка во главе со мной.

Началось переформирование соединений. В новую 241-ю дивизию вошли 24-й, 128-й, 779-й авиаполки. Командиром 128-го стал М.М. Воронков. Я снова старший техник звена управления. Дивизия участвовала в ряде наступательных операций. В первую очередь в Орловско-Курском сражении.

Готовились серьезно. Укрепляли инженерно-авиационную службу. Видимо, моя самостоятельная работа была замечена. Меня назначили начальником отдела при старшем инженере.

Однако вскоре стала сказываться нервная нагрузка и переутомления полутора лет войны. Прошел два сражения, да каких! И до конца жизни остаются они со мной. Проснувшись ночью, я вздрагиваю, начинаю думать: «Что-то Воронкова долго нет».

Мой однополчанин механик звена Кузнецов говаривал: «А что старшой! Здорово мы с тобой даем!» Это бывало после выполнения ускоренно серьезного восстановительного ремонта самолетов в период отхода от Воронежа, в степях Донца, под огнем немецких наземных орудий и истребителей. Однажды мы с И.П. Петровым буксировали автомашиной по степи «поднятый» нами самолет и перетаскивали через Донец по резиновому мосту, отбивая нападки наших отступающих артиллеристов, пытавшихся сбросить его в реку, так как он

мешал их быстрому продвижению. Да, нервная у нас была работа. Кузнецов умер после демобилизации молодым — наложил на себя руки. Могила его находится на Рождественском кладбище Новгорода.

В ИНЖЕНЕРНОМ ОТДЕЛЕ

С июля 1943 года я работал в инженерном отделе инженерно-авиационной службы дивизии. В задачах отдела сориентировался быстро. Определил главное направление: совершенствовать систему учета боевой техники, движение документации сверху до исполнителей — технического состава полков. Отдел вел сбор отчетности за боевой день и определял боеспособность техники полков. Ежедневно в 22 часа я являлся в оперативный отдел штаба, где планировалась боевая работа «на завтра» и куда стекались наши сведения по полковому ремонту, по взаимопомощи полков: суточная, текущая и месячная отчетность. Вся работа велась под активным контролем старшего инженера дивизии. Он подписывал документы. Хорошая работа отдела не единожды отмечалась главным инженером 3-го бомбардировочного авиакорпуса. Меня хотели перевести в корпус, но командир дивизии генерал Куриленко и начальник штаба полковник Романов тоже ценили хороших работников. В результате, я был награжден путевкой на подготовительный курс в Академию им. Жуковского. Тем самым признавалось, что я — перспективный работник.

Выпускники Академии им. Жуковского 1951 года — в Ачинском Высшем Авиационном училище. 1958 год. Слева направо: подполковник Клюквин, начальник самолетного цикла Евдокимов, полковник Редька и подполковники Беркович и Образцов

УЧЕБА В АКАДЕМИИ

Подготовительный курс оказался нелегким. Нужно было успешно сдать экзамены. Шла война. Нам приходилось к тому же восстанавливать учебные корпуса, ранее занятые госпиталями, заготавливать топливо, нести караульную службу и т. п. Пригодилась фронтовая привычка работать по 20 часов в сутки. Экзамены я сдал на «хорошо» и «отлично». Учеба в Академии заняла в моей жизни большой период — целых шесть лет.

Из сдавших экзамены был создан батальон. Мы участвовали и в парадах, в торжественно-траурных прохождениях перед мавзолеем. Батальон хорошо подготовленный, отличался организованностью. Он принял участие в Параде Победы 24 июня 1945 года, и на него обратил внимание Верховный Главнокомандующий. При подведении итогов нам дали первое место, а каждому объявили благодарность Сталина.

В 1945 году я был принят на инженерный факультет

Краснознаменной ордена Ленина Военно-воздушной инженерной академии им. проф. Н.Е. Жуковского. Во время учебы мне было присвоено приказом командующего ВВС РККА звание майора авиационно-технической службы.

В АЧИНСКЕ

В 1951 году я окончил академию, меня направили на преподавательскую работу — старшим преподавателем самолетного цикла училища ВВС в Ачинске. Вел новые предметы — аэродинамику больших скоростей и аэродинамические формы скоростных самолетов. В авиацию пришли реактивные двигатели. Мы учились сами, создавали экспериментальную базу, учебники. Основными пособиями были периодическая литература и конспекты. Были созданы аэродинамическая лаборатория с трубой, кинозал, учебные классы.

Программа строилась на знании элементов высшей математики. Прослужив 25 лет, не помню случая, чтобы летательные аппараты в частях сыпались на землю, как гнилые яблоки (как происходит это в нынешних ВВС). Ни один самолет, отправленный в полет мною или подчиненными, не стал причиной гибели экипажа. Секрет прост: четкое знание правил эксплуатации, выполнение требований уставов, наставлений и инструкций, требовательность к подчиненным, к летному составу. Из опыта войны известно, что самолет

не кобыла, шпорой не подгонишь, силы тяги нет — много не маневрируешь.

МОЛОДЫЕ ЛЕТЧИКИ

Иногда молодые летчики проявляли большие способности. Так, в 1938 году в 24-м полку появился младший лейтенант Василий Леонтьев. Мне довелось выпускать его в первые полеты. Чувствовалось — он по-настоящему управляет самолетом. Я ему говорил: «Вася, ты далеко пойдешь». Летал в финскую, в Великую Отечественную, стал Героем Советского Союза. Правда, его не ставили командиром звена. Очень был ершистый. Но летать с ним было безопасно.

«Пятисотка», сброшенная с его самолета, открыла путь пехоте и танкам через «линию Маннергейма» на заключительном этапе. Маршал Тимошенко лично наградил его орденом, присланным в полк с дежурным самолетом.

Хорошим летчиком был Челпанов. При доукомплектовании полка он стал водить в бой эскадрилью. В ноябре 1941 года погиб. Ему также присвоено звание Героя Советского Союза. Родом Василий Челпанов был из новгородского Холма.

Из кречевицких летчиков большую память оставил комиссар Бецис. Он был хорошим воспитателем. В тридцатые годы И.М. Бециса за боевые заслуги назначили командиром 24-го авиаполка. Позже от друзей-сослуживцев я узнал, что наш лучший комиссар геройски погиб.

По фотографии в альбоме я узнаю командира 2-й эскадрильи 24-го авиаполка в 1938 году — Коломийченко. С ним связана такая история. До нашего полка в Кречевицах стояла тяжелая бригада. В 1938 году, когда я попал в полк, Коломийченко был капитаном, командиром 2-й эскадрильи. На моем УСБ он вывозил летчиков полка. Перед финской войной он взял меня к себе старшим техником 2-го звена 2-й эскадрильи. При расформировании 24-го полка в 1941 году в Казани на два полка он был переведен заместителем командира полка в другой формируемый полк. Погиб он командиром полка на аэродроме при налете немецкой авиации.

В Ачинском училище, выполняя обязанности старшего преподавателя самолетного цикла, по обстоятельствам я больше года работал временно исполняющим должность начальника самолетного цикла. Был награжден орденом Красного Знамени за хорошую работу. Цикл был ведущим в научной и рационализаторской работе. Всего восемь выпусков я сделал с помощниками: И.Д. Капланом, Орловым, Курмазов, Гушлевским, Нестеренко, Латернером и другими.

В ШКОЛЕ № 8 НОВГОРОДА

В 1959 году после некоторого отдыха решил занять должность заместителя директора средней школы №8 в Новгороде, на родине. Военкомат добавил: заместителем директора по военно-патриотическому воспитанию.

В этом качестве я участвовал в переводе школы на 11-летнее обучение. Назначен был завучем по трудовому обучению учащихся на полупроводниковом заводе. Вместе с директором П.В. Волковым мы добивались наличия на производстве школьных линий, цехов и участков. На завод ходило более 500 школьников. Продукцию сдавали в ОТК завода. Школьники получали по нарядам заработанные средства.

За успехи школа получила награды. Среди них Красное знамя в честь 50-летия Октября (два в стране всего вручили). Поощряли и меня: облоно, профсоюз. Знак «Победитель соцсоревнования» вручала мне Т.М. Марова, принявшая дела от П.В. Волкова. В школе отработал 20 лет.

Наша школа имела на ВДНХ свои витрины, демонстрировали успехи школьников. Брак у школьников был меньше, чем в основном производстве. Дисциплина и дома и на улице была отменной. По предложению института Производственного и трудового обучения я выступал в Академии Педагогических наук в Москве. Мы построили под школой стрелковый тир, что позволило успешно выступать на соревнованиях.

Поддерживал военруков и физкультурников. Проводили походы, «Зарницу», поисковую работу, шефствовали над памятником А.К. Панкратову. Был создан музей «Партизанская слава». За эту работу командующие военных округов, Казаков и Кошевой, дважды награждали меня ценными подарками. Я награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За победу над фашистской Германией в 1941-1945 гг.», «Ветеран труда», медалью Жукова и многими юбилейными.

Алексей ПШАНСКИЙ

ВОЙНА, ЖАРКАЯ И ХОЛОДНАЯ

*Прочитайте книгу эту,
Что ведёт к добру и свету,
Нина, Липа и Аркаша!
А придёт с войны папаша —
Вас похвалит и почтенье
Мне воздаст за ваше чтение... —*

Сей дарственный адрес был запечатлен на титульном листе книги избранных произведений С.Т. Аксакова, которую упомянутым детям прислал из Архангельска брат их деда. Было это в те дни, когда отец их сражался на фронтах Первой мировой (или, как ее называли еще, Империалистической). С тех пор прошло много времени, а в масштабах человеческой жизни — так целая эпоха. В январе этого года младшему из перечисленных детей, ожидавших тогда отца с фронта, Аркадию Ивановичу КОЗЛОВУ, исполнилось 90 лет. Так уж вышло, что на его любимое дело — речной транспорт — пришлось весьма незначительная часть жизни. Зато получилась блестящая военная карьера — от младшего воентехника, выпускника кречевицкого ШМАСа, до командира авиационно-технической дивизии. И во всех своих ипостасях жил, работал и воевал он достойно. Может, это действительно возили семена «разумного, доброго, вечного», посеянные дедовым братом в виде книги, «что ведет к добру и свету». Как у Высоцкого: «Значит, нужные книги ты в детстве читал».

— Наша порода из казенных крестьян, которые еще во времена Ивана Грозного были переселены в Новгородскую землю после опустошительного опричного погрома, — утверждает Аркадий Иванович. — А я родился в 1911 году в собственном моего деда доме № 38 по улице Николаевской. Теперь на фундаменте того дома стоит другой, двухэтажный каменный, точно таких же размеров...

Дед, Василий Дмитриевич — добрый знакомый Василия Степановича Передольского. И дома свои они строили почти одновременно, неподалеку один от другого. Дедова «порода» занималась преимущественно лесом — заготовкой и сплавом. Были, конечно, небольшие хозяйства на собственный прокорм, к которым возвращались на период сенокоса, но основным кормильцем оставался лес. А лесу в те годы требовалось много: достаточно вспомнить, что весь стольный Санкт-Петербург дровами отапливался. И вот на берегах Полы, Ловати, Мсты (где у Козловых были свои лесозаготовки) строились баржи — «мариинки» (от Мариинской водной системы), грузились «швырком» (короткими поленьями, от слова *швырять*) и сплавлялись через Ильмень, Волхов, Ладогу и т. д. до Питера. А там уже и «швырки» выгружались, и «мариинки» на такие же «швырки» распиливались. Этим занималась почти вся родня, а была она обширною. Аркадий Иванович помнит даже свою прабабушку, дожившую до 107 лет. Прабабушку выдавала замуж помещица Зурова, еще «барской волей», и, кстати, если годы сопоставить, то очень может быть, что это та самая Екатерина Александровна Зурова (бывшая графиня Стройновская, в девичестве Буткевич), хозяйка имения Налючи, подозреваемая, наряду со многими другими в том, что явилась прообразом Тани Лариной...

Первая мировая, а еще более революция, нарушили во многом привычный жизненный уклад многочисленного клана, однако самого его, крепко спаянного, не разбила. Люди это были (несмотря на занятия сплавом леса) достаточно образованные, знавшие литературу, музыку, даже языки, и — как видно из посвящения на томике Аксакова — не чуждые стихотворству. «Порода» крепкая.

ПОЛИТРАБОЧИЙ

Сам же Аркадий Иванович, помыкавший в поисках себя, довольно скоро понял, что его любимое дело — техника. И лучше всего — на реке. Была и армия, и комсомольская работа. И — снова армия, которая началась за год до Финской войны и закончилась через 14 лет после Великой Отечественной. Достаточно долго ходил он в политруках. Был и ранен неоднократно (хотя служил по политчасти, да еще и в авиационно-технических войсках), и контузии имеет. И даже свои подразделения из окружения выводил — когда замыкалось кольцо вокруг наших 5-й и 21-й армий под Киевом. Сам он больше не о себе любит рассказывать — о фронтовых друзьях. О нем самом и без того достаточно красноречиво говорят его боевые награды: два ордена Красной Звезды, три — Отечественной войны, чехословацкий Военный Крест с Мечами.

В 1945 году «политрабочих», как выражается Аркадий Иванович, к его радости начали сокращать, и он стал наконец напрямую заниматься техническим авиационным обеспечением.

— Для того, чтобы один летчик летал, — поясняет он, — нужно, чтобы на земле добрая сотня человек работала: аэродром, охрана, заправка, механики, метеорология, связь

и еще многое-многое другое. И вот всем этим я командовал.

«Политрабочим» он был тоже в этих войсках, но «всем этим» командовал впервые на полевым аэродроме Скородное, верстах в 30 восточней знаменитой Прохоровки. Там и познакомился с Иваном Григорьевичем Драченко.

— За всю войну было лишь четыре полных кавалера ордена Славы, удостоенных звания Героя Советского Союза. Одного из них, Ивана, я очень хорошо знал — мы и после войны еще встречались. Сам хотел о нем написать, даже начал уже, но — глаза устают быстро... Нет, он не новгородец, и воевал не здесь. Но фигура интереснейшая.

МАСТЕР СВОБОДНОЙ ОХОТЫ

Славу превосходного воздушного бойца Иван Драченко приобрел еще задолго до всех своих орденов Славы, в боях отступлений и сражениях за Москву. Молодой летчик, младший лейтенант, он уверенно и быстро вышел в асы и в составе 1-го гвардейского штурмового авиакорпуса бил немца очень даже чувствительно. Но в один злополучный летний день 1942-го был тяжело ранен и отправлен в госпиталь. Из госпиталя вышел живым, но без одного глаза. Точнее, со стеклянным протезом вместо глаза. Зато с бумажкой, удостоверяющей, что к прохождению дальнейшей службы более не годен. Бумажку Иван Григорьевич, выйдя за ворота, порвал и выбросил, а сам отправился искать свой полк.

Полк этот, которым по-прежнему командовал майор Круглов, он нашел на аэродроме Скородное, что недалеко от Прохоровки. Однополчане не сказанно обрадовались и удивились: все ведь видели, в каком его состоянии из самолета вытаскивали, а тут жив-здоров, и руки-ноги целы.

— Ну, как ты, Иван?

— Что — «как»? Летать буду.

А почему бы и нет? Парень свой, летчик отменный, да и летная книжка в полку (когда в госпиталь увозили — не до книжки было), а значит, и суеты никакой бумажной не потребуется. Попробовали в воздухе — отлично летает. Так и занял он свое же собственное место — как будто и не уезжал.

Была у него страсть — охота. Так называемая «свободная охота». Это когда не задание тебе дают, а территорию: лети в паре с таким же охотником и сам промышляй себе добычу. Более всего любил Иван подходящие к фронту эшелоны. Хотя и другую «дичью» не брезговал. Много крови немцам попортил он и его штурмовик, легендарный ИЛ-2.

А вскоре началась и великая битва на Курской дуге. К тому времени появились уже противотанковые кумулятивные авиабомбы (ПТАБы). Весила каждая бомба всего лишь килограмма два, — таких до 72 штук на кассеты навешать можно было. Упадет одна такая бомбочка на какой-нибудь «тигр» — и прожигает насквозь его тугоплавкую скорлупу вместе со всем содержимым... Славно потрудились тогда летчик Иван Драченко — не зря ведь за бои на Курской дуге ему, одноглазому асу, присваивали награду за наградой. Правда, про стеклянный глаз не знал никто — это была его «военная тайна».

После Курска война медленно, но неизбежно покати-лась на запад. А с нею — и штурмовики майора Круглова. Неизменно выходил из каждодневных боев живым и победившим Иван Драченко. Свою же «военную тайну» хранил свято. И долго: до Висло-Одерской операции.

Стоял тогда полк Круглова на полевым аэродроме, на Сандомирском плацдарме. Перед операцией стали группами в разведку ходить. И вот уже не в «свободной охоте», а в группе летчики начали замечать, что Драченко довольно странно летает. То есть летает он, конечно, дай Бог каждо-

му, но как-то необычно: скажем, по логике следует в левый пеленг переходить, а он — в правый... Спрашивали, в чем дело — молчит или отшучивается.

Но попался один Пинкертон от военной медицины. Ходил он вокруг да около, приглядывался, и наконец поставил обличительный диагноз: один глаз у героя — не настоящий!

Горю Ивана не было предела. Он даже когда глаза лишился, наверное, так не переживал. Не дали ему долетать до

Июнь 1944 г. Аэродром Сбараж (Западная Украина). Слева — майор А.И. Козлов — командир авиабазы

конца войны: списали...

Но ведь это как жить и воевать нужно, чтобы почти за два года боев, от Курска до Вислы, даже друзья не заметили отсутствия глаза! А мог ли враг предположить, что бьет его ежедневно и успешно всего лишь одноглазый инвалид, «не годный к дальнейшему прохождению службы»?

Но это — для истории болезни. А в истории Отечественной войны он навсегда останется Героем Советского Союза, полным кавалером ордена Славы, старшим лейтенантом Иваном Григорьевичем Драченко.

НЕГРЫ НА ДУНАЕ

— После войны, до 1947 года, я командовал в Вене авиатехнической дивизией, — рассказывает Аркадий Иванович Козлов. — На моем обеспечении было два аэродрома, но жил я в самой столице. Там я, кстати, наблюдал самое

начало «холодной войны». Хотите, расскажу?..

И Аркадий Иванович начал рассказывать о ... красивой послевоенной жизни в Вене.

Это было начало 1946 года. Война закончилась еще совсем недавно, и в Австрии все страны-союзницы были представлены своими воинскими частями. Отношения между союзниками были самыми теплыми, к чему располагала и сама легкомысленная атмосфера музыкальной столицы Европы. Во дворце императора Франца-Иосифа устроен был наш Дом офицеров, с прекрасным буфетом, бильярдной, прочими удовольствиями, а также с роскошным балльным залом, в котором товарищи наши и господа не наши офицеры имели возможность танцевать с венскими барышнями венский вальс. Приезжали туда и американцы, учиться пить русскую водку. Но куда им: один стакан — и обратно в джип оттаскивают. Комендант английского аэродрома мог, к примеру, запросто приехать к нашему Аркадию Ивановичу — хоть по делам, хоть просто так, поболтать через переводчика. В общем, было все довольно мило и дружелюбно. До того злосчастного парада.

По инициативе сверху было решено на годовщины освобождения от фашистов провести парады в Вене и Берлине. Вену наши войска взяли 13 апреля, но парад назначили почему-то на 24-е. Построили возле Штадтпарка трибуну: с одной стороны — парламент, с другой — императорский дворец. На трибуне — глава правительства Карл Реннер и прочие австрийские шишки, маршал Конев, командующие группами войск, а по улицам — вся Вена. Стоят, ждут.

Первым, после короткого музыкального вступления, прошел батальон американцев. Ладные парни, винтовки несут почему-то на левом плече, как лопаты, и все, как один, жуют. В Европе тогда еще поголовно не жевали, это было в диковинку. Народ удивляется, похихикивает, но — аплодирует.

Далее — англичане. Точнее — шотландцы: в плиссированных юбочках, с волосатыми ногами, в шапочках и при волынках. Прошли, однако же, хорошо. Да и зрелище пес-трое.

Потом по рядам пробежало: «Сейчас козла потащат». И точно: вдали показались французы, а перед строем два здоровенных мужика за веревки, к рогам привязанные, тащили упирающегося козла. Это у них, оказывается, традиция

такая. За козлом следовали остальные французы под марш, сильно смахивающий на опереточный. Но опереттой Вену не удивишь.

После этого наступившую выжидательную тишину нарушили громкие звуки военного марша: большой оркестр — человек сто — тоже в каких-то экзотических мундирах прошлого столетия вышел к трибуне, повернулся и снова заиграл.

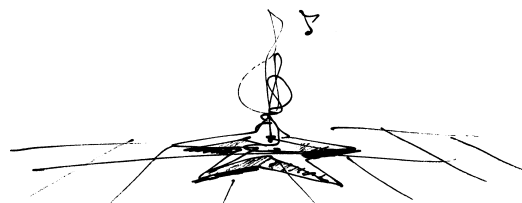
И — площадь затряслась от чеканного шага. Автоматы наперевес, сплошная чешуя медалей и орденов, хромовые сапоги, идеальная слаженность движений, — советский батальон приближался к трибуне. После козлов, мужиков в юбках и жующих оккупантов, после всего этого маскарада — шли победители. И это было понятно. «Кричали женщины «ура» и в воздух чепчики бросали» — это слабо сказано: Вена стонала! Под кованые сапоги летели цветы, платки, ленты, шляпы и прочее, что прилично было с себя снять. И все это тут же впечатывалось в мостовую уверенным и четким парадным шагом. Венцы визжали, кричали «ура», по-русски и по-своему... В общем, это был еще один триумф советских войск в Европе.

После парада отношения между союзниками резко натянулись: прекратились обоюдные визиты в казарму, общие балы и уроки питья. Через неделю все командующие группами войск союзников были отозваны и заменены другими. Все части, базировавшиеся в зонах оккупации Австрии, которые участвовали в войне, убрали и вместо них прислали новые.

Вена почернела от негров. По криминальному градусу она начала походить на современный Лос-Анджелес, если верить американским киношкам. Начались убийства наших офицеров, которые не привыкли пребывать в боевой готовности и кого-то опасаться в веселой Вене. Первого сбросили с моста, нескольких зарезали в метро. Начинался новый, послевоенный этап советско-американских отношений.

— Противостояние начиналось еще там, еще тогда они зло затаили, — завершает свой рассказ Аркадий Иванович. — А потом выступал Джон Фостер Даллес и сказал, что мы, мол, с Советским Союзом воевать и не будем; мы в нем самом найдем людей, которые сделают наше дело...

Мистер Даллес оказался человеком слова: ведь и вправду нашли.

МАТУШКА МАВРИКИЯ

В конце XIX — начале XX века Горицкий Воскресенский девичий монастырь был самым крупным в Новгородской губернии, в нём проживало более 500 насельниц. Однако ещё в начале XIX века население его было в семь раз меньше. Более того, он находился в полуразрушенном

состоянии, а «многие сестры, за неимением средств к существованию, должны были наниматься в подённые работы к крестьянам соседних деревень...»¹. Начало возрождения монастыря было положено в период правления игуменьи Маврикии.

Горицкий Воскресенский девичий монастырь расположен на живописном берегу реки Шексны. Основанный в XVI веке княгиней Ефросинией Старицкой, впоследствии убитой по приказу Ивана Грозного и похороненной здесь же, он на протяжении долгого времени являлся местом ссылки знатных женщин. Здесь томились Иулиания Дмитриевна, урождённая княгиня Полоцкая, две жены Ивана IV — Анна Колтовская и Мария Нагая, дочь царя Бориса — Ксения Годунова, княгиня Черкасская с племянником Михаилом, будущим основателем династии Романовых. Здесь же пребывали в заточении княгиня Мосальская и бывшая невеста Петра II княжна Екатерина Алексеевна Долгорукова. Знатные инокини щедро жертвовали в казну монастыря. Не забывали своими милостями его и монаршие особы. Однако с XVII века, а особенно в XVIII, после учреждения штатов, когда монастырь был приписан к III классу и лишился практически всех своих земельных владений², он пришёл в полный упадок. Свою роль в этом сыграло и то, что монастырь был особножительным, и единственным совместным делом сестёр были лишь общие молитвы и подчинение игуменье. В остальном они проживали особняком: строили на собственные средства себе кельи, некоторые держали прислугу, огороды, «коровьи дворы»³. О пропитании монахини также должны были позаботиться сами, а потому беднейшие были вынуждены наниматься на работу к мирянам или просить милостыню. Известны случаи, когда общим собранием стариц принимались решения об оказании небольшой помощи неимущим сестрам⁴. Отсутствие источников дохода и вкладов привело к оскудению казны,

и к началу XIX века монастырь предстал в плачевном состоянии. Главный храм монастыря — Воскресенский собор, как описывается в летописи Горицкого монастыря, составленной на рубеже XIX и XX веков, стоял со сгнившей крышей. Церкви обветшали, монастырская ограда была заменена деревянным тыном, кельи многих инокинь отапливались по чёрному и стояли без пола и потолков⁵. В это сложное время, а точнее в 1801 году, и поступила в Горицкий монастырь 23-летняя Мария Ходнева, в монашестве получившая имя Маврикии.

Портрет м. Маврикии
(Из кн.: Маврикия Ходнева, игуменья
Горицкого монастыря, в схиме Мария.
С-Пб., 1897).

О ранних годах жизни Маврикии, к сожалению, известно немного. Родилась Мария в день св. Пасхи, 8 апреля 1778 года, в семье небогатого помещика Белозерского уезда Матвея Ивановича Ходнева⁶. С ранних лет девочка отличалась кротким нравом и добротой, охотно ходила в церковь и читала Писание, помогала нуждающимся детям, раздавая им сладости, которые ей давали родители. В 18-летнем возрасте Мария лишилась отца, а спустя год её мать повторно вступила в брак. В биографии отчим описывается, как вспыльчивый и суровый человек, не привыкший к воздержанию и постам. Марии удалось уговорить мать отпустить её жить отдельно «в крестьянской избе». Заметив, что крестьянки, уходя днём на работу, вынуждены оставлять

своих детей одних, девушка стала собирать их у себя и присматривала за ними⁷. Спустя некоторое время она решила поступить в Нижегородский Крестовоздвиженский монастырь, однако мать не согласилась отпустить её так далеко, и, покорная родительской воле, Мария в 1801 году становится послушницей соседнего Воскресенского Горицкого девичьего монастыря.

Поселившись в келье, построенной для неё на средства её матери, Мария сразу активно включилась в монастырскую жизнь. Вставая к утрени, начинавшейся в два часа утра, она в течение целого дня трудилась не покладая рук. Мария присутствовала на всех богослужениях, так как её первым послушанием была должность свечницы, мела и прибирала в церкви после служб. Вечером она готовила пищу для бедных сестёр, которую затем тайно разносила по кельям.

Почтовая открытка начала XX века. С гравюры 1871 года.

Одна из современниц так описывала Марию: «новоначальная монахиня с отъятием власов отвергла от себя всё земное мудрование. Она неусыпно прилежала церковному пению, к молитвам общей и домашней, к посту и послушанию, ходила всегда склоня голову и поникнув очами к земле, умом же возвышалась к Богу». Настоятельница монастыря, матушка Маргарита, сразу полюбила Марию за смирение, кротость и послушание и вскоре предложила принять рясофор, а в 1806 году — полное монашество с именем Маврикия. За свои исключительные качества Маврикия быстро приобрела репутацию честного и справедливого человека, и через некоторое время её назначили казначеей монастыря, а после смерти Маргариты зимой, 1810 года, когда встал вопрос о том, кто же станет новой игуменьей, все монахини единогласно высказались за её кандидатуру. Их выбор поддержал и благочинный монастыря, отец Феофан. Монахиня Маврикия долго не соглашалась стать игуменьей. Она, заливаясь слезами, упала на колени перед благочинным: «Умоляю Вас, батюшка, избавьте меня! ... Я неучёная, и притом же молода в монашестве. Моего ли разума такое послушание?» Просила она и сестёр: «Вы ошибаетесь во мне недостойной, — повторяла она, — моё дело — повиноваться, а начальствовать я не умею. Куда мне повелевать другим: я сама всех хуже и недостойнее»⁸. Но, несмотря на это, епархиальное начальство утвердило её в должности игуменьи, и Маврикия была посвящена в сан в Новгороде епископом Старорусским Иоасафом 11 июля 1811 года.

Став игуменьей, Маврикия поспешила к своему наставнику — главе Кирилло-Новозерского монастыря о. Феофану (Соколову). Ему она рассказала о своей мысли пре-

образовать монастырь в общежительный. Маврикия находила несправедливым и неправильным, что «...одна сестра живёт во всяком изобилии, с рабынями и прислужницами в больших кельях, а другая в ветхой хижине, неусыпно работает, чтобы кусок хлеба себе достать, а иная в старости и немощи питается подавными от своих или от чужих». «Как тут не быть зависти, злоречию, вражде и всякому искушению от врага?»⁹ — вопрошала она. Однако на пути преобразования игуменьи пришлось столкнуться с сильной оппозицией со стороны ряда сестёр. В летописи говорится, что эта идея «...не понравилась многим монахиням и послушницам, привыкшим жить хотя и не в довольстве, но по своему вкусу и обычаю. Многие громко роптали, другие решили совсем выйти из монастыря, так что из 70 насельниц осталось не более 40 сестёр и то большею частью бедных, престарелых и немощных»¹⁰.

Первым общим делом стало учреждение общей трапезы: все личные запасы были сложены в общий амбар, чему пример подала сама игуменья. Вместе с трапезой начались и общие труды. В аренду была взята земля под огороды, а недалеко от монастыря устроен кирпичный завод. Маврикия не только строго контролировала работу сестёр, но и сама была первой работницей повсюду: таскала воду и глину, делала кирпичи. Не было забыто и рукоделие: шили бельё и монашескую одежду, делали обувь. Была создана «рухлядная палата», где хранилась готовая одежда и любая монахиня могла получить её бесплатно. Всякая работа совершалась с молитвой на устах, «чтобы не было... празднословия»¹¹. При этом Маврикия не старалась превратить монастырское хозяйство в коммерческое предприятие (например, она выступала против продажи продуктов и изделий монастырских мастериц на рынке), так как в сильном хозяйстве она видела лишь основу для миссионерской деятельности монастыря. Не накопление богатств являлось её целью, а обеспечение сестёр хлебом насущным, чтобы те, не отвлекаясь на мирские дела, могли служить Богу.

Появляющиеся средства тут же шли в дело, не задерживаясь в казне. По книгам прихода и расхода штатных и неокладных сумм видно, что зачастую у монастыря на конец года в казне оставались лишь копейки¹². Практически все поступающие средства в это время расходовались на пропитание сестёр и проведение ремонтно-восстановительных работ. Как уже говорилось выше, строения монастыря на начало XIX века находились в очень плохом состоянии и нуждались в срочном ремонте. Так, при матушке Маврикии был «исправлен и покрыт железом» Воскресенский собор, к нему пристроена паперть с ризницей. Над могилой основательницы монастыря Ефросиньи построен Троицкий собор, возведена придельная церковь Смоленской Богородицы. Старые деревянные стены заменили на каменные, были построены длинные корпуса келий для сестёр, трапезная палата, мастерские, хлебня, поварня с водопроводом, странноприёмница (гостиница), больница и ряд других зданий.

Растущее благосостояние монастыря и рассказы о благодетельности его настоятельницы вызвали повышение интереса к нему, и монастырь начинает расти: количество живущих в монастыре (монахинь, схимонахинь, послушниц и «проживающих по законным видам») увеличилось в несколько раз и к 1855 году (когда Маврикия оставила должность) составило 299 человек¹³. Земельные владения за время пребывания Маврикии на своём посту также значительно выросли: с четырёх десятин земли, на которых собственно и располагались постройки монастыря, его владения увеличились до следующих размеров: пахотной и огородной земли — 75 дес. 688 саж., сенокосной — 84 дес. 1454 саж., «лесной» — 80 дес. 657 саж. В этом же году бюджет монастыря составил 2 326,38 рублей¹⁴. Горицкая обитель и её настоятельница приобрели широкую известность в Российской империи и при дворе. Маврикия лично была знакома с императором Александром I и императрицами Марией Федоровной и Елизаветой Алексеевной, неоднократно получала от них награды и подарки. Так, Александр I ей была подарена плащаница, Николаем I — крест, осыпанный бриллиантами, а императрицей Марией Федоровной — Евангелие. Заслуги старицы были оценены по достоинству епархиальным начальством и св. Синодом. В 1841 году её наградили наперстным золотым крестом. В 1840 и 1843 году она была удостоена архипастырского благословения, в 1851 и 1853 году — благословения митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Никанора, а 11 мая 1853 года на её имя пришло благословение св. Синода¹⁵. Многие люди специально приезжали в Горицы, чтобы познакомиться с ней и получить её благословение.

Сохранилось несколько описаний современников, побывавших у Маврикии по тем или иным причинам. Вот как её описывает архимандрит Пимен (Мясников) в 1831 году: «...на вид ей можно было дать лет 55 или более. (В то время ей было 53 года — А.С.) Роста она была среднего, довольно худощавая, но лицо имела круглое, голову держала наклоненною, постоянно перебирала в руках шерстяные чётки, одежду носила самую простую, нисколько не отличавшуюся от одежды прочих сестёр обители. Она говорила весьма тихо, не возвышая голоса, была вообще молчалива, ограничиваясь при разговоре точными ответами и редко сама делала какие-нибудь вопросы»¹⁶. А вот другое описание, сделанное путешественником Муравьевым А.Н., побывавшем в Горицком монастыре в 1854 году: «Две послушницы возвели осьмидесятилетнюю старицу на церковное крыльцо, и я изумился её бодрости в такие преклонные годы. ... Трогательно было её смирение: ничего не приписывала она себе, хотя всё, можно сказать, было делом рук её, и беспрестанно отговаривалась своим невежеством и простотою. ... «Много ли вы сами тут трудились?» — спросил я у игуменьи. «Умела я шить в своё время», — отвечала она. ... Она хотела непременно всюду за мною следовать, и её как бы несли на руках по монастырю, потому что кости её, по выражению псаломскому, «яко сушило

сосохшася», и только бодрость духовная оживляла это обветшалое тело. ... (В больнице) нельзя было без умиления смотреть, как все болящие встречали свою мать игуменью, ... все желали поцеловать её руку, одна многолетняя страдалка, прикованная к одру болезни, просила только, чтобы игуменья подошла к перегородке, дабы могла на неё взглянуть: такую общую любовь и уважение умела она возбудить во всех, без различия возраста и звания»¹⁷. В рапорте на имя благочинного монастыря, настоятеля Кирилло-Белозерского монастыря архимандрита Варлаама от 4 июля 1852 года игуменья приводит некоторые цифры, по которым мы можем судить о размерах благотворительной деятельности монастыря. Согласно этим данным, в монастырской больнице «в течение года пользовались призрением и домашним врачеванием от 25 до 40 человек», а кроме того «питалось в монастыре мирских людей, сирот и бедных каждодневно от 30 до 100 человек»¹⁸.

Подвижническая жизнь матери Маврикии и растущая известность Горицкой обители позволили привлечь богатых дарителей и известных женщин, вложивших в казну монастыря свои состояния. Среди последних можно назвать вологодскую дворянку А. Клементьеву с дочерьми, генеральшу А. Готовцеву, княжну П. Хованскую и других. Это позволило укрепить экономическое состояние и поднять престиж монастыря.

В течение долгих 45 лет управляла матушка Маврикия Горицким монастырём. Постоянные труды истощили её силы, и в 1855 году она решила сложить с себя настоятель-

Воскресенский Горицкий женский монастырь.
Почтовая открытка начала XX века

скую должность. Митрополит Никанор, согласившись на просьбу Маврикии, при передаче монастырского хозяйства сказал: «Не затрудняйте себя сдачей монастыря по описи: всё вами приобретено. Не только кто другой, но и я сам не могу ничего от вас требовать»¹⁹. Указ об увольнении на покой Маврикии и назначении игуменьей её ставленицы Арсении Клементьевой последовал 23 декабря 1855 года. Бывшей настоятельнице «во внимание к многолетнему служению и неутомимо ревностным попечением о благососто-

янии обители» было назначено полное содержание и пенсия в 150 рублей серебром²⁰.

Последние годы матушка Маврикия провела в небольшой келье в постах и молитвах. В 1858 она приняла великую схиму с прежним именем Мария. Спокойно смотрела она на приближавшийся конец земного пути. «Как желала

бы я переселиться в будущую жизнь», — говорила она окружающим. Летом 1861 года она заболела, однако отказывалась от врачей и лекарств, уповая исключительно на Божию волю. Маврикия скончалась 18 июля 1861 года на 84 году жизни и была похоронена в Троицком соборе. Так закончилось её 60-летнее служение Богу и людям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Летопись Горицкого монастыря (Публикация Г.О. Ивановой) // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 310.

² Там же. За исключением 4 дес. земли.

³ Там же. С. 305.

⁴ Там же. С. 305.

⁵ Там же. С. 310.

⁶ Маврикия Ходнева, игуменя Горицкого монастыря, в схиме Мария. СПб., 1897.

⁷ Калинин Иоанн. Воскресенский Горицкий Девичий монастырь (Новгородской Епархии) и его подвижницы. Кириллов, 1914. С. 5.

⁸ Маврикия Ходнева игуменя Горицкого монастыря в схиме Мария. СПб., 1897.

⁹ Летопись Горицкого монастыря... С. 311.

¹⁰ Там же. С. 313.

¹¹ Там же. С. 313.

¹² Так, по неокладным суммам остаток от 1850 г. составил 41 копейку, от 1851 г. — 86 копеек, от 1853 — 25 копеек. По штат-

ным суммам остатка не было. ОПИ КБИАХМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 74. 1851. Л. 1–11.

¹³ Ведомость о числе монашествующих и состоящих в послушании, о приходе и расходе и остатке штатных и неокладных сумм и количестве земли за 1855 год. ОПИ КБИАХМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 107.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Ведомость о настоятельнице Новгородской епархии третьеклассного Воскресенского Горицкого девичьего монастыря игуменьи Маврикия за 1855 г. ОПИ КБИАХМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 108.

¹⁶ Архимандрит Пимен. Горицкие старицы. (Публикация А. Тарунова) // Альманах Памятники Отечества. Вып. 30. 1994. С. 172.

¹⁷ Муравьев Л. Н. Русская Фиваида на Севере. М., 1999. С. 280–282.

¹⁸ Рапорт игуменьи Маврикия от 4 декабря 1852 г. Ведомость о состоянии Горицкого монастыря от 4 июля 1852 года. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16.

¹⁹ Летопись Горицкого монастыря... С. 318.

²⁰ Там же.

Наталья МОРЫЛЁВА

О СЛЕЗСКИНСКОМ

Имя Александра Григорьевича Слезскинского (1857 г. Новгород — 17 марта 1909 г. Новгород) ничего не говорит сегодняшнему жителю Новгорода, хотя он и оставил о себе немалую память, публикуя в конце XIX — начале XX века на страницах губернских и петербургских газет и журналов материалы, связанные с историей, географией, экономикой Новгородской земли.

Александр Григорьевич, можно сказать, самоучка. Начав своё образование в Новгородской гимназии, он вынужден был уйти из третьего класса. Причина — отсутствие средств, необходимых для продолжения обучения так как происходил он из бедной чиновничьей семьи. Интерес его к литературной деятельности, присущий ему с юношеских лет, особо укрепился в нём во время его работы секретарём у жившего тогда в Новгороде писателя Серафима Серафимовича Шашкова (1841 г. Иркутск — 1882 г. Новгород). Человек разносторонне образованный (он учился в Иркутской духовной семинарии, Казанской духовной академии, Петербургском университете), начитанный — Шашков являлся знатоком русской истории и литературы, а также истории и этнографии Сибири, хорошо знал несколько древних и новых языков.

Участие в деле о «сибирском сепаратизме» привело Шашкова к пятилетней ссылке в глухой уголок Архангельской губернии. И, по-видимому, следствием этого была потеря зрения и приковавший его к инвалидному креслу паралич. Александр Григорьевич помогал ему заниматься литературным творчеством — переписывал его рукописи, а чаще писал под диктовку. Постоянное общение и беседы с этим «глубоко правдивым и честным человеком, с твёрдыми убеждениями и светлыми взглядами, с глубоким сознанием святости своего общественного служения, готового отдать жизнь за то, что он считал истиной и добром», во многом сформировали характер и личностные качества А.Н. Слезскинского, а также развили в 18-летнем юноше страсть к литературной работе. И он начал пробовать свои силы, сначала публикуясь в «Новгородском листке» и корреспондируя в «Новое время». А затем писал в «Минуте», «Северном Курьере», «Будильнике».

Писать любил Александр Григорьевич «до страсти», писал скоро и много, постоянно жалуясь своим знакомым, что служба отнимает у него много времени и мешает ему вполне отдаться литературе.

Прослужил он более 30 лет. Сначала в Новгородской казённой палате, а потом в Новгородском губернском казначействе. Оставить службу он не мог, так как имел обширное семейство — жену и четверых детей. Кроме того, обладая достаточно выраженным общественным темпераментом и будучи человеком отзывчивым к чужому горю, он всегда был готов похлопотать не только за знакомого, но и за чужого. В некрологе, помещённом на страницах журнала «Исторический вестник», кроме слов о том, что «Не забудут Александра Григорьевича бедные и больные старики и старухи, о которых он любил хлопотать. Добрая память о нём долго не умрёт», содержится прямо-таки «святоточный», подробный и трогательный рассказ, повествующий о том, как принял Слезскинский участие в судьбе маленького бездомного мальчика, организовав подписку денег на его содержание и взяв на себя хлопоты по устройству его в благотворительное заведение. Кроме участия в такого рода благотворительной деятельности он состоял в учёной архивной комиссии, живо интересовался археологией. По-видимому, результатами его архивных разысканий был ряд отдельных исторических изданий, увидевших свет в Новгороде: «Бунт военных поселян в холеру 1831 года», «Монастырь святого Михаила Клопского», а также ряд публикаций в журналах «Исторический вестник» и «Русская старина». Среди них можно назвать статьи: «Император Александр I на солеварном заводе в 1823» (речь в этой статье идёт о соляном заводе на Царицынских источниках в одной версте от Старой Руссы), «Эдуард Васильевич Лерхе (к характеристике его деятельности)» (новгородский губернатор пореформенной эпохи (1864–1882)), «Настоятель новгородского Юрьева монастыря архимандрит Фотий (1799–1838 гг.)», статья о «Фотии и графине А. Орловой-Чесменской». Кстати, именно история взаимоотношений этих людей и послужила сюжетной основой для романа «Бесноватая». Из-за тяжёлой сердечной болезни, а затем и

смерти Александр Григорьевич не успел, к сожалению, «от-
делать его до конца», как и не успел он увидеть на сцене
свою пьесу «Вагон третьего класса», принятую к постанов-
ке уже после его смерти.

Писал А.Г. Слезский и о лесной промышленности
Новгородской губернии. Это объясняется, по-видимому, тем,

Часовня в Перекомском монастыре

что его брат Пётр Григорьевич был лесничим новгородского
лесного хозяйства и, очевидно, немало рассказывал
брату о проблемах и результатах своей профессиональ-
ной деятельности.

Когда Александр Григорьевич работал в журнале «Рус-
ское судоходство», на его статьи по промысловым вопро-
сам обратил внимание комитет помощи поморам русского
Севера, под председательством великого князя Александра
Михайловича. И в 1895–1896 годах Александр Григорье-
вич был командирован на Белое море и Мурман — собрать
сведения о сиротах поморов, погибших в сильнейший
шторм 1893–1894 годов, а также — данные для учрежде-
ния взаимного страхования судов. Добросовестное испол-
нение этих заданий вызвало «одобрение августейшего пред-
седателя комитета», и труды Александра Григорьевича по
командировке выпустили отдельными изданиями, а в бел-
летризированной форме два очерка под названиями «По-
ездка на Мурман» и «По Беломорью» опубликовали на стра-
ницах журнала «Исторический вестник».

В последние годы жизни Александр Григорьевич со-
стоял постоянным сотрудником этого журнала, а также
газеты «Санкт-Петербургские ведомости», печатался на стра-
ницах журналов «Родина», «Побуждение», «Звонарь». Мате-
риалами для этих публикаций очень часто служили впечатления
от его путешествий по Новгородской земле. В
«Санкт-Петербургских ведомостях» за 1909 год в статье,
посвящённой памяти А.Г. Слезского, читаем: «Перу А.Г.
Слезского принадлежит ряд живых очерков, в кото-
рых Александр Григорьевич обнаруживает прекрасное зна-

ние местной жизни, отзывчивое сердце, глубокую вдумчи-
вость в текущие события и местную их оценку, написан-
ные в беллетристической форме заметки-рассказы Алек-
сандра Григорьевича всегда оставляют впечатления наблю-
дений над жизнью чуткого, гуманного человека».

Его коллеги из «Исторического вестника» отзывались о
нём, как о человеке замечательно добродушном, с
устойчивым характером, собеседнике весёлом, ин-
тересном, талантливым рассказчике. Эти его спо-
собности интересного рассказчика в полной мере
проявились в серии очерков, посвящённых экскур-
сиям по окрестностям Новгорода. Во время этих
поездок Слезский прошёл по реке Мсте (очерк
«На забытой реке»), побывал в знаменитых «Мура-
вьях» — Муравьинских казармах, построенных гра-
фом Аракчеевым в 1824 году.

Но более всего интересовали Александра Гри-
горьевича монастыри, окружающие Новгород.
Объезжая эти монастыри и публикуя очерки, он
оставил нам своеобразное свидетельство своей эпо-
хи. Надо сказать, что человек он сугубо светский и
приезжал в монастыри отнюдь не на богомолье или
поклонение святым мощам. Судя по всему, был он
довольно равнодушен к вере и исполнял религиоз-
ные установления в силу приверженности своей к
устоявшейся традиции. Поэтому он мало интересовался
внутренней, духовной жизнью монастырей. Его занимали
скорее картинки современного ему монастырского быта и
он живо рисовал монастырскую жизнь начала XX века,
выставляя нередко в нелицеприятном свете обитателей нов-
городских монастырей. История и церковные древности —
ещё одна составляющая его интереса к монастырям. Сведе-
ния по этим вопросам он черпал из капитального труда
архимандрита Макария «Археологическое описание церков-
ных древностей в Новгороде и его окрестностях», из бесед
с настоятелями и монахами монастырей, из новгородских
летописей, обращался к житиям святых: Ефрема Переком-
ского, Саввы Вишерского, Михаила Клопского и монастыр-
ским летописям.

И, наконец, ещё один вопрос, который очень интере-
совал Александра Григорьевича: экономическое состояние
монастырского хозяйства. Подробно расспрашивал он мо-
настырских обитателей, обращаясь и к официальным до-
кументам, о том, на какие средства существуют монастыри,
какими землями: пахотными, луговыми, лесными владеют,
что обрабатывают сами, что отдают в аренду, да по какой
цене. Привлекают ли для обработки земли местных крес-
тьян, какое ведут хозяйство, торгуют ли лесом. Для того,
кто интересуется этой составляющей деятельности мона-
стырей, в статьях Слезского много найдётся живого,
фактического материала. Вместе с автором очерков прой-
дёмся и мы в каждом монастыре по гумну и риге, побываем
на скотном дворе и в конюшнях, коровниках, телятниках,
в ледниках, помещениях для переработки молока...

Слезкинский доверял свои впечатления не только бумаге, но и фотоаппарату, который был его постоянным спутником во всех поездках. Благодаря этому, мы, обратившись к его публикациям, можем увидеть, как выглядели в начале XX века и дошедшие до нас монастырские комплексы, такие как: Вяжищи, Хутынь, Клопский монастырь, и те монастыри, от которых в лучшем случае сохранились руины, заросшие бурьяном: Кирилловский, Савво-Вишерский, Перекомский.

С фотографиями трёх последних монастырей и относящимися к ним краткими выдержками из путевых зарисовок Слезкинского мне бы хотелось познакомить читателей.

Перекомский монастырь

«Монастырь приютился на берегу Ильменя... Основан в XV веке преподобным Ефремом, тем самым которого Савва Вишерский посылал к новгородским посадникам ходатайствовать о земле. Постриженный в монашество Саввой, Ефрем удалился по берегу Ильменя и построил келью. К нему присоединились иноки, соорудили церковь во имя Богоявления и образовали монастырь под началом основателя. Прежний монастырь был от нынешнего 3 версты вглубь и переносил большие неудобства относительно воды. Ефрем перекопал к озеру канаву, отчего монастырь и получил название Перекопского или Перекомского, затем Ефрем обратился к князю Василию Ивановичу за помощью на каменный храм. Князь оказал помощь с тем, чтобы обитель воздавала молитвы о разрешении от бедствия. Явилась новая церковь во имя Николая Чудотворца. Преподобный Ефрем умер в 1492 году. Мощи его покоятся под спудом в Богоявленской церкви. Благодаря Перекопу, монастырь страдал от наводнений, и только после смерти преподобного его перенесли ближе к берегу на возвышенное место. Здесь он подвергался другим бедствиям: разорению, запустению, пожару. Возобновителями его были боярин Боборыкин и Пётр Великий, занесённый некогда бурей в Перекомскую обитель. В настоящее время в монастыре одна церковь Богоявления с приделами Ефрема и Николая Чудотворца, она новой кладки, с новой внутренней отделкой и живописью.

Я пошёл по монастырю. Собственно монастырь представляет собой кольцеобразную стену, а посередине храм с колокольней. Над стеной возвышаются башенки, главный вход и двухэтажное помещение настоятеля. Но в самой стене вы найдёте всё: братские кельи, кухню, трапезную, писарню, кладовые, хлева, конюшни и пр.

После домашней беседы архимандрит предложил мне обойти монастырь и познакомиться с его хозяйством. Мы отправились сначала с внешней стороны, вышли из главных ворот, и глазам представилась целая панорама: красивые кудрявые берёзы, хлебные поля, за ними Ильмень. По

полю ходил монах с плугом, в длинной, почти до пят холщовой рубаше и в потёртой бархатной скуфейке. Я обратил на него внимание и сказал: «Братия обрабатывает?» «Этот отец Павел пашет», — поспешил сообщить настоятель.

«Теперь пойдёмте внутрь монастыря. В церкви вы были: она новейшая. От старой обители не сохранилось никаких памятников, ни достопримечательностей. Единственно — чудный крест в часовне, принадлежащей монастырю. Она в Новгороде, при входе на Волховский мост. Как стоящая на бойком месте часовня служит большим источником средств. Недаром притч Софийского собора хотел её отнять, но безуспешно; я долго хлопотал против собора».

Затем архимандрит сообщил вкратце, по летописям, что чудный крест относится к глубокой древности; его водрузил святой князь Владимир, нетленно почивающий в Соборе св. Софии. Крест прославлен чудесами. При обнесении его, умирлялись новгородские мятежи, прекращались пожары. И доньше у часовни останавливаются крестные ходы. Крест липовый, высотой более сажени, а в поперечнике немного менее. На нём изображения Христа, Богоматери и Марии Магдалины. У подножия, в надписи, между прочим, упоминается Пётр Невежин. Волховский мост не раз менял места, а за ним переносилась и часовня».

Кириллов монастырь

«Штатный Кириллов монастырь находится в четырёх верстах от Новгорода. Это один из несчастных монастырей по своему местоположению. Он стоит на острове Селезнев, как бы в тисках, между двумя рукавами Малого Волховца. Весною рукава сливаются, и вода подходит к самому

Общий вид Кириллова монастыря

монастырю, причиняя большие повреждения... но монастырь стоит исстари, стоит целые века. Некоторые летописи называют основателями его Дмитрия и Константина Корованкевичей, давших средства на сооружение в 1196 году каменного храма во имя св. Кирилла Александрийско-

го; упоминается также и новгородский мастер с Лубяной улицы, Коров Яковлич... Корованкевичи погребены в притворе, но следов от могилы никаких не сохранилось, а о погребении их лишь гласит плохонькая дощечка на стене. Большинство же летописей говорит, что когда строился каменный храм, на острове уже был монастырь управляемый игуменом Анисимом, но о названии умалчивается... Последующие века, XIV–XVI, были губительными для монастыря по случаю пожаров, но он снова возобновился и раз даже увеличился приделом св. Леонтия, епископа Ростовского. Затем монастырь подвергся шведскому разгрому и всё-таки не упал духом, так что по росписи новгородских церквей (1615 года) в нём значатся два храма: Афанасия и Кирилла Александрийских с тремя приделами и Леонтия с трапезою. В начале XVIII столетия монастырь переустроен, древний храм оставлен (все другие источники указывают на то, что в середине XVIII века древний храм разобрали по нижние окна и вновь построили на старом основании, сохранив плановое решение предстоящей постройки — прим. авт. ст.), храм св. Леонтия обращён в придел, и с двух сторон приделана паперть. Конец указанного века завершился для монастыря устройством отдельной церкви Покрова Богородицы и в южной паперти придела преподобного Арсения. Тогда же в Новгороде, на берегу Волхова, упразднился Арсенийев монастырь, откуда мощи св. Арсения были перенесены в Кириллов монастырь...

После Арсеньевского придела монастырь не подвергался никаким капитальным переделкам, только ныне реставрируется внутренность храма александрийских архиепископов.

Я приехал в монастырь, когда стены были уже окрашены и расписаны, но иконопись находилась ещё в разобранном виде до нижнего яруса.

С обителью меня знакомил игумен Вонифатий, семидесятилетний старик, довольно бодрый, общительный. С внешней стороны реставрируемый храм удержал за собой первобытный стиль, но внутри об отдалённой эпохе напоминают исключительно образа.

В главном храме две раки, одна налево от входа в стене с частицами святых мощей Кирилла и Афанасия, украшенная резной аркой. Другая направо. Для последней пробита полукружьем стена в Арсеньевский придел и с обеих сторон заделана балдахином. Здесь почивают св. мощи преподобного Арсения Новгородского.

По выходе живописец поведал мне ещё новость. «У монастыря, — рассказывал он, — есть приписная церковь во имя Андрея Юродивого, очень старая. Вот в ней осталось всё так, как было поначалу, только фрески позамазаны...».

По летописям здесь находился Ситецкий монастырь. В XIV веке какая-то Наталья, вместо деревянного храма построила каменный, под именем Андрея Христа ради юродивого... Прежде Андреевская церковь была в два этажа — в каждом по отдельному престолу, но теперь нижний этаж разобран и превращён в кладовую. Мы вошли по деревянной лестнице на дощатую паперть, укреплённую на столбах... Дальше помещение конечно миниатюрное, да и то вытесненное двумя колоннами. На колоннах висят старинные образа... Стены волнообразные с крошечными окнами, к куполу испещрены голосовиками. Кстати о стенах. Они выбелены и не представляют ничего особенного издали, но подойдёшь ближе, приглядишься, и видно, как сквозь белизну, точно сквозь прозрачную кисею, пробиваются контуры каких-то фигур».

Савво-Вишерский монастырь

«Монастырь высоко и красиво стоит на реке Вишере, рядом с прекрасной богатой дубовой рощей. Начало монастырю дал в XV веке инок Савва, который всю жизнь провёл здесь в трудах, посте и молитве; останки его были обретены нетленными и в настоящее время лежат под спудом. Савва успел только заложить деревянную церковь Воз-

несения; затем современник его, архиепископ Иона, во имя явления чудес построил каменный храм. Время текло, монастырь, по бедности не поддерживался, и наверное развалился бы, если бы не повелел возобновить его вновь на казённые деньги царь Алексей Михайлович. По возобновлении монастырь опять стал приходить в упадок и в конце XVIII века был упразднён. Но вскоре нашлись благочестивые люди, которые заново отстроили обитель, в каком виде она и осталась до наших дней. Теперь монастырь обнесён каменной стеной, с главным входом, над которым возвышается колокольня. В стенах — братские кельи. Храм прочный, чистенький, выглядит довольно весело.

Пришёл пономарь, окликнул меня, и мы отправились в храм... «Это строители; кто они родом, всё прописано», —

Храм Вознесения в Савво-Вишерском монастыре

флегматично пояснил пономарь. Прочитав надписи, я узнал что по синодальному указу 1770 года в упразднённый монастырь был послан для возобновления казначей Вяжицкого монастыря Варлаам, постриженный из поручиков Измайловского полка. Варлаам пришёл с послушником из дворян, Аничковым. Девятнадцать лет они собирали добротные лепты, трудились над устройством монастыря, возвели новые здания, отделали храм и таким образом «извлекли обитель из опустения».

Храм делится на три придела: средний, во имя Вознесения, считается главным. В нём помещается серебряная рака. Левый придел именуется Саввинским. Стены его украшены интересными фресками, изображающими эпизоды из жизни Святого... кроме того, в этом приделе хранится прежняя рака, дубовая, древней массивной работы. Рака устроена по повелению царя Ивана Васильевича IV; затем Василием Шуйским она исправлена на дворцовые доходы, причём в верхней доске «добрый иконник» написал чудотворца, а по сторонам вырезал буквами его чудеса. Последний раз рака реставрировалась при царе Алексее Михайловиче, и писание было сделано образом. Бархатный покров с неё висит в Правом Покровском приделе. На нём прикреплен архиерейский омофор с епитрахилью, тканый с золотыми и серебряными нитями и вышитый по краям бисером и гладью. Ступни облечены в такую же ткань. Руки и лицо бумажные, выпуклые. Одна рука благословляющая, а другая держит свиток».

Фотографии 1901 года

Мощи святых Кирилла и Афанасия
в главном храме Кириллова монастыря

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Слезкинский А.Г. Вяжицкий монастырь (Из экскурсий в окрестностях Новгорода) // Истор. вестник. 1905. Т. CI. Авг.
- 2.Памяти Александра Григорьевича Слезкинского // Санкт-Петербург. Ведомости. 1909. № 63.
- 3.Слезкинский А.Г. В Низовьях Волхова (Путевые заметки) // Истор. вестник. 1908. Июнь-июль.
- 4.Слезкинский А.Г. Кириллов монастырь (Из экскурсий в окрестностях Новгорода) // Истор. вестник. 1901. Т. XCVII. Июль.
- 5.Слезкинский А.Г. На забытой реке (Из экскурсий в окрестностях Новгорода) // Истор. вестник. 1905. Т. CL. Июль.
- 6.Слезкинский Александр Григорьевич [некролог] // Истор. вестник. 1909. Т. CXVI. Май.
- 7.Слезкинский А.Г. Перекомо (Их экскурсий в окрестностях Новгорода) // Истор. вестник. 1902. Т. LXXXVIII. Июнь.
- 8.Слезкинский А.Г. Бунт военных поселян // Истор. вестник. 1893. Т. XIII. Авг.
- 9.Слезкинский А.Г. Монастырь святого Михаила Клопского. Новгород, 1901.
- 10.Слезкинский А.Г. Савво-Вишеский монастырь (Из экскурсий в окрестностях Новгорода) // Истор. вестник. 1901. Т. LXXXVI. Окт.
- 11.Шашков Серафим Серафимович // Русский биографический словарь: Репринтное воспроизведение. М., 2000.

Людмила ПЕТРОВА

ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО: ИЗ ИСТОРИИ ДЕМЯНСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РАЙОННОЙ БИБЛИОТЕКИ

7 августа 1824 года Императорским указом был учрежден Демянский уезд, куда вошли часть Старорусского уезда (без округов военных поселений), некоторые волости Валдайского и Крестецкого уездов Новгородской и Холмской губернии. Уезд включал в себя станции Любница и Лычково, село Молвотицы и богатое купеческое село Полново. Село Демянск в том же году было преобразовано в уездный город.

Жители уезда занимались, в основном, земледелием, мелкой торговлей, рыболовством и различными промыслами. По площади, населению и уровню грамотности уезд находился на одном из последних мест в губернии. В Демянске к середине XIX века проживало около двух тысяч жителей. В городе имелись одноклассная церковно-приходская школа с тремя отделениями (так назывались здесь классы), трёхклассное училище, позднее открылись женская гимназия и земская школа. В 1900 году после празднования 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина уездным комитетом попечительства о народной трезвости была открыта бесплатная столовая-читальня. Для нее выписывались наиболее популярные газеты: «Россия», «Биржевые ведомости», «Сельский вестник», «Деревня» и журналы: «Русское богатство», «Нива», а также некоторые сочинения русских писателей. Год работы библиотеки показал присущие ей недостатки: книги были закрыты и выдавались не всем желающим. К 1906 году книжный фонд библиотеки составлял 418 томов, заведовала ею Ольга Васильевна Комарова¹.

Развитие библиотек началось в уезде, как и повсюду в губернии, после земской реформы. Старейшая библиотека

уезда — земская библиотека в Демянске. Она открылась в 1882 году по решению уездного земского собрания и располагалась в здании управы. Библиотека была платной, бесплатно ею могли пользоваться только учителя земских и министерских училищ, а также служащие земской управы.

Первые два года обязанности библиотекаря безвозмездно исполнял секретарь съезда мировых судей, надворный советник Николай Ефимович Иванов. Был утвержден Устав библиотеки, по которому читатели записывались в неё и вносили денежный задаток. В случае потери книги этот задаток шел в оплату за нее, а с 1886 года читатели стали платить за утерянную книгу всю ее стоимость.

15 октября 1884 года уездное земское собрание выразило благодарность Н.Е. Иванову за руководство библиотекой и приняло решение увеличить жалованье секретарю мирового съезда или его помощнику, учитывая, что один из них по-прежнему будет заведовать библиотекой².

Работе библиотеки уездное земство уделяло постоянное внимание. В ежегодных докладах управы мы находим интересные сведения относительно её состояния и деятельности. Так, из отчета уездного земского собрания за 1898 год мы узнаем, что библиотека существовала на ежегодно отпускаемую земством сумму в размере 150 рублей, а также на сумму, получаемую с подписчиков. Годовая плата за чтение делилась на два разряда: подписчики первого разряда платили 5 рублей, второго — 3 рубля, а уездные подписчики — 4 рубля в год. За указанный год плата с подписчиков составила 88 рублей 85 копеек. Всего в библиотеке числился 71 подписчик, из них 29 — платные. За этот период им было выдано 6200

Демянск. Здание бывшей Демянской уездной земской управы, где с 1882 года до Октябрьской революции размещалась библиотека (ныне здание районной администрации)

уездного земского собрания за 1898 год мы узнаем, что библиотека существовала на ежегодно отпускаемую земством сумму в размере 150 рублей, а также на сумму, получаемую с подписчиков. Годовая плата за чтение делилась на два разряда: подписчики первого разряда платили 5 рублей, второго — 3 рубля, а уездные подписчики — 4 рубля в год. За указанный год плата с подписчиков составила 88 рублей 85 копеек. Всего в библиотеке числился 71 подписчик, из них 29 — платные. За этот период им было выдано 6200

экз. книг и периодических изданий, причем большую часть книг брали платные подписчики. Наибольшим спросом пользовались беллетристика (83%) и журналы (14% от общей книговыдачи). Невостребованными были книги по богословию, философии и юридическим наукам.

К 1 января 1899 года книжный фонд библиотеки насчитывал 2511 томов: 1662 — книги и 849 — журналы. Ежегодно он пополнялся новыми изданиями с книжного склада Новгородского губернского земства. В 1898 году новых книг приобретено на сумму 101 руб. 50 коп. Большую часть книжного фонда составляла беллетристика — 79,4 %, книги специально составленной сельскохозяйственной библиотеки — 6,6 %. Очень слабо была представлена отраслевая и справочная литература.

Кроме книг, в библиотеку поступали разнообразные периодические издания: «Вестник иностранной литературы», «Вестник Европы», «Русское богатство», «Всемирная иллюстрация», «Природа и люди», «Образование», «Осколки», «Медицинская беседа», «Хозяин», «Русский начальный учитель», «Врач», «Неделя», «Новое время», «Земледельческая газета» и другие.

С 1899 года земское собрание кроме 150 рублей на содержание библиотеки внесло в смету 36 рублей 80 коп. на ее страхование³.

Земская библиотека в Демянске была доступна немногим жителям города и уезда, так как она была платной. В течение 1900 года в земской библиотеке было 45 подписчиков, из них 30 — платных и 15 — бесплатных. Общая книговыдача составила 3866 томов. По-прежнему наибольшим спросом пользовались беллетристика и журналы⁴.

В последующие годы число читателей в земской библиотеке увеличивается: сокращаются платные, но увеличивается число бесплатных. Книжный фонд к 1902 году составлял 2990 томов, исключая периодические издания. Уездное земское собрание внесло в смету на пополнение фонда, переплет книг и выпуск периодических изданий 200 рублей, на 50 рублей больше, чем в 1902 году⁵.

В 1904 году книжный фонд земской библиотеки пополнился 20 книгами и 96 томами журналов и к 1 января 1905 года составил 2833 тома, из них 1693 — книги и 1140 — журналы. В библиотеку выписывались следующие журналы: «Вестник иностранной литературы», «Исторический вестник», «Русское богатство», «Мир Божий», «Образование», «Врач», «Вестник Европы», «Фармацевтический журнал», юмористический журнал «Будильник» и другие, из газет — «Новое время» и «Наша жизнь». Число читателей составило 62 человека, из них 33 — платных. Ими взято для прочтения 3998 томов, из которых 951 — журналы.

Уездное земское собрание 1905 года подчеркнуло, что слабое место библиотеки — ее каталоги: они неполны и неточны, для приведения их в порядок ассигновало 40 рублей⁶.

В 1906 году заведующей библиотекой числилась Александра Антоновна Чеканская. Книжный фонд в этот период составлял 2949 томов⁷.

В документах уездного земского собрания за 1913 год содержатся сведения о деятельности библиотеки. В сен-

тябре этого года был заслушан отчет о ее работе. В решении записано: « ... ассигновать по примеру прежних лет 200 рублей на пополнение библиотеки, 20 рублей 75 коп. — на страхование и 120 рублей на содержание заведующей библиотеки⁸».

В это время заведующей библиотекой числилась мешчанка Александра Васильевна Бочкарёва⁹. Управа высказала желание отправить заведующую этой библиотекой на библиотечные курсы при Московском городском народном университете им. А.Л.Шанявского, на что «просить соображение ассигновать 200 рублей». Управа выражает желание, что получив специальные знания по библиотечному делу, она сможет стать одновременно инструктором, оказывая значительную помощь как в упорядочении существующих, так и при открытии новых народных библиотек. В этот период библиотека обслуживала преимущественно читателей «с повышенными требованиями на книгу», но книжный фонд по своему составу не удовлетворял их. Некоторые отраслевые отделы фонда весьма незначительны, а многие и совсем отсутствуют, тогда как «уездная библиотека есть единственное книгохранилище, откуда может получить нужную книгу и справочник интеллигент и земский работник». В связи с этим уездная управа высказывается за увеличение ассигнований на её содержание¹⁰.

Тогда же уездной управой принято решение, что на отпущенные губернской управой деньги желательно приобрести педагогическую литературу для Демянской библиотеки¹¹.

Октябрьские события нарушили деятельность библиотеки. В документах уездного отдела народного образования значится, что на 24 июня 1918 года в уезде не работала ни одна библиотека. Но уже спустя два года бывшая земская была реорганизована в Демянскую центральную библиотеку¹².

В марте 1921 года в Новгороде проходил губернский съезд библиотечных работников. Среди выступающих — заведующий библиотечной секцией Ермолаев и заведующая детской библиотекой Перская. Из их выступлений мы узнаем, что главное внимание в этот период было обращено на работу Демянской центральной библиотеки, которую необходимо было сделать показательной для всех библиотек уезда. В ней введена десятичная классификация книжного фонда, открыт научный отдел. Книжный фонд библиотеки в этот период — около 7000 томов, преимущественно беллетристика и журналы. Очень беден научный отдел, в котором вместе с иностранной литературой насчитывалось 1400 томов. Средняя посещаемость в день — 35-40 человек, книговыдача — 60 экземпляров¹³.

Согласно правилам пользования Демянской центральной библиотекой, утвержденным председателем Уездного исполкома Журавлевым и секретарем Беловым в 1921 году, ею могли пользоваться все достигшие 16-летнего возраста. Запись в библиотеку осуществлялась на основании документа, удостоверяющего личность. В одни руки выдавалось не более трех книг на срок две недели для городских и три — для сельских жителей уезда. В случае невозвращения книги в срок, посылалось письменное уведомление,

после которого подписчик мог быть лишен права пользования библиотекой на срок, определяемый Советом библиотеки, но не более, чем на один год. Если же и после письменного уведомления книга не возвращалась в библиотеку, то дело передавалось в милицию и виновный подвергался судебному взысканию по ст. 135 УК.

В случае порчи книг читателем, последний подвергался штрафу в двойном размере стоимости книги, или преданию суду по ст. 196 УК. Стоимость же книги определялась Советом библиотеки¹⁴.

28 апреля 1920 года при Центральной библиотеке открыли детскую. Составлена она была из книг, частью принадлежащих Центральной библиотеке, а также находящихся прежде в школьных библиотеках уезда. На момент открытия книжный фонд её составил 1193 тома, кроме того было около 100 книг, не занесенных еще в инвентарь. В библиотеке принята была форматная система расстановки книжного фонда. Работала она ежедневно, кроме суб-

боты, с 12 утра до 16 часов вечера. Книги выдавались детям без залога. Подписчиками библиотеки были дети с 8 до 16 лет, причем большее их число приходилось на средний возраст от 11 до 13 лет. Уже к 1 мая 1920 года подписчиками детской библиотеки состояли 179 детей, а к 1 марта 1921 года — 383 человека, из них 208 девочек и 175 мальчиков. Статистика показывает, что мальчики читали больше, чем девочки. С 1 мая 1920 года по 1 марта 1921 года библиотеку посетило 8127 человек. Средняя книговыдача составила 1000 томов в месяц.

В докладе заведующей детской библиотекой Екатерины Перской отмечалось, что «дети очень рвут и пачкают книги», многие задерживают их. В целях сохранности книжного фонда библиотека намерена посылать в школу списки «неаккуратных читателей с просьбой подействовать на учеников в этом смысле»¹⁵.

Однако и в последующие годы сохранность книжного фонда детской библиотеки оставляла желать лучшего. Так, в январе 1924 года комиссией в составе заведующего Уполитпросветом А. И. Иванова, заведующего Домом просвещения В. А. Индерейкина и заведующей Центральной библиотекой М. Абрамовой был составлен акт по результатам проверки детской библиотеки. Согласно ему, заведующие детской библиотекой менялись очень часто (Е. Перская, М. Макарова, В. Зехова и др.) и, видимо, не производили никакой сдачи книжного фонда. В результате в библиотеке с 1918 по 1922 гг. утеряно огромное количество книг. Например, по инвентарной книге числилось 1511 книг, а в наличии имелось лишь 572. На эти книги никаких документов нет и неизвестно, где они находятся, за исключе-

нием 65 книг, которые выданы и «по абонементам числятся за читателями, а по формулярам — не числятся». На основе всего вышеизложенного комиссия сделала заключение, что «массовая пропажа книг — результат небрежного и несерьёзного отношения к народному достоянию прежних руководителей». Вернуть же книги, на которые нет документов, не представлялось возможным. Однако, заведующей библиотекой Абрамовой было предложено послать извещения тем лицам, которые проживают в Демянске, с просьбой вернуть книги или заменить их другими. Уездному отделу народного образования (УОНО) было предложено создать комиссию по проверке оставшегося книжного фонда и после этого составить новый каталог на детскую литературу. Кроме того, содержалась просьба к УОНО отобрать и переплести имеющуюся на складе детскую литературу и передать её в детскую библиотеку. Комиссия предложила открыть детскую библиотеку к 15 марта 1924 года¹⁶.

Кроме детской, при Центральной библиотеке выделена театральная, в которой имелось 400 русских и переводных пьес. Однако пьес, подходящих для местной и деревенских сцен, очень мало. К 1921 году в театральной библиотеке состояло 48 подписчиков. Брели пьесы местные культпросветработники, также члены уездных культпросветкружков, но очень плохо возвращали обратно. Большим спросом в библиотеке пользовались детские пьесы, но их

около 60 экземпляров и они «малопригодны для постановки, так как теперь трудно иметь необходимые для них костюмы и декорации»¹⁷.

В начале 1924 года было проведено обследование Демянской центральной библиотеки. Из анкеты, составленной на основе обследования, мы узнаем, что она занимала бесплатное помещение из трех комнат, остальные помещения заняты были Домом просвещения. Для читальни особого помещения нет. В библиотеке работали два библиотечных работника: заведующая и библиотекарь с общим образованием второй ступени. Стаж работы заведующей — два года, библиотекаря — два месяца.

Книжный фонд библиотеки к 1924 году — 5329 томов, из них 47 % — книги общего содержания, 31 % — беллетристика, остальное — отраслевая литература. В анкете отмечалось, что библиотека нуждается в беллетристике, книгах по философии, религии и истории литературы. Мало книг для начинающих читателей и детской литературы. За 1923 год библиотека не получила ни одной книги. Не работал и детский отдел Центральной библиотеки. За этот период в библиотеке числилось 350 читателей, большую часть которых составляли жители старше 18 лет (210 че-

Демянск. Дом просвещения. В этом здании библиотека находилась в 20-30-е годы (в настоящее время районный краеведческий музей)

ловек). По социальному положению основная часть — интеллигенция — 150 человек и учащиеся — 137 человек. Наиболее популярными у читателей библиотеки были книги Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, О. Балзака, Ж. Санд, М. Монтеня и других писателей. Из отраслевой литературы наибольшим спросом пользовались: «Русская история» В. Ключевского и М. Покровского, «Лекции по всемирной истории» М. Петрова, «Вопросы обществоведения» М. Туган-Барановского, «Экономическое учение К. Маркса» К. Каутского, «Жизнь Иисуса» Э. Ренана и другие. В тоже время многих спрашиваемых книг в библиотеке не оказалось: «Война и мир», «Анна Каренина» и «Воскресение» Л.Н. Толстого, романов И.С. Тургенева, «Ключи счастья» и «Дух счастья» А. Вербицкой, «Санин» М. Арцыбашева, «Мать» М. Горького, произведения Г. Эмара, Ж. Верна, М. Рида и других авторов. Кроме книг, библиотека в 1924 году выписывала газеты «Известия», «Правда», «Безбожник» и «Крестьянская газета».

Никакой работы с читателями библиотека не вела. С 15 сентября 1924 года заведующая библиотекой Екатерина Абрамова УОНО освобождена от занимаемой должности, и с этого же времени библиотекарем поступила Смирнова — воспитательница детского дома¹⁸.

В последующие годы наблюдается рост читателей, тогда как прирост книжного фонда незначителен. К маю 1925 года в Центральной библиотеке он составил 7140 томов. Кроме того был передвижной фонд с 3000 томов, состоящий на 35 процентов из сельскохозяйственной литературы. В этот период во всех библиотеках уезда проходила очередная чистка книжного фонда, в результате которой изъято 3500 экземпляров книг. Изъятая литература находилась частично в отдельных шкафах в Центральной городской библиотеке, а частично — при избах-читальнях, и на руки никому не выдавалась¹⁹.

В сентябре 1927 года постановлением ВЦИК город Демянск был преобразован в село, а с октября 1927 года в связи с изменением административно-территориального деления на территории Новгородской губернии были образованы два округа — Новгородский (Новгород и 19 районов) и Боровичский (Боровичи и 13 районов), вошедших в состав Ленинградской области. К Новгородскому округу отошел и вновь образованный Демянский район²⁰. Соответственно произошла и перестройка библиотечной сети: Демянская библиотека отныне стала называться Центральной районной библиотекой.

В 1926 году в Новгороде состоялся первый губернский съезд политпросветработников, принявший решение об установлении минимального образовательного ценза для

политпросветработников не ниже политпросветотделений Педагогического техникума или Губсовпартшкол первой и второй ступени. В 1927 году составили «Список политпросветработников Новгородского округа Ленинградской области, желающих обучаться на заочных курсах Главполитпросвета». Первой в этом списке числилась Абрамова Мария Анисимовна, библиотекарь Демянской районной библиотеки²¹.

В октябре 1929 года было принято постановление ЦК ВКП(б) «Об улучшении библиотечной работы». В ответ на него и для исправления положения дел в библиотеках Главполитпросветом в 1929–1930 годах было принято решение о проведении Всероссийского библиотечного похода. Цель его — привлечь внимание партийных, советских, профсоюзных организаций и общественности к деятельности библиотек, развернуть их сеть, привести в порядок все районные библиотеки и избы-читальни, добиться доукомплек-

тования библиотек литературой и т. д. Отмечалось, что в Новгородском округе отпускалось только 100 рублей на райбиблиотеку, вследствие чего ощущался книжный голод. Книга проникла только в 10 % населённых пунктов, охвачено чтением лишь 5 % населения²².

Подводя итоги библиотечного похода по Новгородскому округу, заведующий окружным отделом народного образования Тихомиров отмечал организацию во всех

районах библиотек, увеличение по округу передвижных пунктов, количества читателей, развитие книгоношества и т. п.²³

Библиотечный поход, безусловно, оказал положительную роль в организации деятельности всех библиотек, повышении квалификации их кадров, пополнении книжных фондов новой литературой и очистке её от ветхой и устаревшей.

Великая Отечественная война прервала развитие библиотечного дела в Демянском районе. В сентябре 1941 года Демянский район стал ареной ожесточённых боев и освобожден был лишь в феврале 1943 года. В июле 1944 года была образована Новгородская область. Из руин и пепла пришлось возрождать район. В марте 1945 года состоялось открытие Демянской районной библиотеки. Она разместилась в двухэтажном доме по улице 1 Мая. Книжный фонд её составлял 3550 томов. Заведующей библиотекой стала Людмила Ивановна Васильева, 1905 года рождения, образование семь классов.

С 1947 года библиотека переехала в двухэтажный дом на улице Ленина. С этого года заведующая — Нина Федоровна Погодина (Яковлева), 1923 года рождения, комсо-

Демянск. Улица Ленина. После войны библиотека 20 лет находилась в этом здании (1949–1969 гг)

молка, образование — 9 классов, что было солидным для того времени. Она проработала в библиотеке три года. С 1949 года в штате библиотеки уже три сотрудника: заведующая — Н.Ф. Погодина, заведующая читальным залом — В.А. Федорова, библиотекарь — И.Ф. Соловьева. Число читателей выросло до 1825 человек, в том числе 590 детей. Книжный фонд — 7827 экземпляров, действовало в районе 19 передвижек.

В августе 1951 года в библиотеку пришли два молодых специалиста, выпускники Зубцовского библиотечного техникума: Мария Ивановна Веселова (в замужестве — Багрунова) и Антонина Петровна Воронцова (в замужестве — Васильева). Мария Ивановна Багрунова много лет проработала директором библиотеки, а Антонина Петровна Васильева — в детской библиотеке. С 1959 года и до самой пенсии отработала на обслуживании Раиса Александровна Зехова.

В 1960 году село Демянск было преобразовано в рабочий поселок. С 1972 года библиотека переехала в каменное одноэтажное здание по улице Школьной, где размещается и по сей день. Здесь же находится и Детская библиотека.

В целях улучшения библиотечного обслуживания населения района в 1977 году была создана Демянская централизованная библиотечная система. Центральная районная библиотека стала методическим центром для библиотек района.

На 1 января 2002 года в ЦБС Демянского района входят 24 библиотеки. Книжный фонд Центральной районной и детской библиотеки на этот период составил 47,5 тысяч

томов, читателей — 3,7 тысяч человек, книговыдача — 95,8 тысяч экземпляров. Возглавляет библиотеку Наталья Константиновна Вихрова, более 26 лет отдавшая библиотечному делу. Очень давно в библиотеке работают методист Таисия Викторовна Андреева, заведующая отделом комплектования и обработки литературы Наталья Константиновна Селина, заведующая отделом обслуживания Надежда Михайловна Андреева, библиограф Елена Сергеевна Иванова, библиотекари Елена Алексеевна Иванова и Елена Анатольевна Виноградова.

Сегодня Демянская центральная библиотека — один из ведущих культурных центров района. Вместе с библиотеками-филиалами она проводит большую работу по пропаганде здорового образа жизни, истории Отечества, краеведению, экологическому просвещению и эстетическому воспитанию населения. В течение ряда лет библиотека — инициатор проведения районных конференций: «Открывая неизвестные страницы: из истории библиотек Демянского района», «Страницы истории Демянского уезда: 1824–1917 гг.», «Никольское — ценный памятник русского рыбоводства», «Славянские просветители: Кирилл и Мефодий», «Демянское благочиние: история и современность». Все эти конференции проводятся совместно с Администрацией, церковью, школой района и пользуются заслуженной популярностью у населения.

Центральная районная библиотека прошла сложный путь от маленькой земской до главной библиотеки района, сумела сохранить определенные традиции, позволяющие её сотрудникам использовать весь накопленный опыт в работе с различными категориями читателей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Васильев М.В. Демянск. Л., 1985. С. 18, 19, 27.

² ГАНО, Ф. 101. Оп. 1. Д. 4. Л. 16, 18; Из Демянска // Вестник Новгородского земства. 1900. № 9. С. 2–3.

³ Демянское земское собрание // Там же. 1899. № 11. С. 12–13.

⁴ Земляк А. Демянское уездное земское собрание 1901 года // Там же. 1902. № 3. С. 14.

⁵ Горожанин. Демянское очередное земское собрание 1903 года // Там же. 1903.

№ 22, С. 10.

⁶ Горожанин. Демянское уездное земское собрание сессии 1905 года // Там же. 1906. № 1. С. 14–15.

⁷ Памятная книжка Новгородской губернии на 1906 год. Новгород, 1906. С. 87.

⁸ ГАНО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 45. Л. 18 об.

⁹ Памятная книжка Новгородской губернии на 1913 год. Новгород, 1913. С. 154.

¹⁰ ГАНО. Ф. Р-227. Оп. 1. Д. 21. Л. 8, 9.

¹¹ Там же. Д. 25. Л. 3.

¹² Там же. Ф. Р-265. Оп. 3. Д. 583. Л. 75.

¹³ Там же. Д. 517. Л. 65.

¹⁴ Там же. Ф. Р-227. Оп. 1. Д. 295. Л. 4.

¹⁵ Там же. Ф. Р-265. Оп. 3. Д. 517. Л. 62.

¹⁶ Там же. Ф. Р-227. Оп. 1. Д. 295. Л. 13.

¹⁷ Там же. Ф. Р-265. Оп. 3. Д. 517. Л. 62 об.

¹⁸ Там же. Ф. Р-227. Оп. 1. Д. 295. Л. 17, 18, 19.

¹⁹ Там же. Ф. Р-265. Оп. 3. Д. 583. Л. 75; Д. 570. Л. 32.

²⁰ Васильев М. В. Демянск. С. 46.

²¹ ГАНО. Ф. Р-1115. Оп. 1. Д. 25. Л. 41.

²² Там же. Д. 268. Л. 219.

²³ Там же. Д. 35. Л. 157 об.

Тамара СИГАЛОВА

ЗЕМСТВО В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В огромном перечне научных исследований, которые проводит Новгородская областная универсальная научная библиотека (директор Н.Н. Гунченко, главный библиотекарь Л.А. Петрова) — составление ценнейших указателей. Один из них недавно вышел в свет. Называется он «Земство в произведениях русских писателей». Составила указатель кандидат исторических наук, краевед Вера Ивановна Ромашова. Главным редактором публикации выступила директор НОУНБ Н.Н. Гунченко. Появление указателя — хорошая новость для тех, кто предметно интересуется произведениями русских писателей о деятельности земских служащих. В указателе представлены 73 произведения на эту тему.

Я думаю, что современным устроителям демократического государства в России будет небезразлично познакомиться с опытом местного самоуправления второй половины XIX — начала XX века. Новации в управлении государством, появившиеся после отмены крепостного права, упорядочение хозяйственной жизни на местах и создание новых для России того времени административных формаций нашли своё отражение в произведениях русских писателей. В рассказах Ивана Бунина, Викентия Вересаева, Александра Kupрина, Николая Лескова, Глеба Успенского, Антона Чехова, Михаила Салтыкова-Щедрина и других ярко и достаточно правдиво описывается русское земство, его дела, начинания, неудачи и успехи.

В указателе цитируются наиболее ярко отвечающие теме выдержки из рассказов и записок писателей и просто наблюдателей за деятельностью местных правителей. Так, наряду с перечнем произведений великих русских писателей, приводятся выдержки из записок земского врача Доры Исаковны Аптекман, опубликованные в журнале «Русская мысль» под редакцией Глеба Успенского.

В первой части книги — каталог произведений о земстве с указанием дат жизни и смерти авторов, с их портретами и кратким содержанием произведений. Приведены 20 известных всему миру имён писателей.

Во второй, заключительной части книги, именуемой «Приложения» читатель найдёт уникальные воспоминания

Н.Н. Фирсова «Силуэты времени реформ», письмо Глеба Успенского В.А. Гольцеву в журнал «Русская мысль» с просьбой о напечатании записок Доры Исаковны Аптекман, выдержки из её записок. Здесь также можно познакомиться с составом очередных и чрезвычайных земских собраний Новгородской губернии за 1888 год. Книга оформлена иллюстрациями, среди которых редкие портреты: внук А.В. Суворова — Александр Аркадьевич, новгородский губернатор Эдуард Васильевич Лерхе и князь Александр Илларионович Васильчиков.

На обложке указателя — здание Дворянского собрания в Новгороде со стороны Сенной площади. Снимок датирован концом XIX — началом XX века.

ВЕНОК СОНЕТОВ

1

Когда ружейный взводится курок —
Обречены и волки, и олени.
А «не убий» — прекраснейший зарок! —
Лишь звук пустой для многих поколений.
Когда подранок лапы поволок,
Или журавль станицу в небе строит,
Утерпит ли талантливый стрелок?
Талант свой и могильщик не зарост.
И взводятся курки всё веселей.
Мир скоро не услышит журавлей:
От смерти высота спасти не может.
Да что там журавлиная судьба!
Когда гремит бездумная пальба —
Грядущий день земли меня тревожит.

2

Грядущий день земли меня тревожит.
Который век, в любом земном краю
Ребёнок, что ещё ходить не может,
Всё тянется к отцовскому ружью.
И суть не в том, что вечный пострелёнок
Оружия не в силах удержатъ:
Достаточно младенческих силёнок
На спуск, такой податливый, нажать.
Ребёнок об оружии мечтает.
Для выстрела — бессилия хватает,
А сильному трудней спустить курок.
Беспамятен ребёнок несмышлёный,
Но помнит сединою убелённый:
Рукой стрелка нередко движет рок.

3

Рукой стрелка нередко движет рок.
И хрипнут музы, к разуму зывая.
На кровь и смерть мир нагляделся впрок,
А тишина опять — предгрозовая.
Пожар не может погасить слеза.
Улыбкой не развеешь тучи хмурой.
И памяти печальные глаза
Ещё глядят на мир, как амбразуры.
История предписывает нам
Мостить дороги лучшим временам.
Лик времени становится всё строже.
Порою от дрожания руки
Спускаются взведённые курки,
А мир упрямо арсеналы множит.

4

А мир упрямо арсеналы множит.
Век новое оружие куёт.
Блажен, кто песни петь сегодня может —
В такое время сердце не поёт.
Когда народы разум побратает,
Хлеб наш насущный по трудам деля?
Для мира на Земле — земли хватает,

И только для войны мала земля.
Кого молить, чтоб твердь не колебалась
И негасимым звёздам улыбалось
Планеты нашей женское лицо?
Чтобы земля за труд платила хлебом,
А люди на земле дышали небом,
На грешной и святой земле отцов?!

5

На грешной и святой земле отцов —
Извечный поединок тьмы и света.
Когда же мир поймет, в конце концов:
Земля — неповторимая планета.
Как за судьбу людей болит душа!
Мы только раз живём на белом свете,
А с выводами выводки спешат,
И старики порой резвы, как дети.
Равно легко — зачать или убить.
Куда труднее этот мир л ю б и т ь,
Ранимый, как былинка в поле голом.
Уму потребна разума узда.
И время это страшное, когда
Соседствуют поля и полигоны.

6

Соседствуют поля и полигоны —
Живая и убитая земля.
Слепые чувства зверя в пору гона
Мир обуяли, души пепеля.
Как для «войны миров» вооружились:
Уже о звёздных войнах слышен вой.
Когда у смертных головы вскружились
Бессмертие рискует головой.
Хлеба детишек манят васильками,
А детские ручонки стебельками
Всё тянутся к оружию отцов.
Всё чаще речи переходят в сечи.
Но время опирается на плечи —
На плечи хлеборобов и творцов.

7

На плечи хлеборобов и творцов
Наш род людской извечно опирался,
Но, распрямы терзаем с праотцов,
Не разума, а силы набирался.
Самоубийца тот, кто промолчит,
И тот, кто отмахнётся раздражённо,
Когда увидит, что сосед стучит
В соседский дом рукой вооружённой.
Власть над ядром — опаснейшая власть.
Успеем ли «навластвовать всласть»?
На каждого взрывчатки по вагону.
Послужим, брат, грядущим временам!
На плечи не кому-нибудь, а нам
Ладонями судьбы легли погоны.

8

Ладонями судьбы легли погоны
На плечи тех, кто разум в мир несёт:
Распахнет под картошку полигоны
И тем, быть может, грешный мир спасёт.
Мы видим, книгу памяти листая,
Что ум людской могучим был всегда.
Но существует истина простая:
Вовек уму без разума беда.
Не может мысль в пути остановиться,
Но часто мысль способна заблудиться,
И часто мысль заблудшая страшна.
Чтоб не скосила смерть все жизни разом,
Дала природа людям ум и разум.
Непредставима новая война.

9

Непредставима новая война.
Бывало: полземли в огне гудело,
Но полземли в такие времена
На тот пожар со стороны глядело.
А в прошлое России погляди:
Давно ль, все муки предпочтя полону,
Рвала Россия поперёк груди
Гармонь своих угрюмых эшелонов.
На росстанях не аленьким цветочком,
А на глазах чернеющим платочком
Махала мать идущим в бой сынам.
На каждого по сто смертей у века.
Но если жизнь одна у человека —
Жизнь и у человечества одна.

10

Жизнь и у человечества одна.
Храни весь мир, как берегут отчизну.
Возможно, жизнь одной Земле дана,
И некому по людям править тризну.
Такого мира стать бы сотворцом —
Прекрасны только творческие муки! —
Где каждое дитя, светясь лицом,
К цветку, а не к ружью протянет руки.
О мать-земля, рожденные тобой,
Не над своей, а над твоей судьбой
Горюют и печалются поэты.
Стоит предгрозовая тишина.
Промедлим, и Земля — обречена.
А сколько песен на земле не спето!

11

А сколько песен на земле не спето!
Мы оставляем разные следы,
Но верю я: все русские поэты —
Одной гармонии разные лады.
Поэзия — святое откровенье
Души народной, в счастье и тоске.
И дай мне, Боже, долю — стать мгновеньем
Той музыки на русском языке.
Бессмертной станет песнь моя едва ли,
Поэтов лучших на Руси звали,
Но тихо или громко я пою,
Чтоб в каждой песне сердце уместилось,
Чтоб в каждом слове родина светила —
Я долг поэта ясно сознаю.

12

Я долг поэта ясно сознаю:
Поэт рожден будить людскую душу.
И будь весь мир наш «бездны на краю»,
Я этот долг прекрасный не нарушу.
Есть у души и твердь, и глубь, и высь,
И ясное, всевидящее зренье.
А от души до вечности — лишь мысль.
Но вечность — от мечты до озаренья.
И в жажде петь, вовек неуголимой,
Из родниковых губ своей любимой
Я силой жизни душу напою.
И чтобы после нас на белом свете
Наследовали Землю наши дети,
Я колыбельных миру не пою.

13

Я колыбельных миру не пою,
Зато гляжу всё пристальней и строже
На Землю многодетную свою:
Кто кроме нас родной Земле поможет?
Спит кто-то после ужина с женой,
А кто-то после боя спит с винтовкой,
Но недреманно на груди земной
Ракеты держит век наизготовку.
О мир, где бомбе некуда упасть,
Чтобы в другую бомбу не попасть!
Всегда ли только помнит мир про это?
На скользкой грани мира и войны
Поэты быть над схваткой не вольны.
Борьба за мир — солдатский долг поэта.

14

Борьба за мир — солдатский долг поэта,
А ум и разум — два людских крыла.
И, чтобы с круга не сошла планета,
Гуди, душа, во все колокола!
По своему хотенью мир меняя,
Мы лишку силы взяли у Творца.
Уже мы солнцем бомбы начинаем,
А можно светом наполнять сердца.
Судьба поэта — быть вперёдсмотрящим.
Грядущее провидеть в настоящем.
Дорога мира — мать всех дорог.
Я всем на песню — песней отзываюсь,
Но я солдатским гневом наливаюсь,
Когда ружейный взводится курок.

15

Когда ружейный взводится курок,
Грядущий день земли меня тревожит.
Рукой стрелка нередко движет рок,
А мир упрямо арсеналы множит.
На грешной и святой земле отцов
Соседствуют поля и полигоны.
На плечи хлебобобов и творцов
Ладонями судьбы легли погоны.
Непредставима новая война:
Жизнь и у человечества — одна.
А сколько песен на земле не спето!
Я долг поэта ясно сознаю:
Я колыбельных миру не пою.
Борьба за мир — солдатский долг поэта.

Ирина ПАВЛОВА

ЗДРАВСТВУЙ, ГРУША

(Продолжение. Начало в №3 за 2001 год)

— Так «мама» и его жена вправду колдовать уметь?

— А как же. Вправду. Я уже замужем была. Жили мы на хуторе возле Курина на берегу Мсты. Случилось один раз такое странное дело. Лошадь у нас пропала. Отпустил ее папаша, свекор Николай Семеныч, в ухажу пастись, возле нашего же двора. Стреножил как положено. А она возьми и пропади. И, главное, все люди, что мимо хутора идут или едут, ее видят, а из нашей семьи никто не видит. Пойдут искать и нет ее. Люди говорят: «Да вот же она! Вот здесь сейчас ходила!» А мы не видим. Вот мы с папашей и поехали тогда в Светицы к этой самой мамихе. «Мамы»-то уже в живых не было.

Только мы на порог мамихиной избы ступили, она от печки повернулась и говорит: «Знаю с чем пришли. Лошадь вашу сглазил недобрый человек, который хутору вашему завидует и потому зла вам желает. Глаза вам от лошади отведены. Потому чужие ее видят, а вы нет. Вот возьмите-ка эти крестики и поставьте их по обочинам дороги, что идет от вашего двора в ту ухажу, где лошадь паслась». И подает нам крестики сделанные из щепочек. Приехали мы домой. Сделали все как мамиха велела. Повернулся папаша лицом к ухаже и видит: лошадь там и пасется, стреноженная, как была. А ведь мы ее там четыре дня искали и не видели. Вот ведь как.

Про жизнь бабы Груши замужем бабушка моя рассказывала. Как поженились они с Ваней, через год сынок у них родился Витенька. Да несчастье случилось. Несколько месяцев ему было, когда простудился он, заболел и умер. Еще через год дочка Галя появилась. Эта, слава Богу, жива здорова. В 24 году все Погодины на хутор выехали, недалеко от Курина на берегу Мсты. Вот уж там-то мы все поработали! Братья, сестры мои уже выучились и уехали из дому, а на лето все приезжали отцу помогать. И было у нас процветающее хозяйство. А зимой оставались на хуторе дедка с бабкой да Груша с малыми ребятишками. Ваня все в Колпино работал, домой по праздникам приезжал, но еще двое ребятишек у них появилось, Аля и Коля. Ваню на заводе уважали. Хороший был кузнец, золотые руки. Ну, всегда-то все хорошо не бывает. Прошел как-то слух, что в Колпино он выпивать начал с компанией мужиков-земляков, и что там-де у него сударушка завелась. Груша, как узнала, сама не своя стала. По дому ходит — ничего не видит, ничего не слышит. Посуда из рук у неё валится. Один раз (это она потом рассказывала) стала посреди кухни, ничего ей не мило. И надумала отравиться «Парижской зеленью». Это вещество такое раньше было, чтобы тарака-

нов травить. В это время младший сынок её Коленька в люльке заплакал. Она и одумалась. Одумалась и решила: «Поеду к Ивану в Колпино. Если нужны мы ему, вернется домой, а нет... Заберу детей и уйду в Светицы к своему отцу. Работать буду. Не пропадем». Так и объявила свекру со свекровью. А те говорят: «Что ты, Груша! Ты от нас не уходи. Пусть он как хочет, а тебя и внучат от себя не отпустим. Ну, а съездить — съезди». Так она и сделала. Приехала в Колпино. Зашла в ту комнату в бараче, где Ваня жил. А он там, и эта сударушка с ним, штопает что-то у стола. Толстая такая бабёха. А Груша заходит — стройненькая, ладная. «Здравствуй, — говорит, — Иван Николаевич. Коли нужны тебе я и дети, сделай так, чтобы мы все вместе были, а коли нет... Прощай!» Повернулась, дверь закрыла и прямо на поезд. Так и уехала.

Через день после её возвращения Иван на хутор приехал. Как ни в чём не бывало. Детям гостинцы привёз. Груше платок. Сели обедать. За столом он и говорит между прочим: «У нас на заводе желающих записывали ехать работать в Свердловск на Уралмаш вместе с семьями. Так я записался на три года. Поедем, что ли, Груша?» Она отвечает: «Поедем, если зовёшь». А после, как вдвоём остались, опустил глаза в пол и вымолвил: «Ты уж прости, Груша, за Колпино». «Хорошо, — отвечает, — но если ещё раз — не стерплю». Так вот и уехали они в Свердловск в 1936 году.

Дальнейший поворот событий могу представить себе тоже по воспоминаниям обеих бабушек. В 1939 году, к моменту возвращения семьи бабы Груши из Свердловска, жизнь на хуторах была запрещена советской властью. Дедушка Николай Семеныч умер. Бабушке Наталье Ивановне пришлось переехать в посёлок Любытино (бывшее Белое). Семья молодых Погодиных перебралась в Курино на старое место. Там, было, они зажили по-маленьку. В колхозе работали. Да тут началась война. Война всем жизнь перевернула и их не миновала. Ивана Николаевича в армию призвали. Груша со свекровью и детьми в Свердловск уехала. Боялись они в оккупацию попасть. Старшие сыновья Натальи Ивановны были один офицером в Красной армии, другой — партийным работником в Боровичах. Вот «добрые» соседи и нашёптывали: «Придут немцы, вас всех повесят». Кабы знали, что немцев в Любытине не будет, остались бы, имущество бы сохранили. Ну, вещи растащили, а дома-то, слава Богу, стояли и Любытинский, и Куринский. Когда Груша с детьми и старушкой в 1945 году назад приехала, жизнь худо-бедно, но наладилась. А вот Иван Николаевич пропал. Ничего о нём не знали. Жив ли,

нет ли. Будто и на свете такого человека не бывало. Писем от него с войны не получали. Похоронки тоже. Пытались разузнать — безрезультатно. Только уже несколько лет спустя после войны встретила Груша в Ленинграде, куда она погостить к родным приезжала, одного человека, что в сорок первом году в Военкомате работал. Ивана Николаевича он и до войны знал по Ижорскому заводу и в начале войны раз встретил. Этот человек Груше и объяснил. Погодин-де воевал на Волховском фронте. И попал во Вторую ударную армию, которую сформировали для того, чтобы не дать немцам замкнуть кольцо вокруг Ленинграда. Но поставленной задачи армия не выполнила, попала в окружение под Новгородом у деревни Мясной Бор. Большая часть её там и погибла, очень немного людей вырвалось из смертельного котла и пришло к своим. А генерал Власов, командовавший армией, сдался в плен фашистам. «Всё могло быть, — говорил тот человек. — Может быть ваш муж погиб под Мясным Бором, что вероятнее всего. Может он и был среди вышедших из окружения, но это для него было бы ещё хуже, потому что все, вышедшие оттуда, были арестованы и посажены в тюрьму, а позднее осуждены и разосланы по лагерям, в связи с изменой Власова. Всех, кто числился в его армии, сочли предателями Родины. Оттого я не советую вам узнавать о вашем муже через официальные органы. Это может быть небезопасно для вашей семьи».

Что было делать Груше, простой колхознице, матери подростков, которым нужно учиться, занимать своё место в жизни? Она смирилась. Стала жить в Курино, работать в колхозе. Ещё одна утрата опечалила её. В 1948 году умерла её любимая свекровь Наталья Ивановна, с которой они друг без друга всегда скучали и, что ни день, одна другую проводывали. Моя бабушка вспоминала: «Как увидятся, так и вскрикнут от радости:

— Мамаша!

— Грушка! — и всё про свою счастливую жизнь в Курино до революции да на хуторе до войны вспоминают».

Теперь Груша совсем одна осталась. Сына Колю в армию забрали. Дочка Аня в Ленинград учиться уехала в Педагогический институт. Галя работала в другом районе Новгородской области. Смириться-то Груша смирилась, а в душе у неё потихоньку надежда жила. Частенько дома у икон, оставшихся от Погодиных старших, ставила она свечку не за упокой, а за здоровье раба Божьего Ивана и просила Пресвятую Богородицу о том, чтоб узнать о нём хоть что-нибудь. Ходила бы и в церковь, да церковь в Любытино давно уж была закрыта. И попадала Груша в храм Божий, когда в Ленинграде гостила у золовки своей Наташи. А дома в печке чугунок щей горячих или картошки навсегда держала, а в буфете маленькую на всякий случай.

Сама она тогда ещё нестарая да сильная была. Бывало, и мужички к ней в дверь стучали с предложением: «Давай, Груша, с тобой будем жить вместе. Выходи за меня замуж». Только она всем одинаково отвечала. Как сама она рассказывала: «Встану, дверь из избы открою и скажу: «Нет уж, не обессудь, Алексей Петрович или Кузьма Филиппыч. Я своего мужа так любила, что мне и после него никого не надо». И выпровожу». При словах «никого не надо» баба Груша все-

гда делала резкий отрицающий жест правой рукой от груди к полу. Это означало, что всякие разговоры о новом замужестве должны быть прекращены. Помню, я была ещё совсем маленькой девочкой, но, слушая эти рассказы, невольно проникалась большим уважением к сухонькой старушке, видя в ней в такие минуты ещё довольно молодую, сильную русскую женщину, сильную своим духом, верностью, любовью и верой.

Годы шли. Тяжёлая колхозная жизнь текла своим чередом. Так наступил 1953 год, год смерти «великого вождя». Однажды, уж дело к осени шло, стояла Груша у печки. Вдруг слышит, поднимается кто-то по крылечку. Мало ли кто может зайти? А сердце почему-то замерло. Входит мужчина. Груша боком к нему стояла, не видала лица. Видала только, что в ватник одет да сапоги, а шапку в руках держит. Сразу поняла кто это. Душой почуяла. Повернулась к нему и видит — он это, Иван Николаевич, хоть и постарел он очень. На войну провожала ещё соколом глядел, а здесь старик стоит. Волосом ещё чёрнявый, а лицо всё в морщинах. Сколько раз она себе этот миг воображала, а тут и сказать ничего не могла. Как сама вспоминала: «Горло мне перехватило. Не вдохнуть, не выдохнуть. А он-то мне и говорит, нерешительно так: «Здравствуй, Груша». А я молча ведра с лавки схватила и побежала на колодец. Бегу, а сама будто не понимаю, что и делаю. Достала воды. Несу в избу на коромысле. Захожу, а он и стоит, где стоял, шапку в руках держит. Тут я маленько продохнула. «Что ж ты стоишь-то, Иван Николаевич, — говорю. — Чай, домой пришёл. Раздевайся. Я сейчас баенку истоплю. Щи горячие для тебя в чугуне который год приготовлены. Маленькая-то в буфете стоит, помнишь, поди, в котором месте?» Тут он на лавку сел и заплакал. «А я ведь, Груша, думал, что ты меня уже не любишь». «Господи Боже! Да кого же я люблю-то! Один у меня был муж! Один и останется, хоть живой, хоть мёртвый!» Пожили мы с ним, но недолго».

В последние годы много писали и говорили о трагедии Второй ударной армии и о причинах и обстоятельствах, побудивших генерала Власова с небольшим количеством близких к нему офицеров отдаться противнику. Не вдаваясь в подробности этого дела, хочу только напомнить читателям, что подавляющее большинство бойцов Второй ударной честно сложило головы осенью и зимой 1941–1942 годов на Новгородских болотах, находясь в окружении врага. Под одной только деревней Мясной Бор погибло около ста тысяч солдат, кости которых плотным слоем усеяли это место и продолжают лежать там до сих пор в большом количестве, несмотря на многолетние усилия добровольцев-энтузиастов, собирающих и предающих погребению останки русских людей, вынужденных погибнуть в результате неадекватности, а может быть и умысла военачальников. Военачальников, воевавших не умением, а числом. Числом плохо вооружённых и снабжённых воинов. Только очень незначительному количеству воинов Второй ударной удалось выйти из окружения по четырёхсотметровому коридору, проделанному в смертельном кольце вражеских сил и некоторое время удерживаемому ценой многих жизней.

Среди этих вышедших оказался по счастливой случайности и Иван Николаевич Погодин. Впрочем, по счастливой ли? Тот человек из Военкомата был прав. Остаться в живых в этой ситуации оказалось гораздо хуже, чем умереть. По традиции тех времён, после перехода Власова на сторону противника, все служившие во Второй ударной армии были названы одним словом «власовцы», то есть предатели, изменники Родины. Независимо от того, погибли ли они в болотах Мясного Бора, вырвались ли израненные из окружения, видали ли своими глазами командарма Власова или нет. Мертвых приказано было забыть. Живых арестовали и приговорили, кого к расстрелу, кого к разным, но большим срокам заключения. Иван Николаевич пробыл в тюрьмах и лагерях с 42 по 53 год, не имея права даже сообщить семье, что он жив.

Вспоминать обо всем этом он не любил. Говорил только, что спасло от расстрела его, наверное, то обстоятельство, что на всех допросах и дознаниях он отвечал всегда одно и то же: «Я был рядовым солдатом. Честно выполнял приказы своих командиров. Власова своими глазами никогда не видал. Ничего про него не знал и не слышал, кроме того, что он приехал командовать армией вместо заболевшего Клыкова к концу зимы 42 года». А вообще, когда речь обо всех этих делах заходила (и говорили-то про них шепотом), он предпочитал молча выпить.

«Здоровье его стало очень слабым. — Вспоминала баба Груша. — Дело уже шло к пенсии, но в колхозе он еще порабатывал. Летом мы с ним подряжались колхозное стадо пасти. Председатель тогда был худой. Оно ведь тоже от человека многое зависит. Были у нас и хорошие председатели, а этот горазд вредный попался. Обещал нам одну сумму за пасьбу-то заплатить, а дал меньше половины. Ваня к нему пошел, а он говорит: «Хватит тебе и так. Ты вообще к казенным харчам привычный». Ну, Ване что ответить? Повернулся да ушел домой. А я, как узнала, не стерпела такой обиды. Пришла к этому председателю в правление, стала против стола и крикнула: «Ах ты Берия колхозный! Если б ты меня общипал да обидел — смолчала бы. А за Ваню, за человека и так зря обиженного, не спущу!» Взяла и плюнула ему в рожу-то. Да и ушла. Пришла в Курино, все людям рассказала. Колхозники говорят: «Ой! Груша! Посадить ведь тебя могут». Однако ничего. Сошло. Не те, знать, уж времена были как в тридцатые-то годы. А председатель хоть и не все, но деньги отдал.

Была у нас одна радость — внучок Генушка, дочка Гали сыночек. Он у нас на Курине и рос. В дедушку уродился чернявенький и ухо имел музыкальное. Дедо ему гармошечку купил. Так они, бывало, сядут в избе, дедо — с баяном, а Гена — с гармошкой, и играют песни и другую всякую музы-

ку. Гена и пел хорошо. В 1956 году в Любытинской районной газете даже фотография была напечатана. Сидит на ней дед Иван с баяном, рядом я, а на руках у меня — внучок с гармошечкой, ему-то всего годика четыре. И написано было под фотографией «Сыграем, Гена».

Дедо, однако ж, выпивал частенько. Я понимала: такую жизнь прожив, поневоле выпивать станешь. Но, все же для порядка ворчала. Придет он под хмельком, а я в печке чугунами ворочаю и ворчу: «Какой был, такой и остался». Он ничего, молчит. Вот раз пришел так-то, а Генушка взял свою гармошечку, заиграл и запел песню из кино: «Каким ты был, таким ты и остался, орел степной, казак лихой...» Дедо смеется, говорит: «Это ты научила!» А я и не думала учить-то».

Пожили Иван Николаевич с Аграфеной Ивановной тихой жизнью, да не долго. Однажды осенью простудился Иван Николаевич, заболел и вскорости умер. Организм был ослаблен. Бороться с болезнью не мог. Так сказали врачи. Всего-то четыре года спокойствия им судьба отпустила. На

бабу Грушу беды так и сыпались одна за другой. Дочка Аля — молодая учительница, поехала после института работать в Белоруссию. На первом же году попала в автокатастрофу и погибла. Сын Коля, отслужив в армии, остался там сверхсрочником, женился, двоих детей имел. Да служить ему выпало на ядерном полигоне, в Семипалатинске в Казахстане. Получил он смертельную дозу радиации и от этого скончался тридцати семи

Дедо — с баяном, а Гена — с гармошкой

лет от роду. Любимая страна и его жизнь забрала, не спросив и не сморгнув.

Баба Груша на восьмом десятке её жизни, пережившая много трагедий, но все еще бойкая, скорая на выдумку, удаляя на работу, маленькая, шустрая навсегда осталась такой в моей памяти. Навсегда осталась в ушах её певучая плавная новгородская речь. До самой смерти была она верна родной избушке в Курине, где с пятнадцати лет жила, и горе и радость видала. В семидесятых годах оставалось их всего три старушки в Курине зиму зимовать. Бабка Груша, бабка Ольга да бабка Таня. «Как же вам не скучно зимой в снегу-то сидеть?» — спрашивали иные. «Нет. Нам весело, — отвечала баба Груша. — Мы, как стемнеет, собираемся в одну избу. Самовар поставим и книжку вслух читаем. Одна читает, другие слушают и обязательно что-нибудь делаем как девки на поседке. Вяжем, прядем, а, иной раз, кросны поставим — половики ткать. Раз в две недели в районную библиотеку ходим. Книжки берем. Мне, гляди-ка, на колхозном собрании премию вручили — пять рублей, как лучшей читательнице среди пенсионеров.

А то еще со мной оказия какая была. В Новый Год у нас в Любытино в клубе карнавал устраивали. Велели тем, кто

хочет, в костюмы наряжаться. Я взяла, белую рубаху себе из простыни смастерила. На руки из марли и папиросной бумаги крылья белые сделала. На голову белый колпак в виде птичьей головки с клювиком, с глазками. На груди надписи приляпала «Миру мир!» И стала я «Голубем мира». Пришла в клуб, хожу среди людей, на других смотрю, себя показываю. Концерт начался. Я села в первом ряду. Сажу. Вдруг громким голосом говорят: «Погодина! Выходи на сцену!» Я не поднимаюсь и соседкам шепчу: «Ой, бабыньки, да никак меня посадят?» Они меня подталкивают: «Иди, Груша, иди. Это они тебя наградить хотят». И верно. Вышла на сцену, объявляют: «Погодина Аграфена Ивановна! Первое место за костюм «Голубь мира!» И приз дали — тридцать рублей».

Помню, когда мы всей семьей приезжали в гости на Курино, баба Груша ни одной минуты на месте не сидела. Все вокруг неё кипело. Корову держала. Козочки в загородке бегали. На дворе куры кудахтали. Огород в полном порядке. «Я дома и не болею никогда», — часто баба Груша повторяла. Курино деревня лесная. Мы за день из лесу грибов, ягод наносим. Глядишь, уж у неё всё нажарено, наварено, пирогов напечено. Садитесь кушать. Вечерами перед сном любила она, забравшись на печку, рассказывать нам из Евангелия. Писание она хорошо знала. Сама читала. А передавала его в интересной народной интерпретации. Иногда даже современные слова и выражения употребляла. Однажды так рассказывала она о Гефсиманском саде и о том, как пришли рабы и воины, чтобы схватить Иисуса Христа. «И пришла за Ним милиция, — вещала баба Груша с печи, — и арестовали его. И взяли под белые ручки, и повели в суд к старейшинам. А те велели вести Его к Понтию Пилату...» «Ой, Господи, — бормотал мой отец спросонок, — к Понтию Пилату. Оказывается речь о Иисусе Хри-

сте. А я думал это в Любытино что-то случилось». И снова начинал похрапывать.

Уезжать на зиму к дочке Гале в поселок Бронницу баба Груша начала лишь, когда ей перевалило далеко за семьдесят. Поначалу ездила с коровой на грузовике. Потом с козой на местном самолёте-этажерочке летала. Потом уж с одними курами. И только за восемьдесят перестала животину держать. А уж к Новому Году и Рождеству мы всегда её к себе в Ленинград ожидали.

— Смотри, баба Груша, приезжай. А то без тебя и праздник не праздник.

— Как же, как же. Приеду. Ведь золовка Наташенька у меня лучше сестры. С детства мы с ней вместе. Увидимся, как всю жизнь заново проживём.

Умерла баба Груша, когда мне было двадцать лет. Хорошили её в начале июня на сельском кладбище в Броннице, где живёт её дочь Галина Ивановна и внук Гена. Для меня смерть её означала прощание с детством, с его лучшей сказочной частью, существовавшей, благодаря бабе Груше, почти наяву. Только много позже я осознала, что баба Груша на самом деле была одним из столпов, на которых держалась русская деревня и которые срублены почти начисто в наше время. Простые неприметные люди, наши бабушки и дедушки. Их было так много и осталось так мало. Что же будет, когда они уйдут все до последнего? Неужели пустыня? Неужели частица их живой души, зароненная в нас, не воскреснет, не даст ростков? Кто кровопотливим трудом, жизнелюбивым нравом будет удерживать Россию на ногах? Все эти вопросы не дают мне покоя. И только тогда я успокаиваюсь, когда вижу, как мой маленький сын бежит по родной земле, истоптанной его прадедами. Потому, что в нём я вижу надежду.

Ирина ЩУКИНА

ШОЛА

*Небо там старинное,
Стираное ливнями,
С песнями, с былинами,
С елью, как с оливами.*

Сергей Орлов

На карте Белозерья есть удивительное название — Шола. На языке мери «шола» обозначает «вяз», «вязкое»; по другой версии, с вепского переводится как «болотистая местность». Это довольно обширный край, расположенный северо-западнее Белого озера, огромные пространства которого занимают топкие болота, с многочисленными пятнами озёр. Край известен непроходимыми дорогами, дикой северной природой и интересными людьми.

В Шолу не раз отправлялись в экспедиции столичные историки, этнографы и фольклористы. Не раз пришлось побывать здесь и автору этих строк. Интересовала история

Шолы, ремесла и промыслы в крае, обряды и праздники, традиции здешних мест.

Места эти давно освоены человеком, о чем свидетельствует топонимика. На территории Белозерья сохранились многие черты славянской древности. Но не менее интересна и судьба угро-финских поселений. В Шоле и в настоящее время живут потомки древнего племени весь — вепсы. Следы расселения славян и угро-финских племен в крае сохранились в названиях озёр, рек, поселений. Так, например, недалеко от села Зубово расположено озеро, которое называют Ягл-озеро, или Черное. Почвы здесь пес-

чаные, растут на них высокие сосны, которые, по словам старожилов, использовали для строительства домов и храмов. Землю под соснами застилает мох ягель. О названии же села Zubovo местный житель Ф.И. Веселев рассказал легенду: «Давным-давно жил в этих краях человек очень большого роста. Жил сам по себе, отдельно от других. Однажды, когда мужчины из деревни ушли на охоту, а в избах остались только женщины, старики и дети, на селение напали новгородские ушкуйники. И тогда этот мужик, по прозвищу Зуб, дал бой врагам на реке Китле. В честь его победы и назвали село Zubovo». Так это было или иначе, но древняя легенда живет до сих пор.

Победитель новгородских ушкуйников не единственная легендарная личность, в честь которой названа деревня. Так деревня Молино, по преданию, получила свое название от фамилии польского шляхтича, влюбившегося в местную девушку. Ни родичи северной красавицы, жившие в деревне Верховье, ни стоявшие лагерем завоеватели — поляки не приняли влюбленных. Тогда они, переправившись через реку Шолу на противоположный высокий берег, построили там первое жилище. К XIX веку Молино стало одним из крупнейших поселений края. Многие селяне, проживающие в этой деревне, по сей день носят польскую фамилию — Молинские.

На берегу Патринозера (название происходит от вепсского *patraida* — пачкать) лепилась помещицья деревушка Сукозеро. В ней жили два брата, Порфирий и Димитрий Кичаковы. Им приглянулись земли в устье речки Суки. Хозяйственный взор братьев, не чуждый красоте природы, узрел, однако, нечто другое. Обилие белоствольных берез попеременно с елями навело их на мысль о подсеках — грандиозных лесных пожарах, после которых на удобренной золой почве можно получить богатые урожаи ржи, ячменя. В плодородии здешних почв убеждал братьев и кудрявый дикий хмель, что переплел могучие деревья в устье речки. Братья стали подумывать о покупке земли, памятуя о заветной кубышке, что хранилась в старом пне, где екатерининские рубли лежали рядом с тяжелыми гривнами и синими ассигнациями. Расстаться, с трудно нажитыми капиталами, было сложно, они копились годами. Однако приобретение земли, сулившее большие выгоды, состоялось. Закипела работа. Сначала построили баню, служившую временным кровом, а через четыре года в одной большой избе уже жили два брата с тремя сыновьями. Выселок стал называться по фамилии братьев — Кичаково. Еще до польского разорения, случившегося в начале XVII века, существовала деревня с таким же названием, где и жили предки братьев Кичаковых. Легенда рассказывает о том, что однажды в отсутствие молодых «кичаков» на деревню напали «паны». Зычный голос отца призвал детей на битву. Они быстро преодолели семь верст и, вооружившись дубинами «на моржовых гужах», жестоко расправились с захватчиками. Отступая, поляки отравили воду в колодцах, что привело впоследствии к мору. Кичаки, оставшиеся в живых, ушли в Сукозеро.

На другом берегу Патринозера находились лесные угодья — дача Федора Алексеевича Сукина, купца I гильдии, депутата Государственной Думы, гласного уездного и губернского Земств. В памяти жителей Шолы сохранились воспоминания о нем. Земли дачи Сукина простирались до озера Дружинного. Они отличались плодородием. В лесах,

где березы чередовались с елями и соснами, водились медведи, волки, лисы. Многочисленные ягодники привлекали птиц. Озера и реки были полны рыбой.

Богатые владельцы дачи, Федор Алексеевич и его отец Алексей Иванович Сукины, слыли щедрыми жертвователями. Они не раз выделяли солидные капиталы на благотворительные нужды. Большие средства вложили Сукины в обустройство села Шолы. Алексей Иванович Сукин пожертвовал в 1901 году на содержание Шольской больницы 10000 рублей, а за счет процентов с этого капитала содержали бесплатный кров для неимущих. На средства Федора Алексеевича на берегу реки Шолы в 1901 году была построена новая больница, которая впоследствии содержалась за счет устроителя. В 1906 году Сукиным выделены средства на реконструкцию больничных зданий: проведена окраска внутри и снаружи, приобретено железо на крышу и линолеум на пол. Перед первой Мировой войной, в 1914 году, по инициативе Федора Алексеевича построен в Шоле первый телеграф. Из документов начала XX века известно, что Федор Алексеевич был попечителем многих учебных заведений Белозерья. В 1903 году он бесплатно отпустил лес на строительство школы в деревне Васютине Мегринской волости. Священник Евгений Беляев отслужил молебен по случаю освящения нового здания школы в сентябре 1903 года. С этого времени школа содержалась на средства устроителя. Белозерский миллионер был владельцем лесопильных заводов, пароходов «Шола» и «Леся Сукин», нескольких каменных домов в Шоле на берегу реки. Любопытно, что двухэтажные дома Сукина с кованными парапетами и вазонами на крышах, сохранились. После революционных событий 1917 года, следы Федора Ивановича Сукина затерялись. Люди, близко знавшие семью купца, позднее рассказывали о том, что, узнав о скором аресте, Федор Алексеевич ночью посадил в легкие выездные санки жену, впрягся в них и ушел по реке. (В прошлом зимняя дорога по рекам и озерам связывала Шолу с внешним миром.)

На левом берегу реки в центре села стоит каменная церковь Богоявления, построенная в 1806 году рядом с деревянным храмом во имя Рождества Богородицы XVII века. Древний храм сгорел в 1852 году. Одноэтажная церковь Богоявления с колонными портиками и шестигранным куполом, покрытым прежде белым листовым железом, имела пять престолов. В холодной церкви во имя Богоявления справа находился придел Ильи Пророка, слева — Кирилла Новоезерского Чудотворца. В теплой церкви с правой стороны — придел во имя Николая Чудотворца, с левой — во имя Апостолов Петра и Павла. В 1835 была пристроена каменная колокольня. Когда-то церковь и кладбище были обнесены кованой оградой, от которой остались лишь фрагменты. По воспоминаниям жителей, церковь закрыли в начале 1930-х годов, тогда же разрушили и колокольню. На старом кладбище сохранилось несколько могильных памятников. На одном из них удалось прочесть надпись: «Незабвенному Фердинанду Матвеевичу Ворман. Родился 24 июля 1849 года. Сконч. 24 июля 1908 года». Любопытно бы узнать, что это был за человек, чем занимался, как жил, есть ли родственники?

Начиная с XIX века, настоящее и прошлое Шолы постоянно освещалось в уездной, губернской, а позднее в районной и областной прессе. Активным корреспондентом уездной газеты «Известия» был Г. Шурупов, живший в

Гавринской волости. Он публиковал свои статьи еще в начале XX столетия, подписывая их «Сын Шолы». В 1913 году Шуруповым были напечатаны воспоминания ссыльного о Белозерском — Кирилловском — Череповецком этапе. В годы первой империалистической войны в газетах публиковались окопные частушки, автором которых был Г. Шурупов. Частушки были весьма популярны среди населения. Они не только распевались под гармошку, но и звучали из уст Петрушки в агитационных уличных спектаклях:

Третья осень наступает,
Как в окопах мы живем,
И Вильгельму-людоеду
Дальше хода не даем.

В 1960 годы местная газета «Красная Шола» публиковала материалы по истории края, среди них — воспоминания Г. Шурупова о первых днях Советской власти в Гавринской волости Белозерского уезда.

В конце XIX — начале XX столетия в губернской прессе довольно часто печатались сообщения о событиях в крае: видах на урожай, рыболовстве на реках и озерах, строительстве лодок на Кеме, деревенских праздниках в Шоле. Особенно содержательны корреспонденции Осипова, Г. Соловьева, Н. Светлова и священника Евгения Беляева. Часто публикации в Вестнике Новгородского Земства и в Новгородских Епархиальных Ведомостях подписаны не расшифрованными пока инициалами.

В 1960 годы в местной газете «Красная Шола» публиковались материалы по истории края, подготовленные учителями Шольской средней школы, Ф.В. Кузиным и М.А. Гусевым.

После революции 1917 года изменился весь жизненный уклад. Старые люди вспоминали коллективизацию, когда в каждом селе был организован колхоз: деревня Панкратово — колхоз «Красный пахарь», деревня Максимово — колхоз «Красный Ручей», деревня Гаврино — колхоз «Шола»... Всего было образовано около 50 колхозов. Учитель М.А. Гусев рассказывал, что первая волна коллективизации проходила в 1928 году. Тогда еще только приступали к обобществлению, скот оставался в личном пользовании, совместных посевов не было. Колхозники принимали участие в лесозаготовках. А в 1929–1930 годы организован колхоз «Красный чухарь» («чухарь» — так называли местных жителей), объединивший 50 дворов. И.В. Петров, уроженец деревни Иваново, вспоминает, что сначала в колхоз никто не записывался. Только в 1930 году вошли те, кто жил неплохо, так как боялись раскулачивания. В 1931 году уже все стали колхозниками, а те, кто не хотел вступать в колхоз, уехали. Проводил коллективизацию некий Каулин, и о нем пели в частушке: *«Ты зачем Каулин едешь убирать у нас овес...»*.

Даже в Шоле немногие знают, что в местечке Курдюг на территории нынешнего Белозерского района с 1930 по 1934 годы существовала коммуна имени Ленина. Член коммуны — А.И. Петрова вспоминала: «В коммуне занимались животноводством, выращивали овощи, рассаду. Жили хорошо, голода не знали. Когда получили трактор, в коммуну съехался весь район. По выходным ставили спектакли. Дети все учились в школе. Для мальчиков были куплены серые костюмы из «чертовой кожи», а девочкам — коричневые платья. За малышами присматривали несколько женщин,

пока их родители были заняты на работе. Питались сообща, в столовой». Побывал у коммунаров фотограф из Белозерска Василий Васильевич Кичагов, активный фотокорреспондент местной печати. На его фотографиях запечатлены члены коммуны, встреча трактора коммунарами, первая борозда в поле, малыши со своими воспитательницами. Жизнь 1920–1930 годов наполнена событиями, которые все оценивают по-своему. Оценки эти самые противоречивые, как противоречива и сама история. В эти годы выросло поколение, вынесшее войну, пережившее голодное послевоенное лихолетье.

Уже больше пятидесяти лет прошло с того времени, когда закончилась война, а память о ней жива. Н.Н. Французов рассказывает, что первая военная мобилизация в Шоле проходила 29 июня 1941 года. Кто-то из жителей района, не успев прийти с финской войны, вновь отправился воевать. Так, Иван Александрович Першин вернулся домой после финской кампании зимой 1941 года, а в июле был вновь мобилизован. Домой не вернулся, погиб в бою за Великие Луки. Его сын, А.И. Першин, в годы войны трудился в колхозе, с двенадцати лет пахал, сплавлял лес по реке. Ульяна Николаевна Соловьева перед войной освоила специальность тракториста и всю войну была бригадиром тракторной бригады, в которой работали девушки и подростки. Устав за день, маленькие работники иногда засыпали тут же в тракторе.

Колхозникам в годы войны помогали учителя и школьники. М.И. Краснова вспоминает, что они в то время принимали активное участие во всех сельхозработах и воскресниках. Были агитаторами, помогали вести подписку на заем обороны. В 1941–1942 годы на территории Шолы велось строительство оборонительных сооружений. К счастью, они не понадобились. Враг был остановлен.

И после войны жизнь не была легкой. Многие старики со слезами вспоминают трудный 1947 год. Учительница Т.Ф. Утышева вспоминала, что ученики в те годы обязательно работали в колхозе во время каникул, и им, как взрослым, выписывали книжку и считали трудодни.

До революции в крае на реках Кема, Ковжа, Удашка, Шола размещались лесопильные заводы Полежаева, Неворотина, Ратькова-Рожнова, Матвеевой, мукомольные и крупчатые заводы Николая Дмитриевича Полежаева. Также в Белозерье были развиты ремесла по обработке дерева, соломы, льна, кожи, шерсти, глины, металла. Но они были подспорьем земледельцу и практически не зафиксированы в статистических сборниках о производствах в крае. До конца 1940-х годов продолжал существовать в Шоле гончарный завод, на котором А.И. Тюричева проработала более десяти лет. Предприятие было полукустарным. Работали в основном женщины, почти все операции выполняли вручную. В обычном сарае изготавливали разную посуду: чашки, кринки, горшки, творильники, тазы. Торговали этими изделиями по всему Шольскому району, иногда возили посуду и в Белозерск, где продавали ее на рынке.

В 1969 году Шольский район был ликвидирован. Тогда же образовался колхоз «Шола», объединилось 47 маленьких колхозов.

В настоящее время самое крупное предприятие в Шоле — леспромхоз. Современная жизнь принесла новый уклад, свои обычаи и обряды. Несмотря на это, многие жители края помнят старые песни, частушки, обряды, праздни-

ки... В Шоле мы познакомились с Л. Т. Старевым, который сочиняет стихи, частушки, помнит песни, что пела его мать Наталья Егоровна. Одна из таких песен, составленная, видимо, в 1920–1930 годы, посвящена трагической истории любви коммуниста и дочери священника:

Отец мой — священник,
Ты сам это знаешь,
А ты, милый мой, коммунист.
Советскую власть
Он ужасно не любит.
Он ярый у нас монархист.

Подобные песни с простым ритмом, незатейливыми стихами бытовали в разные времена, в основу их сюжета положена ситуация, которая вполне могла возникнуть в реальной жизни.

В личном архиве бывшей учительницы Екатерины Яковлевны Киричевой сохранилась запись, со слов матери, обряда деревенской свадьбы и старая русская песня «Ленок». По ее воспоминаниям мать часто пела эту песню. Песни о льне были очень популярны в крае, где с давних пор существовала культура возделывания и обработки льна. Подобная песня была записана в начале XX века собирателями фольклора братьями Соколовыми. Екатерина Яковлевна хранит концы полотенца с удивительным красным узором, который вышивала ее матушка. В молодости Киричева работала в вепской деревне, учила детей и взрослых грамоте. Она очень отзывчивый, трудолюбивый и всеми уважаемый в Шоле человек. Екатерина Яковлевна подсказала ряд интересных адресов, по которым мы и отправились. Еще в 1960 годы она помогала школьникам краеведам из Белозерска, которые приезжали в Шолу вместе с учителем истории, основателем городского музея Р.А. Новиковой. Тогда Екатерина Яковлевна вместе с Риммой Александровной со школьниками ходили в вепские деревни, которые находятся в глухих уголках шольских лесов. Жители этих деревень — народ осторожный. И если их не расположить к себе, немного узнаешь. Екатерина Яковлевна для местных жителей — человек авторитетный. Многие жители Шолы когда-то учились у нее. Поэтому ребята, представленные старой учительницей, пользовались доверием. Тогда в конце 1960-х годов они собрали много экспонатов для будущего Белозерского музея. Записали они немало коротких песен (так называют частушки в Шоле):

Опущу колечко в воду,
Против Коли нет народу.
Коля бел и высок,
У Коли нежный голосок.

Катю маменька жалеет,
И папаша бережет.
Каждый день ее с беседушки
С поленом стережет.

Я иду, а бабы судят
И считают мне года.
Не считайте. Не завяну
Я назло вам никогда!

Милый мой! Моя утеха
Я любила, ты уехал.
Ты уехал воевать,
Меня оставил горевать.

Передай привет залетке,
Птица перелетная!
Полевая то вторая
Рота пулеметная.

По-березовски сыграем,
По-березовски споем.
Лодки к берегу причалим
И к осьмухинским пойдем!

С неба звездочка упала,
Я за пьяницу попала,
Ничего что пьяница,
Благо я красавица.

Блюдо чисто, чай душистый,
Серебряная вода.
Отчего ребята любят?
Что девчонка молода.

Частушки, это видно из текстов, составлялись в разное время и разными людьми. Они сохранились в народной памяти. Жаль только, что ребята, записывая эти тексты, не записали имена информаторов. Подробный анализ этих текстов сделают специалисты, а мы не устаем удивляться талантам жителей Шолы.

Шола считается глубинкой Белозерского района Вологодской области. Центр, село Зубово, в 180 километрах от железнодорожной станции Череповец. Здесь находятся заповедные охотничьи угодья. Дорога сюда ухабиста, однако за этими ухабами лежит прекрасный край со своей историей и удивительными людьми, которые могут рассказать еще много интересного...

Тамара СИГАЛОВА

ЗИМНЕЙ БЕРЕЗЕ

Отчего тебе не спится?
Вокруг всё безмятежно спит.
И только странница — синица —
Заденет белые ресницы
И — улетит.

И будет шёпот отовсюду
И ты, ожившая едва,
Прошепчешь мне
 свои этюды,
 свои слова.

Душа запорошена —
 снег один,
я тобою не брошена,
 да ты и любим.

Отчего же смятение,
 грусть и страх —
— Постоянною темой
 на устах?..

НОВГОРОДУ

В замершем городе,
 замёрзшие дома,
 Это — моя родина,
Моя одна.
Февраль вызванивает
 на куполах,
И кремль важничает
 с зимою в лад.
Лебёдушками — боярышни —
 красивей нет
На коробах Ярыша
 найдёшь ответ.

Я хочу смотреть на вас,
 птицы,
Разглядеть хочу ваши лица.
Не пугайтесь, постойте,

Но — кокетливый взмах крыла...
Загляните — и спойте
Я давно вас звала.

Пир горою устрою —
 хлеб и сало, и мармелад,
Окна настежь открою
И спою с вами в лад.

Не отриньте. Я тоже — птица.
Только Бог мне не дал крыла.
Нет во мне человеческого зла.
По ночам только небо мне снится.

Любимый, я устала ждать
Звонков и писем, и приветов.
Прошла зима —
 и скоро снова лето
И очень скоро — ты опять.

Придётся лгать,
 что в полной заморочке
Я забываю о тебе,
И потому — ни слова,
 и не строчки
Всё потому, чтобы не быть беде.

Ты не поверишь,
Станешь ждать ответа.
Ну, пусть скорей приходит лето.
Ну, пусть оно скорей придёт.

Художник А. ГОРОДЕЦКАЯ

КРАСОТА СОЗДАЁТСЯ ЗУБАМИ

Об одном интересном виде рисунков на бересте

Когда находишь неизвестный предмет, всегда трудно преодолеть желание попытаться его разгадать. В археологическом отделе Новгородского музея хранятся два фрагмента бересты с непонятным видом тиснения на них. Ни один из известных мне способов украшения бересты при помощи штампов, шильев, пробойников и т.д. не подошёл для объяснения этого варианта украшения коры. Я тщательно рассматривал эти два небольших фрагмента, сделанных кем-то в XI–XIV веках. В музейном реестре фрагменты значатся как «деталь берестяная с выдавленными линиями (орнаментом)». Оба были найдены на Неревском раскопе. Фрагменты имеют размеры 3,3х13,5 толщиной 0,5 мм и 5х27,5 сантиметров и толщиной 1 мм. Похоже, с поперечных концов они к чему-то были пришиты. С продольных же сторон первый имеет явно рваные края, а второй специально был сделан таким узким и длинным. Чечевички, удлинённые чёточки на коре, расположены вдоль фрагментов. Я себе задал вопросы: к чему эти фрагменты были когда-то пришиты; почему они декорированы таким странным, неизвестным нам способом; в каком направлении искать поиск этого способа украшения коры; где искать разгадку или хоть какое-то объяснение такому странному явлению в берестяном творчестве?

Мы уже знаем, что все основные способы внешнего оформления берестяных изделий наших дней были известны древним новгородцам и что отдельные технические приёмы при изготовлении берестяных изделий, найденных в Древнем Новгороде, в наше время уже утрачены. Например, сложные системы швов, при помощи которых когда-то пришивались берестяные донья к корпусам туесов. Но здесь что-то новое, никем ещё не объяснённое, а потому — чрезвычайно интересное. Этот тип декорирования берестяных изделий, изобретённый здесь или завезённый когда-то в наши края, так же был со временем утрачен. Это очевидно.

Возможно, я и не пытался бы взяться за такую сложную задачу, если бы ни один случай во время моей недав-

ней поездки по Соединённым Штатам Америки. Мы обсуждали с американскими специалистами технику декорирования бересты при помощи зубов, применявшуюся индейцами с древнейших времён. Во время разговора я вдруг

почувствовал, что возможна какая-то связь между этим уникальным видом творчества и двумя археологическими находками в Великом Новгороде. Использование «зубной» техники в берестяном творчестве нам известно было пока только по якутским туесам, при изготовлении которых применялась зубная мускульная сила. Пришивая берестяное дно к корпусу берестяного туеска, якутские мастерицы прикусывали будущую кромку прошивки, чтобы плотнее приладить доньшко к корпусу¹. Но вернемся к индейцам. В США нет какого-то отдельного обобщающего труда об этом уникальном виде творчества, ухо-

Туес, изготовленный автором статьи, диаметром 10 см, украшен в технике «покусывания бересты»*.

дящем корнями в седую старину. Но всё же ряд публикаций нескольких специалистов, интересовавшихся этой темой, а также музейные образцы позволяют нарисовать ясную картину. Говорят, даже можно найти отдельных мастериц, которые ещё умеют выполнять орнаменты в этой замечательной манере. В общем, это искусство далёких дней...

Американская исследовательница Френсис Денсмор по-

Увеличенный фрагмент туеска, украшенного в технике «покусывания бересты».

вествует об одной из примитивных форм искусства индейцев чиппуа, где материалом служит кусочек бересты, а инструментами — человеческие зубы и проворные пальцы². Лист бересты сгибается, и вдоль этого изгиба методом покусывания наносится рисунок в соответствии с детально разработанным дизайном. Зуб оставляет метки на коре, что, собственно, и считается изготовлением орнамента. Развернув такой лист бересты, можно сразу увидеть рисунок, который будет иметь симметричную форму. Для более детально разработанных рисунков применялись дополнительные изгибы коры. Часто кора сгибалась крестообразно или крестообразно с дополнительным диагональным изгибом. Если рисунок заключался в четырёх, пяти и т. д. угольник, то для его изготовления требовались дополнительные изгибы и «покусывания» коры после того, как основной рисунок уже был закончен. Услож-

нённые рисунки требовали многократных сгибаний, и в результате количество покусанных слоев доходило до 24³.

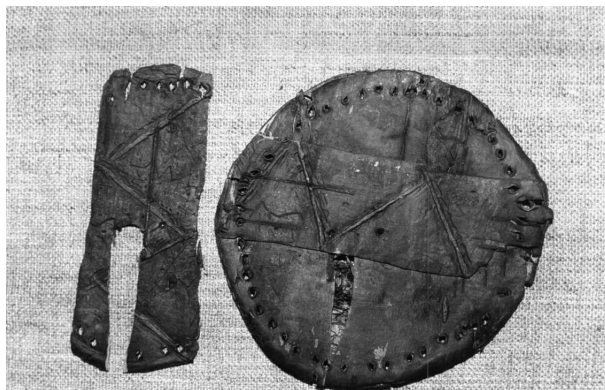
Сложенную в несколько раз кору, в зависимости от исполняемого рисунка, вставляли в рот и при помощи языка и рук, а иногда, используя только язык, кору умело поворачивали во рту, «покусывая» заданный изначально рисунок⁴.

Для «оттисков» на бересте использовались обычно «глазные» или боковые зубы. Зубы оставляли разные метки на согнутой коре: от острых, типа шила, до широких, выполненных при помощи покручивания бересты между зубами. Френсис Денсмор собрала более 200 таких рисунков, лучшие из которых были выполнены женщиной, у которой был всего один зуб⁵!

Наиболее изящные оттиски шли от передних зубов и клыков (глазных зубов). Более грубые делались малыми коренными и коренными зубами. Варьированием силы покусывания можно было добиться оттенков в рисунке. Для изготовления более сложных рисунков надо было позаботиться, чтобы при следующем сворачивании бересты и дальнейших покусываниях рисунок не нарушал своей сюжетной целостности⁶. Кору перед покусыванием слегка нагревали, чтобы сделать её более уступчивой⁷. Сгибание и разгибание коры тоже было важной частью техники. Мастерница держала рисунок в уме и не разворачивала бересту во время процесса «покусывания» до полного окончания работы. Рисунок был уже готов, выполнен в сознании мастерницы до начала покусывания. Мастерница никогда при этом не запинаясь. Каждый следующий рисунок не копировался⁸.

Различные этнические группы индейцев определяют этот вид искусства по-разному. «Порезанная зубами кора»

у индейцев пенобскот, «я делаю метки на ней» у индейцев чиппуа, «покусывание рисунка» у алгонкин, «покусанный дизайн» у монтегас, «покусывание» у кри, а так же «покусанная работа», «зубная пиктография», «зубная резьба», «жевание» у авторов не индейцев. Все эти определения относятся к единственной форме искусства на тонких слоях коры бумажной берёзы *betula papyrifera*⁹.

Верхняя часть крышки туеска. Две продольные полосы, крепящиеся крестообразно сверху крышки, украшены в технике «покусывания». Для наглядности верхняя из полосок снята и показана слева. Неревский раскоп до XV в. Фонды НГОМЗ

Рисунки на коре выполнялись в виде геометрического орнамента, цветов, листьев растений, звёзд, людей и их жилищ, а так же в виде животных и насекомых. Элементы орнамента часто заключались в рамки круга, квадрата, пятиугольника, шестиугольника, восьмиугольника, выглядели как трилистник и четырёхлистник¹⁰. Но были и мастера, которым давались и невероятно сложные рисунки. В статье Кэт Оберхольтцер и Николаса Смита приводится следующее свидетельство одного торговца: «Джорж

(Томас из Камберлен Хаус) был единственным человеком, кого я знал, и кто действительно понимал, как жевать кору. Он был настолько искусен в этой технике, что мог «выжевать» на картинке человека, стоящего в каноэ»¹¹. Судя по всему, это было уже в позднейшие времена, когда искусство покусывания коры стало просто развлечением.

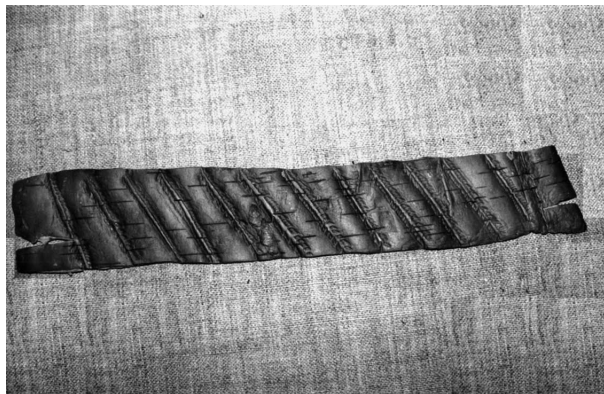
Ареал распространения этого искусства среди индейцев достаточно широк. Это творчество практиковалось среди индейцев биотик и микмэк, пенобскот и монтегю, нэскапи и алгонкин, оджибвэй и западных кри, мэлисайт и вабанаки, пассамакводи, восточных кри и тете ди буле¹². Надо заметить, что Френсис Денсмор упоминает и об использовании аналогичной техники индейцами в районе Великих Американских озёр для применения её на широких листьях некоторых растений. Одним из таких растений была *clintonia borealis*¹³.

Но всё же больше это искусство было распространено у индейцев алгонкин. Характерной особенностью техники покусывания является симметричность рисунка в подавляющем большинстве случаев, так как, чтобы его выполнить, необходимо кору сложить вдвое, втрое и т. д. Развернув кору, мы получаем симметричный рисунок по обе стороны изгиба. Идеалом рисунков индейцев алгонкин является двусторонний симметричный рисунок. Он присутствует у этих индейцев во всех декоративных техниках. Такой тип рисунка у алгонкин специалисты называли «двойными изогнутыми фигурами». Он очень близок к тому, что получается после покусывания коры зубами. Американский этнограф Фрэнк Спек пишет: «...Отмеченные пунктиром (после покусывания зубами, прим. авт.) линии, распознаются как листья, цветы, завитки и стебельки, которые походят на

«двойные изогнутые фигурки» так сильно, что если бы последние действительно не происходили от них, то могли бы благополучно рассматриваться как исторически близкие к ним»¹⁴.

Возможно, ввиду схожести рисунков, получаемых от покусывания коры, с художественным идеалом индейцев данного племени эта техника больше всего получила распространение у индейцев алгонкин.

Френсис Денсмор считает, что происхождение этого искусства неизвестно, и появилось оно как-то случайно.

Полоска берестяная. Украшена в технике «покусывания». Деталь верхней части крышки короба. Размеры 5х27,5 см. Неревский раскоп. Вторая половина XI в. Фонды НГОМЗ

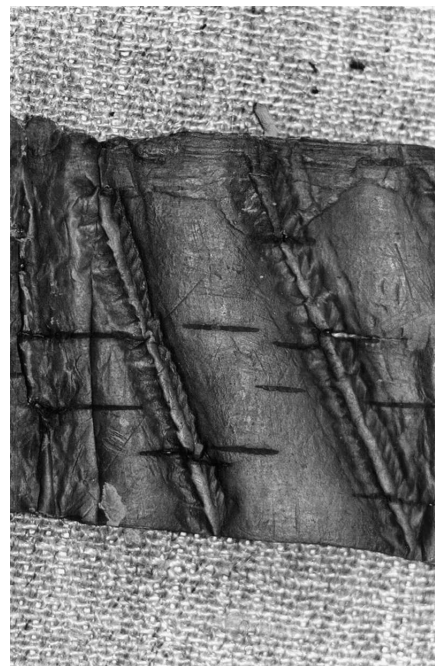
Она даёт такую версию случившемуся: «Женщина, сидящая на земле или в вигваме могла взять кусочек коры, сложить его, нанести зубами несколько линий на нём, развернуть его обратно и посмотреть на рисунок. Так как результат оказывался приятным, она могла поискать способ, как улучшить свою первую работу, а другие могли попытаться сделать копию или превзойти её результат. Также могли быть быстро подобраны подходящие для такой работы листья растений. Путём проб могло быть найдено, что бересту можно сложить и «покусать» лучше, если она подогрета перед этим на костре, и так же, что более детально разработанные сгибания бересты могли дать более интересный рисунок»¹⁵. Далее автор предполагает, что это искусство могло появиться под влиянием белой расы и могло быть связано с искусством текстиля или керамики, или быть просто своеобразной «выкройкой», шаблоном для работ по бисеру. И уж точно оно не могло быть связано с индейскими обрядами и символикой, так как невозможно представить, чтобы символы мечтаний и сновидений могли быть запечатлены при помощи покусывания и использованы как трафареты для дизайна в работе с бисером»¹⁶.

В большей степени этот вид искусства считался одной из форм развлечения и увеселения среди индейцев. Чаще всего это происходило, когда они собирались в весенне-летние лагеря для заготовки кленового сиропа¹⁷, из которого они в дальнейшем делали сахар. Именно в этот период было достаточно свежесготовленной, мягкой бересты (из которой индейцы делали посуду для сбора кленового сока и изготовления сахара).

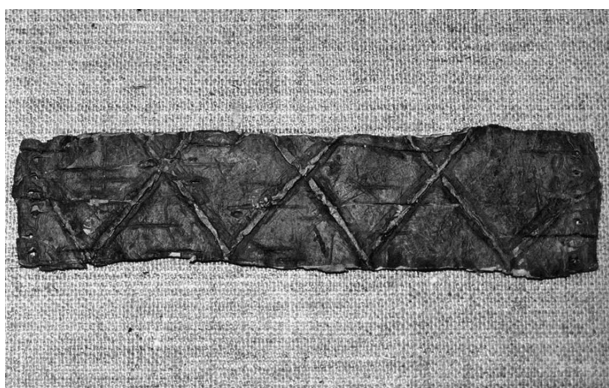
Занимались этим творчеством молодые люди и долги-ми зимними вечерами, сидя в вигвамах у костра, когда такой вид художественной деятельности был единственно доступным. Образцы такого творчества сохранялись, сравнивались и были гордостью мастеров¹⁸. У индейцев пенобскот, например, «ещё не так давно мальчики и девочки проводили свои вечера в деревнях, играя в игры, в которых они делились на команды, чтобы посмотреть, какая команда создаст более приятный рисунок»¹⁹.

У этого искусства было два предназначения: первое — это развлечение, изготовление для удовольствия. Такими рисунками дорожили, ими обменивались, их использовали как трафареты для работ по бисеру, вышивке и т. д. В этот период изготавливались художественно оправданные сюжеты, создавались формы, которые давали некоторое представление о жизни людей. Вторая ветвь была связана с периодом, когда утончённость старого восприятия ушла навсегда. Кора стала толще, рисунки примитивнее. После изготовления образец вырезался и приклеивался к одежде, а его края оторачивались бисером²⁰.

Авторы уже упомянутой статьи, Николас Смит и Кэт Оберхольтцер, называют довольно спорным использование «покусанных» рисунков в других декоративных техниках. Они дают более глубокое и, наверное, первоначальное предназначение этого вида творчества, когда в производстве таких очаровательных рисунков участвовали бо-жества, объясняя тем самым, почему покусывание бересты было несколько не чуждо и мужчинам. Часть покусанных образцов связана с охотничьими сюжетами — тропы, деревья, шалаши — и как-то выполняла роль передачи сведений полезных или даже необходимых в повседневной охотничьей жизни. Показывая такую ситуацию, авторы как раз и объясняют, почему происходит использование покусанных образцов в декорировании элементов одежды. В статье приводится пример из рассказа одной женщины, которая утверждала, что её отец во время зим-

Увеличенный фрагмент детали верхней части крышки короба

Полоска бересты. Украшена в технике «покусывания». Деталь верхней части крышки туеска. Размеры 3,3х13,5 см. Неревский раскоп. Конец XIII — начало XIV в. Фонды НГОМЗ

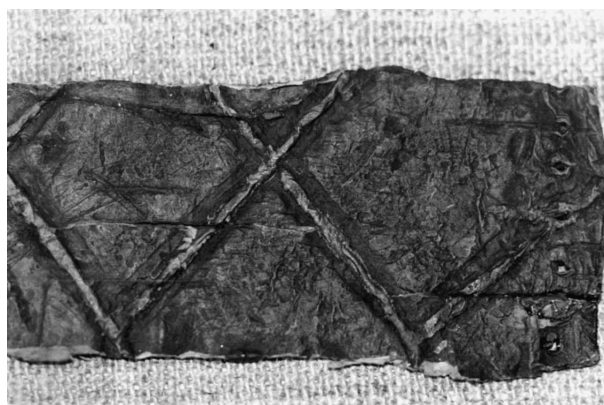
них вечеров часто играл со своими детьми в эту игру. «Покусав один из «стереотипных» рисунков в согнутой бересте, он обычно просил детей «использовать их воображение в интерпретации образца и поощрял их рассказывать истории на основе воображенных фигур»²¹. Авторы задаются вопросом, не является ли эта игра своеобразным упражнением в подготовке детей к «чтению знаков», относящихся к снам и охоте и не являются ли эти образы продуктом духов или посетителей снов?

Другая женщина утверждала, что «все её рисунки на мокалинах получены от покусываний её отца»²². Видимо, это был прекрасно найденный метод, использованный мужчинами для передачи своих невыразимых образов, «рождающихся в снах, которые его жена или дочь могли бы использовать как путеводитель в переводе этих образов в декоративные элементы на сумках, одеждах и особенно накидках»²³. Это был способ выражения в материальной форме мечтаний мужа, своеобразной обязанностью по отношению к посетителям его снов. Отсюда авторы делают заключение, что нельзя считать участие мужчин в покусывании коры просто одной из форм развлечений²⁴. Напрямую с духами, как предполагает Николас Смит, могли общаться не только мужчины, но и женщины. В письмах к автору этой статьи он сообщил, что женщины, которые были, вероятно, шаманами, могли в своих снах увидеть магический рисунок и, проснувшись, через какое-то время покусать на тонком берестяном листке, инспирированный духами образец. Имея такой рисунок, женщина-шаман могла скопировать его красками или выскоблить на бересте. Могла вышить его на охотничьей одежде, таким образом осуществив своё женское влияние с тем, чтобы охотник смог найти животное. Он мог так же заключать в себе тайный смысл, указывающий направление движения, время, когда надо что-то делать, предсказывать те или иные события или, возможно, одухотворять пребывание в том или другом месте. Вполне вероятно, что время, место и охотничьи удачи могли быть предсказаны подобным образом. Так же могло быть, что рисунок, данный божеством женщине, мог быть более могущественным, чем точно

такой же, данный мужчине. Выходит, что перенос покусанных рисунков в другую декоративную технику уже нес охранительную нагрузку, выполнял функцию оберега.

Френсис Денсмор называет причиной упадка этого удивительного творчества вмешательство правительственных школ в общеобразовательный процесс индейцев, когда их стали учить копировать лучшие образцы, и сразу же на смену периоду «интерпретации», когда мастера создавали лучшие образцы по вдохновению, пришёл период «имитации», то есть простого копирования того или иного образца²⁵. Френсис Денсмор приводит потрясающую новеллу, красноречиво показывающую смену идеалов во взглядах индейцев на окружающую среду, произошедшую со времени поэтического воззрения на природу, когда люди не знали, что такое время и товарно-денежные отношения, то есть всего того, что появилось после прихода «цивилизации» в эти края:

«Один молодой человек жил со своими родителями. Однажды во время изготовления сахара (кленового сахара, прим. авт.) он вдруг заметил, что они стали старыми и не в состоянии более выполнять трудную работу. Поэтому он решил привести в дом жену, чтобы помочь им. Семья в это время как раз была в лагере для заготовки сахара, и он послал жену принести немного бересты для изготовления чашек для сахара, как то делали другие женщины. Она взяла топор и ушла в лес на целый день. Возвратилась она домой к ночи и принесла с собой на спине огромный рулон коры. Это обрадовало мужа, так как он подумал, что жена, должно быть, очень трудолюбивая. Она развернула рулон бересты и сказала: «Посмотри, что я делала целый день». Затем она показала ему множество образцов и рисунков, «накусанных» на березовой коре. Её рулон был

Увеличенный фрагмент детали верхней части крышки туеска

полон ими. Она «засубривала» эти рисунки весь день вместо того, чтобы делать чашки. Мужчине стало так стыдно, что он сник и умер. Он не мог допустить того, что люди скажут, будто он привёл в дом такую «хорошую для ничего» жену»²⁶.

Но если всё-таки посмотреть в глубинную суть этого творчества, представляя, что таким способом индейцы «ко-

дировали» информацию, связанную с охотничьим ремеслом, передавая её из поколения в поколение, то понятно, что с приходом товарно-денежных отношений такая практика им была уже не нужна, что и привело к упадку поэтически одухотворенного рисунка внешне и глубинного смысла своеобразного охотничьего оберега. «Для современных индейцев старый способ жизни с его зависимостью от самодостаточности и выживания, основанного на охоте, использовании ловушек и рыболовстве в зарослях фактически закончился... Всё это способствовало кончине истинного искусства аборигенов с его многослойным значением»²⁷. Теперь только с сожалением можно сказать, что совсем недавно ещё были старые люди в Северной Америке, которые могли с полной правотой сказать: «Я последний, кто действительно делает это», потому что сейчас только коммерческий рынок является «продолжателем» этого некогда удивительного в своём единстве с природой творчества.

Но вернёмся к образцам из Новгородского музея. Как мы установили, это два небольших фрагмента с отверстиями по краям и «чечевичками», расположенными вдоль. Интересно, что точно так же чечевички расположены и на более крупных археологических фрагментах XII–XIV веков, расписанных красками. Расписные фрагменты так же имеют ряды отверстий по краям, и были к чему-то пришиты. Отверстия дают основание предполагать, что данные фрагменты, как первые, так и вторые, были частью внешнего оформления берестяных изделий: туесков, коробок, контейнеров и т. д. Листы бересты, скорее всего, огибали окружность изделия и пришивались в верхней и нижней частях к внутреннему цилиндру изделия. Мы знаем, что в Древнем Новгороде туеса изготавливались, в основном, круглой формы²⁸. Размеры наших фрагментов точно ограничивают высоту изделий: 13,5 сантиметров и 27,5 сантиметров. Высота в 27,5 сантиметров для туеска достаточно велика и может претендовать на небольшую коробейку. Хотя четкой грани между этими формами изделий проводить не следует.

В Древнем Новгороде существовали два вида туесков. Первый состоял из внутреннего цилиндра краями внахлест, внешнего цилиндра краями, скреплёнными в замок и деревянным дном. Точно такой же была конструкция крышек, которые были немного шире корпуса, короче его, чем наполовину, и надевались сверху. Второй так же состоял из двух листов коры, сшитых в цилиндр и пришитым дном. Верх так же прошит по краю изделия. Крышка делалась подобно корпусу, надевалась сверху таким образом, чтобы круглый ободок, пришитый к ней снизу, уходил во внутрь корпуса туеска или шёл снаружи. Диаметр туесков от 8 до 14 см, высота от 6,5 до 12–14 см.

По мнению археолога Б.А. Колчина, существовала ещё и интересная конструкция цилиндрического лубяного лукошка или коробка (более крупной коробки в диаметре от 23 до 42 см и больше и высотой от 24 до 44 см), который с внешней стороны украшался пришитым или приклеенным листом декорированной бересты²⁹.

Для наших двух фрагментов вполне подходят туески второго типа и коробейки высотой 27 см. На обеих конст-

рукциях могли быть пришиты берестяные листы, украшенные таким необычным способом. Достаточно простой «покусанный» узор декорирования, по сравнению с рисунками американских индейцев, вполне пригоден для оформления такого вида изделий. Хотя некоторые индейские рисунки, видимо более древние, выглядят близкими к новгородским.

В доказательство того, что такой способ украшения мог быть использован при изготовлении туесков, мы приводим сведения о том, что в провинции Квебек (Канада) была найдена берестяная коробка, изготовленная до 1841 года, украшенная, по мнению экспертов, так же методом покусывания коры³⁰. Получается, что наше предположение о применении такого дизайна для украшения древненовгородских изделий из бересты — факт не единичного использования этого вида украшения в мировой практике. В приведённом только что источнике (в сноске), мы находим информацию и о фактах покусывания бересты у обских угров в Западной Сибири³¹. Древние новгородцы, кажется, были не единственными на территории современной России, кто использовал такую необычную технику украшения коры. Североамериканские индейцы, обские угры в Сибири, древние новгородцы на северо-западе России!.. Картина распространения этого искусства получается довольно широкой. Потребуется дополнительные изыскания, чтобы определить более точные границы бытования этой техники.

Сразу же много вопросов. Откуда эта техника появилась в Новгороде? Изобретена ли была здесь параллельно с индейцами в Америке, а потом попала в Сибирь? Или, наоборот, была доставлена в Сибирь через Аляску, а потом в Новгород? Во всяком случае, общение на таком дальнем расстоянии в те времена, по-видимому, было возможно, и это доказывается появлением у жителей Аляски берестяных коробочек (использовавшихся, в основном, для хранения табака), которые широко были развиты на территории Финляндии, Швеции и на древненовгородской земле, а для жителей Аляски были адаптированы извне.

Рассматривая иллюстрации с образцами покусанного дизайна в американских книгах, я находил рисунки очень простые и похожие на те, что имеются в нашем новгородском музее.

Даже если фрагменты бересты, добытые из новгородской почвы, были когда-то откуда-то привезены, то очарование от подобной техники работы с берестой, до этого почти неизвестной у нас, таково, что не оставляет нам права быть в стороне от возможного её воскрешения из небытия.

P.S. Недавно мне довелось вновь побывать в фондах Новгородского музея. Когда более тщательно я посмотрел на некоторые другие берестяные образцы, мне удалось идентифицировать ещё девять фрагментов «археологических» находок с украшениями, выполненными способом покусывания зубами. Два фрагмента, что вполне очевидно, можно считать верхними частями от крышек туесков. А один фрагмент из четырёх деталей — двух кругов диаметром 9,5 см и двух «покусанных» поло-

сок, лежащих крест-накрест сверху этих кружков — почти готовая крышка туеска. Все девять фрагментов декорированы «покусыванием» также в виде параллельных линий или квадратилов. То есть пока ничего нового в сюжете рисунков, но уже узнаваемые части изделий.

Конструкция туесков, которую можно вывести, анализируя эти образцы, была развита в те времена. Это говорит о том, что данная работа, скорее всего, была выполнена в Древнем Новгороде, не привезена откуда-то и носила не исключительный характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Иванова-Унарова З. «...Из бересты» // Приложение к журналу «Сельская Новь». №1. 1989 год. С. 33; Саввинов А. Береста и конский волос // Северные просторы. Журнал. №2. 1988. С. 44.

² Densmore Frances. How Indians Use Wild Plants for Food, Medicine & Crafts. Reprint of 1928 ed. Dover Publications, Inc. New York. 1974. P. 390.

³ Cath Oberholtzer, Nicholas N. Smith. I'm the Last One Who Does Do It: Birch Bark Biting, an Almost Lost Art. Winnipeg, 1995. P. 309.

⁴ Ibid. P. 309–310.

⁵ Densmore Frances. Op. cit. P. 391.

⁶ Cath Oberholtzer, Nicholas N. Smith. Op. cit. P. 310.

⁷ Densmore Frances. Op. cit. P. 391.

⁸ Ibid. P. 393.

⁹ Cath Oberholtzer, Nicholas N. Smith. Op. cit. P. 308.

¹⁰ Densmore Frances. Op. cit. P. 393.

¹¹ Cath Oberholtzer, Nicholas N. Smith. Op. cit. P. 310.

¹² Ibid. P. 311–312.

¹³ Densmore Frances. Op. cit. P. 393.

¹⁴ Frank Speck. Symbolism in Penobscot Art. Reprint of 1927 ed. Tucquan Publishing. Hummelstown, PA, 2001. P. 77.

¹⁵ Densmore Frances. Op. cit. P. 391.

¹⁶ Ibid. P. 391.

¹⁷ Cath Oberholtzer, Nicholas N. Smith. Op. cit. P. 312.

¹⁸ Densmore Frances. Op. cit. P. 391.

¹⁹ Frank Speck. Op. cit. P. 77.

²⁰ Densmore Frances. Op. cit. P. 391–392.

²¹ Cath Oberholtzer, Nicholas N. Smith. Op. cit. P. 312.

²² Ibid. P. 314.

²³ Ibid. P. 314.

²⁴ Ibid. P. 314.

²⁵ Densmore Frances. Op. cit. P. 392.

²⁶ Ibid. P. 396.

²⁷ Cath Oberholtzer, Nicholas N. Smith. Op. cit. P. 316.

²⁸ Колчин Б.А. Новгородские древности. Деревянные изделия. М., 1969. С. 49.

²⁹ Там же. С. 50.

³⁰ Cath Oberholtzer, Nicholas N. Smith. Op. cit. P. 306.

³¹ Cath Oberholtzer, Nicholas N. Smith. Op. cit. P. 311.

* Все фото выполнены автором статьи.

Автор выражает искреннюю благодарность генеральному директору Новгородского музея-заповедника Николаю Николаевичу Гринёву, сотрудникам музея Галине Николаевне Кожинной, Татьяне Сергеевне Матехиной, а также американскому исследователю Николасу Слиту за помощь в подготовке материала.

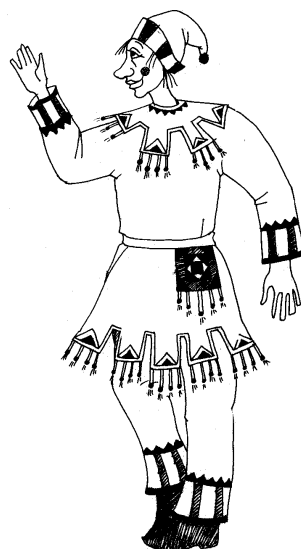
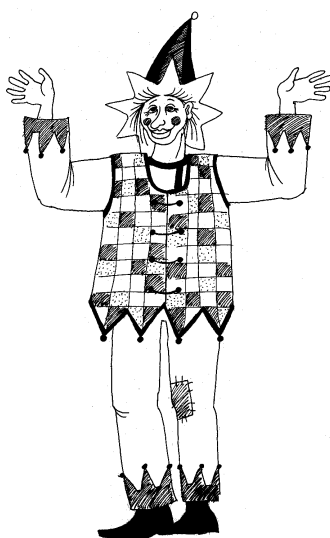
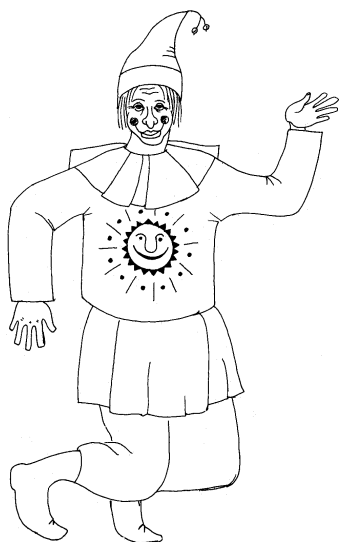
Юлия ИВАНОВА

— В 1999 году я закончила факультет искусств и технологий НовГУ по специальности «Изобразительное искусство». Это был первый выпуск факультета. Работаю методистом в областном Доме народного творчества, заведую мастерской по традиционному лоскуту. Меня всегда привлекали традиционные промыслы и ремёсла Новгородчины. Великий Новгород, с его более чем тысячелетней историей, не может оставить равнодушным, наверное, никого. В разное время я увлекалась различными видами художественных промыслов, пока не остановилась на технике лоскута. Этот вид народного творчества получил в последнее время широкое распространение, но не многие задумываются о его происхождении. Русский традиционный лоскут в своей основе имеет обрядовое, и даже магическое значение. Учитывая эти особенности русского лоскута, я пытаюсь создавать современные вещи с учётом национальных художественных традиций. В последнее время я увлекаюсь разработкой костюма скомороха. Мои эскизы будут использованы при создании костюмов для фольклорных коллективов в мастерской по традиционному русскому костюму нашего Дома творчества. Эскизы представляю на суд читателей журнала «Чело».

СКОМОРОХИ

ИЗ НОВГОРОДА ПИШУТ...

С 1995 года в Новгороде Великом издается альманах истории, культуры и литературы «Чело», возглавляемый поэтессой Тamarой Сигаловой. За эти годы вышло в свет уже двадцать выпусков. Несомненный успех для малотиражного регионального издания. Во многом он связан с энтузиазмом и человеческими талантами его главного редактора, сумевшей привлечь к созданию альманаха весь цвет новгородской интеллектуальной элиты. В составе редакционной коллегии — писатели, художники, профессора университета, представители творческих союзов. Научным консультантом выступает выдающийся отечественный историк-археолог, академик Российской Академии наук, «русский Шлиман» Валентин Янин. Все эти люди не просто украшают своими именами титульный лист альманаха, но принимают в нем живое участие в качестве активных авторов. Вообще, читая краткие справки об авторах, помещенные в конце каждого выпуска издания, видишь, что над его созданием трудится команда высококвалифицированных специалистов, профессионалов своего дела, не только любящих, но и знающих свой предмет, и, судя по текстам, способных интересно и содержательно о нем рассказывать.

Основной состав альманаха — исторические, литературные и краеведческие статьи. В небольших дозах присутствует изящная словесность стихов, проза, эссеистика. Тематически материалы так или иначе привязаны к Новгородчине. В то же время издателям удается избежать «местечкового патриотизма», так часто губящего разнообразные провинциальные проекты. Богатая история Великого Новгорода, его обширное культурное наследие, яркие личности, чьи судьбы оказались связанными с новгородской землей, предстают на страницах альманаха в их неотрывной связи с историей и культурой всей России.

Особенно привлекательны статьи, посвященные биографическим исследованиям. Здесь говорится не только о выдающихся личностях, чьи имена навеки вписаны золотыми буквами в книгу народной памяти, — Г.Р. Державине, А.В. Суворове, А.С. Пушкине, Ф.М. Достоевском. Для полноценного существования национальной культуры не менее важны и духовные усилия тех, кто, не будучи наделен от природы возможностями гения, чувствует потребность в возвышенных идеалах и бескорыстно служит им, порой жертвуя собственным покоем и благополучием. Об этих людях мы, как правило, знаем меньше, поэтому с неподдельным интересом читаются, например, очерки о поэте Серебряного века Ольге Чюминой, обладавшей редким для женщин даром сатирика (1999, № 2), о педагоге и пушкинисте Викторе Петровиче Острогорском (там же); об иеромонахе Иверского монастыря отце Никите, бывшем духовной опорой для многих мирян в годы революции и Гражданской войны, и о его племяннике Владимире Игнатьеве, вступившем на путь церковного служения в 1922 году и несшего свет истины в самые суровые для Русской православной церкви годы (2000, № 3), о епископе Валдайском Иосифе (там же), писателе и собирателе книг Сергее Рудольфовиче Минцлове (там же); о генерале Викторе Кренке, авторе идеи сооружения в Новгороде памятника Тысячелетия России (2001, № 1)... Привлечение обширного архивного материала, редких и малодоступных источников

придает этим публикациям высокую научную ценность, открывает перед читателями малоизвестные страницы отечественной истории.

Не забыты на страницах альманаха и современники, те, кто в наши дни продолжает дело духовного строительства на новгородской земле. Личностный подход, глубокое уважение к человеческой индивидуальности, подлинный интерес к внутреннему миру своих героев позволяют авторам «Чела» создавать их живые, выразительные портреты. Об интенсивности культурной жизни региона можно судить по разнообразным отчетам и сообщениям, из которых складывается картина интересов новгородских интеллектуалов.

Значительное место в альманахе занимают статьи, посвященные архитектуре, археологии и музейному делу. Кто бывал в Новгороде, помнит его просторный и торжественный исторический центр, массивные стены и башни кремля, величественный Софийский собор, многочисленные купола посадских церквей. Незабываемы ансамбли Юрьевского, Хутынского, Кирилло-Белозерского, Иверского монастырей. На новгородской земле сохранилось множество памятников русского зодчества — храмов, монастырей, усадебных комплексов, деревянных и каменных построек гражданской архитектуры. У каждого из них своя история, судьба, свои проблемы и заботы. В городе и области постоянно работают бригады художников-реставраторов, археологи, исследователи-медиевисты, искусствоведы. Своими открытиями они делятся с читателями альманаха.

Так, поистине сенсационной можно считать статью Валентина Янина, в которой сообщается о находке, сделанной 13 июля 2000 года в Троицком-ХII раскопе в Новгороде (2000, № 3). Из-под культурного слоя археологи извлекли восковые скрижали с текстами нескольких псалмов. Найдка вполне уверенно и доказательно датируется специалистами концом X — началом XI века. Иными словами, история русской письменности, началом которой традиционно считалось знаменитое Остромирово Евангелие 1056–1057 гг., теперь доказательно признается на пятьдесят лет старше. «И если сегодняшние учебники отечественной истории немыслимы без упоминания берестяных грамот», — пишет академик Янин, — будущие учебники рассказ о русской письменной культуре начнут с нынешней находки». Впрочем, что-то я не слышал, чтобы столичные средства массовой информации заинтересовались уникальным открытием новгородских археологов. Да и зачем бы им — это ж не автограф Клеопатры!

Материалы альманаха отличаются плотной информативностью, добротной, обстоятельной проработкой темы, серьезным отношением к источникам и хорошим русским языком. Скромность полиграфии с лихвой окупается полноценностью содержания. В наши дни, когда прилавки «Роспечати» и лотки газетных распространителей заполнены безмозглым и самодовольным глянцем, хамски безответственными таблоидами и неприкрытой порнографией, несколько старомодный и немного неуклюжий (по дизайну и верстке) альманах «Чело» вызывает симпатию и уважение, самой своей немодностью и непритязательностью подчеркивая подлинность и благородство своих задач. Именно такие явления, как «Чело», принято называть «очагами культуры» — рядом с ними тепло и спокойно. Читая альманах, с особой остротой чувствуешь, как важно духовное, эконо-

мическое и политическое здоровье российских регионов для полноценной жизни всей страны.

Новгород Великий всегда входил в элиту городов русских. Даже когда утратил свой великокняжеский венец и политическое могущество, он оставался одним из крупнейших культурных и экономических центров России. Сегодня регион переживает очередной подъем: в 1990-е годы была восстановлена Новгородская епархия, которую возглавил умный и энергичный Преосвященный владыка Лев, преобразован в университет Новгородский пединститут, к власти пришли авторитетные и ответственные руководители. Регулярное издание альманаха творческой интеллигенции Новгорода «Чело» стоит в этом же ряду, и можно только порадоваться за новгородцев. И не только за новгородцев.

Павел ФОКИН
(«ЗНАМЯ», декабрь, 12/2001. С. 229)

ЭТЮД ОБ «ЭТЮДАХ»

«Проглотила» «Этюды» Тамары Сигаловой («Стихотворения», В. Новгород, 2001 г.) и ощутила «голод». Так и хочется сказать: «Стихов! Еще стихов!». Настолько ново, трепетно, нежно, чуть-чуть таинственно сказано о многом дорогим, сокровенным, вечном.

Мы, жители деревни, любим своих, новгородских поэтов, собираем не такие уж частые издания их произведений. И «Этюды» нас всколыхнули, одарили своим теплом, свежим чувством, индивидуальностью авторского стиля, композиции стиха.

Я не критик, а просто читатель, и пусть мои несколько слов о стихах Тамары Сигаловой найдут новых читателей и почитателей поэзии.

Стихотворения небольшие по объему — именно «этюды», зовущие к продолжению мысли, к новому прочтению. Стихи, дающие импульсы к жизни, будоражащие и радующие, с грустинкой и любовью, яркой образностью.

Помочь страждущему, поделиться, подать руку — моему, таков сквозной лейтмотив «Этюдод»:

Когда б могла,
сейчас бы отломила
от сердца своего —
тебе бы отдала.

И в этом же посвящении другу — глобальная проблема человечества:

Вселенную освобождать от скверны
метлой, скребком,
пронзительной строкой...

А россыпи признаний любви к Родине, забота сердечная о том, чтобы «сберечь — от холодных глаз то, что дорого, — не на раз» (стихотворение «Росы спутали косы берез»).

«Недосказанность» в стихах как будто ставит читателя перед вопросами: «А как вам это? А что теперь скажете?».

Скажем: «Этюды» пахнут сентябрем и желтым цветком липы, они зовут нас окунуться и раствориться в пленительной мелодии стиха...».

Зрелый возраст — зрелый стих. Но сколько в них, «Этюддах», молодой силы, внутренней энергии, поэтического очарования. Читайте и наслаждайтесь. А от Тамары Сигаловой и всех новгородских поэтов ждем новых творений, лишь бы они доходили до нас.

*Алевтина ЯКОВЛЕВА, с. Новоселицы,
Новгородский район*

(«Новгородские ведомости». № 37. 15 сент. 2001.)

ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

...Большая благодарность за Ваш альманах: замечательное и очень интересное дело. Перечитал от корки до корки почти что дважды, особенно публикации о памятниках и святынях Новгорода, материал И. Савиновой о В. Трувеллере. Честно говоря, не избалован подобной информацией и литературой. Наше время в какой-то мере, в каких-то чертах сокращая расстояния и сближая, пусть весьма относительно, столицы и провинции, в то же время, к сожалению, увеличивает, делая почти неодолимой, разрыв-пропасть между большими городами и «глубинкой». И, прежде всего, пропасть социокультурную, духовную. «Глубинка» эта опустошается и объективно, и субъективно, внутренне. Правда, есть ещё люди, пытающиеся этот процесс как-то остановить, может быть, повернуть вспять. Вот для них ваш альманах неоценим...

*Владимир ПОПОВ, Вологодская обл.,
Белозерский р-н, д. Анашкино*

О «ЧЕЛЕ»

Новое время и новые вкусы врываются в нашу суматошную жизнь. Появляется много журналов самых различных направлений. Но не каждый из них может заявить о себе: «Я — для всех!»

«Чело» — это потрясающие сенсации — открытия академика В.Л. Янина и проба юного пера; это малиновый звон колоколов (кто умеет слушать и слышать) исчезнувших монастырей и краеведческие стёжки-дорожки с рюкзаками и звёздными ночами; это пытливая мысль учёного-исследователя и поэтическая строка.

«Чело» — это особый, разновременный мир слитых пером эпох. Читаешь — и то захватывает тебя вихрь событий, то баюкает «река времён», то зовёт задорный клич чапушки или прекрасное русское слово.

Этот журнал — страна бесконечного Дива, созданная Тамарой Наумовной Сигаловой, главным редактором, и её командой.

«Чело» очень демократично по содержанию и составу авторов. Хочется сказать любимому журналу старинными добрыми словами: «Гой еси, «Чело»! Будь здоров многие Лета!»

Поклонники, читатели и авторы

В НОМЕРЕ ПУБЛИКОВАЛИСЬ:

Тамара АЛЕКСАНДРОВА, сотрудник ГАНПИНО.
Ирина БАБУШКИНА, сотрудник отдела истории Кирилло-Белозерского музея-заповедника.

Роберт БАЙРОН (1905–1941), английский писатель-путешественник, журналист.

Валерий ВАСИЛЬЕВ, кандидат филологических наук, преподаватель НовГУ.

Сергей ВИТУШКИН, руководитель рабочей группы Книги Памяти (Великий Новгород).

Леонид ЕВДОКИМОВ, инженер-полковник ВВС в отставке, ветеран Великой Отечественной войны (Великий Новгород).

Юлия ИВАНОВА, методист Новгородского областного дома народного творчества, заведующая мастерской по традиционному лоскуту.

Геннадий КОВАЛЕНКО, заведующий отделом истории Новгорода Санкт-Петербургского Института российской истории РАН.

Юрий МАРКИТАНОВ, военнослужащий (Великий Новгород).

Дмитрий МИХАЙЛОВ, доктор геолого-минералогических наук, Санкт-Петербургское отделение АН России.

Наталья МОРЫЛЁВА, главный библиотекарь научной библиотеки НовГУ.

Ирина ПАВЛОВА, учитель истории (Санкт-Петербург).

Людмила ПЕТРОВА, главный библиотекарь Новгородской областной научной библиотеки.

Наталья ПЕТРОВА, старший научный сотрудник Кирилло-Белозерского музея-заповедника.

Галина ПОРОВСКАЯ, заведующая кафедрой ИЗИ и МП НовГУ, кандидат педагогических наук.

Алексей ПШАНСКИЙ, член Союза театральных деятелей России, редактор отдела культуры газеты «Новгород».

Ирина САВИНОВА, литературный сотрудник газеты «Время новгородское», член Союза журналистов России (Великий Новгород).

Людмила СЕКРЕТАРЬ, старший научный сотрудник НГОМЗ.

Тамара СИГАЛОВА, главный редактор альманаха «Чело», член Союза журналистов России.

Алексей СМЕРНОВ, научный сотрудник Кирилло-Белозерского историко-архитектурного художественного музея-заповедника.

Игорь ТАЯНОВСКИЙ, поэт, член Союза писателей России.

Павел ФОКИН, кандидат филологических наук (Калининград).

Юлий ЦИРКИН, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории НовГУ.

Ирина ЩУКИНА, научный сотрудник художественного отдела Кирилло-Белозерского историко-архитектурного художественного музея-заповедника.

Владимир ЯДРЫШНИКОВ, старший научный сотрудник отдела хранения архитектурных памятников НГОМЗ.

Владимир ЯРЫШ, преподаватель фольклорных дисциплин Новгородской музыкальной школы русского фольклора, член Союза художников России.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

173007, Россия, Великий Новгород, ул. Льва Толстого (Чудинцева ул.), д. 6/64

Телефон: (816-22) 11-55-60. E-mail: chelo@info.novsu.ac.ru

Альманах зарегистрирован в Комитете РФ по печати.

Рег. номер 013934.

Подписано в печать 26.02.2002. Заказ № 3596.

Бумага 80 г/м². Формат 60х84/8. Тираж 1000 экз.

Графика на обложке Владимира ПОВЕТКИНА

Тираж отпечатан в ЗАО «Новгородский Технопарк». Телефон: (816-22) 27-883.

Редакция не рецензирует и не возвращает присланные рукописи.

Перепечатка допускается по согласованию с редакцией, ссылка на «Чело» обязательна.

Мнение редакции может не совпадать с мнениями авторов.

Над номером работали:

Главный редактор – Тамара СИГАЛОВА

Инженер-программист – Ирина АЛЕКСАНДРОВА

Ведущий редактор – Елена БАРКАНОВА

Редактор отдела – Юлия СИЛКО